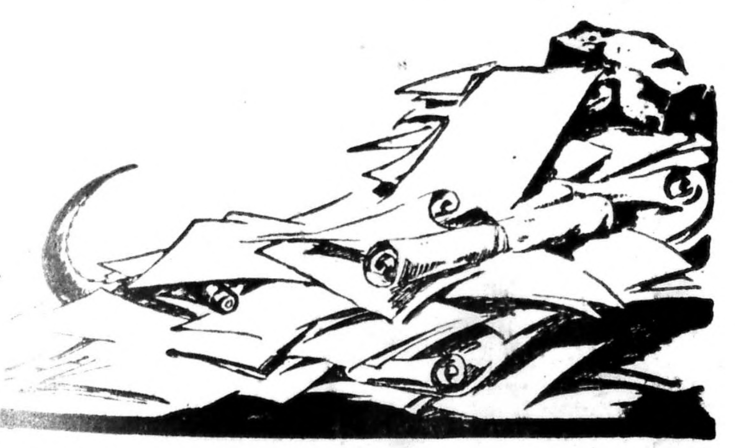

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПЕТРОГРАДСКОГО БЮРО КОМИССИИ по ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

№ 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

1923

Петроградское бюро комиссии по истории Октябрьской Революции
и Российской Коммунистической Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1923 . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4238. Петрооблит № 4200. 1 — 27/I — 1923. Отпеч. 6.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 7.

I. Статьи и воспоминания.

II. К 25-летию Р. К. П.

III. Библиография.

IV. Указатель.

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Но, во-первых, это был крайне неглубокий конституционализм, ограниченный убеждением, что живи Александр III — и самодержавие было бы и сильным и разумным. А во-вторых, и этому неглубокому конституционализму негде было развиться, в виду отсутствия реальных конституционных элементов. Кроме «аршинных душ» и «Гамлетов русской революции» Витте никого не видел на этом фланге русской жизни. И получался своего рода политический нигилизм, а к нему присоединялись старые навыки царедворца, для которого безразлично, с кем в союзе и какими средствами, лишь бы нанести удар сопернику и вернуть милость царя [1]).

Таков наш ответ на вопрос об истинных политических взглядах Витте. Воспитанный в школе абсолютизма и ценивший в этом режиме возможность индивидуального почина, Витте по существу не был ни абсолютистом, ни конституционалистом. Не в политических формах, а в содержании политической программы была для него главная суть. И, если политика Николая II заставила его разочароваться в самодержавии, то слабость конституционных элементов, сила «анархических» (по его определению) лозунгов не внушили ему твердых конституционных убеждений. И он стал политическим нигилистом в этом вопросе, руководясь в нем лишь личной выгодой и оставаясь неизменным только в вопросах о содержании правительственной работы. Нужен новый социальный базис, нельзя «ориентироваться» на дворянство и «истинно-русские» элементы — таково его искреннее убеждение. Непонимающее этого правительство ведет страну к революции, предчувствием которой полны мемуары Витте. По его мнению, именно «на почве землевладения, так тесно связанного с жизнью всего нашего крестьянства, т.-е. в сущности России, ибо Россия есть страна преимущественно крестьянская, и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурбации в империи, особливо при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят в последние столыпинские годы дать, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тысяч бар и что государства существуют для сильных» [2]).

В этом сказывается громадное политическое чутье графа Витте.

Но это чутье уживается с крайней персонификацией политических явлений: если б в 1905 — 6 г.г. слушали его, а не Трепова, все было бы лучше. Задача не разрешена опять-таки из-за характера Николая II. Внутренняя логика *системы*, связывавшая его в одно с Треповым, Дурново и Столыпиным, осталась непонятой автором мемуаров.

И, однако, в сознании безнадежности, безвыходности положения русского самодержавия заключается, по нашему мнению, главный интерес мемуаров.

А. Шебунин.

---

[1]) Отсюда и сближение с Распутиным, о чем ни слова нет в мемуарах. См. интересные «Воспоминания» С. П. Белецкого в № 20 «Былого».

[2]) Воспоминания, II, стр. 171.

ЛЕВ ТИХОМИРОВ И ПЛЕВЕ [1]).

Помещаемые ниже письма Льва Тихомирова к В. К. Плеве, бывшему в то время товарищем министра внутренних дел и директором департамента полиции, и датированные 7 августа и 4 декабра (ст. ст.) 1888 года, находящиеся сейчас в одном частном собрании, бросают яркий свет на момент перехода Льва Тихомирова, одного из вожаков «Народной Воли» и редактора «Вестника Народной Воли», на службу к правительству, закончившуюся редактированием «Московских Ведомостей». Фактическая сторона

---

[1]) В печатаемом письме Л. Тихомирова редакция обращает внимание на одно, по ее мнению, важнейшее место, ради которого письмо заслуживает большого внимания. Говоря о причинах, побудивших его отказаться от революции, Л. Тихомиров между прочим пишет: «Но особенно решающее значение имело для меня то обстоятельство, что я имел случай ознакомиться на практике, во Франции, какие результаты дает приложение к политике того самого принципа *народной воли*, который дотоле составлял основание моих политических идеалов. Зрелище это настолько поразило меня, что я решился подвергнуть радикальному пересмотру свои старые взгляды, или, точнее, привитые ко мне идеи французской революции».

Нам думается, что здесь в этих нескольких строчках, как в капле воды, отражается все то непонимание классового строения общества, которое одно только и дает возможность правильно оценивать события и намечать тактику. Тихомирова, никогда не понимавшего тех пружин, которые в конечном счете двигают общественным развитием, отвратило от революции проявление «народной воли» во Франции, т.-е. те уродливые формы, в какие вылился парламентаризм в этой стране. Нужно было, действительно, быть настоящим буржуа по мировоззрению (хотя бы и революционным некогда), чтобы не понимать и закрывать глаза на то, что народная воля и не выявлялась совсем во Франции в тех установлениях, которые по внешности считались демократическими. Это было не проявление народной воли, а подделка под народное представительство, проявление буржуазной воли. Оставляя в стороне личные мотивы, по каким Л. Тихомиров изменил революции, мы подчеркиваем это его основание. Тот самый Тихомиров, который, отрицая необходимость для России пройти стадию капитализма, задавал своим противникам, стоявшим на почве научного социализма, коварный вопрос: «Где же тогда различие между социалистом и буржуа?» именно потому, что сам не стоял на почве этого учения, и был, как он говорит, поражен проявлением «народной воли» во Франции. Такой человек, как Тихомиров, уже в конце семидесятых годов, по выражению Плеханова, договаривался до того, до чего договаривались самые заурядные либералы; немудрено поэтому, что в конце восьмидесятых годов он договорился до того, до чего договаривались уже не только заурядные либералы, но и люди поправее заурядных либералов.

Примечание редакции.

этого перехода хорошо известна, и повторять ее здесь мы считаем излишним. О моральном же состоянии Льва Тихомирова много говорят нижеприведенные письма. Первое из них было прислано В. К. Плеве одновременно с его брошюрой «Почему я перестал быть революционером», изданной в Париже в 1888 году [1]). Каковы были причины этого перехода, что заставило Тихомирова изменить своим убеждениям — разочарование или другие, еще не выясненные причины, мы судить не беремся.

Характеризуя же его как революционера и просматривая воспоминания народовольцев, можно лишь вывести впечатление о нем, как о деятеле незаурядном, тем более, что эти воспоминания писались уже после перехода Тихомирова в другой лагерь. Синегуб, его первый товарищ на революционном поприще, сидевший с ним по делу 193, пишет: «Я мало говорю в своих воспоминаниях о своем бывшем дорогом друге Льве Александровиче Тихомирове. Мне говорить вообще о нем больно. Но он заслуживает того, чтобы о нем, Тихомирове 70 и начала 80 годов, рассказать русскому обществу. Это был крупный человек, это был выдающийся борец за народную свободу. Он стал потом обскурантом, — да простит ему Провидение [2])! Характеристика дана уже после ренегатства и все-таки чрезвычайно тепла и говорит о Тихомирове, как о революционере крупном. Другое свидетельство, О. С. Любатович, как будто указывает те пути, по которым Тихомиров дошел до покаянного письма. «Нужно сказать, что хотя Тихомиров обладал недюжинным литературным талантом, — говорит Любатович, — теоретические взгляды его были очень шатки, — они не имели ярко определенной чеканки» [3]).

...«Вообще в нашей среде Тихомиров уклонялся формулировать свои взгляды. Раз помню однако, — это было у Ошаниной... Тихомиров сидел у нее и кого-то ждал; у меня также было там дело. Завязался разговор, говорили о народе, о терроре, о революционных перспективах вообще. Т., помню, был почему-то необычно сообщителен в этот день и сказал в разговоре: «Я не верю вообще в успех революционного дела». — «Почему же в таком случае вы работаете в революционном кругу?» — спросила я. «А потому, что в нем мои старые товарищи», — был ответ.

Со слов же народовольцев, еще и теперь благополучно здравствующих, нам передавали, что отличительной чертой характера Тихомирова было честолюбие. Таким образом возможны две версии. Первая, что при шаткости своих революционных взглядов Тихомиров, честно и искренне увлеченный революционным движением, постепенно охладевая, перешел к взглядам прямо противоположным. Вторая — его честолюбие, заставлявшее его всегда стремиться к крупным ролям и заметному положению в тех кругах, где он вращался. После окончательной ликвидации Народной Воли, наступившей в 1884 году, и в сумерках эмигрантской жизни [4]), одинаково тяжелой

[1]) Была переиздана в Москве в 1896 г.

[2]) *Синегуб.* Воспоминания чайковца. Былое, 1906 г. № 9, стр. 117.

[3]) *О. С. Любатович.* Далекое и недавнее. Былое 1906 г. № 6, стр. 112.

[4]) Тихомиров бежал за границу в июне 1882 года.

как тогда, так и теперь, в вынужденном бездействии и без надежды на возврат былого значения, Тихомиров эволюционировал скорее, чем, быть может, это проходило бы в нем в другое время (см. прим.) Во всяком случае, как его революционная деятельность, так и работа в правительственном лагере были одинаково честны и искренни. Самый тон письма его, по нашему мнению, звучит искренно. Самый переход его не был сопровожден обычными выдачами и доносами. Правительство, видимо, в факте его перехода видело такой крупный козырь в борьбе с революционными партиями, что и не пыталось что-нибудь узнать у Тихомирова. «Я надеюсь, что Вы не оскорбите меня предположением, будто бы я хочу что-нибудь покупать у своего Правительства или продавать ему. Я ищу искреннего *забвения* моего прошлого»...

Сами революционеры оценили его честность. Любатович пишет: «Впоследствии, когда я коротала дни в бессрочной ссылке на берегах Лены, по Сибири пронесся слух, что Тихомиров просил пощады у правительства и вернулся с семьей в Россию. Я знала, что он не лгал ради самосохранения; я знала, что он давно молчаливо носил нравственную смерть в своей душе, но я знала также, что если он купил себе свободу ценой своего личного достоиния, ценой своего имени, то вверенная его чести свобода и жизнь товарищей не войдут в эту цепу, не пострадают; я знала, что Тихомиров не может быть ни Гольденбергом, ни Дегаевым, и не ошиблась; а сколько мог он вернуть из административной ссылки, если не на эшафот, как Дегаев вернул барона Штромберга, то в каторжную тюрьму!..

История все-таки это должна знать, помнить и быть справедливой.— Горше доли, как доля Тихомирова, придумать трудно!..» [1]).

В письме лишь странно режет слух последний абзац, с извинениями Тихомирова перед Плеве. Речь идет о статье Тихомирова во 2-м № «Вестника Народной Воли» под названием «В мире мерзости и запустения», освещающей убийство Судейкина Дегаевым. Говоря в статье о разговоре Судейкина с Плеве, в котором будто бы Плеве сказал Судейкину, не любившему министра внутренних дел гр. Толстого и считавшего его главной помехой в его, Судейкина, карьере, на замечание Судейкина о возможности убийства гр. Толстого террористами Плеве раздумчиво ответил: «Да, конечно, его было бы жаль, как человека; однако нельзя не сознаться, что для России это имело бы и некоторые полезные последствия»... Тихомиров в дальнейшем пишет о тех, чисто личных видах Плеве на устранение гр. Толстого, что дало бы ему возможность претендовать на портфель министра внутр. дел [2]). Эту часть письма можно объяснить, конечно, как и сознанием несерьезности слухов об этом разговоре (Тихомиров писал на основании показаний Дегаева, приехавшего после убийства Судейкина за границу), так и просто желанием быть до конца честным в данном письме.

[1]) *О. С. Любатович,* Там же. стр. 112 — 113.

[2]) Интересующихся этой статьей и делом Судейкина отсылаем к статье «Дегаевщина». Материалы и документы в «Былом», 1906 г. № 4.

Плеве понял тон письма Тихомирова, и хотя, к сожалению, мы не знаем его ответа Тихомирову и официальной переписки по поводу его переезда в Россию (будем надеяться, что теперь вследствие доступности архивов департамента полиции и эти документы будут опубликованы), второе письмо Тихомирова от 4 декабря того же 1888 года позволяет нам сделать вывод, что формальности были несложны. В течение 4 месяцев Тихомиров успел получить ответ Плеве, отправить ходатайство на высочайшее имя и получить разрешение на возвращение в Россию. Второе письмо мало интересно.

Третье приводимое здесь письмо, относящееся к совершенно другому периоду и являющееся как бы редакторским и политическим «credo» Тихомирова, адресовано уже к сыну Плеве, Николаю Вячеславовичу, занимавшему в то время пост помощника Управл. Делами Совета Министров.

Тихомиров, уже редактор «Московских Ведомостей», после смерти Грингмута в 1907 г., видимо, в ответ на какой-то упрек по поводу ведения газеты, отвечает Н. В. Плеве и в письме излагает свои мысли о способах воздействия на массы и создания успеха газеты.

В этом письме любопытно нежелание Тихомирова дать газете окраску партийности. Конечно, здесь идет речь о «партии истинно-русских людей». Тихомиров, видимо, понимал все убожество лозунгов этой партии, сильной не поддержкою масс, а только поддержкой придворных кругов (об этом смотри любопытные подробности в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте). Он говорит о том, что даже Грингмуту, основателю этой партии, она села на шею и стеснила его деятельность. Поэтому,—говорит он,—«для того, чтобы «Моск. Вед.» имели хоть малейшие шансы сплотить силы — я должен сразу и резко стать вне партий».

В высокой степени также любопытны его слова, что «важны вожаки, важны сильные личности». В этих словах отразился весь Тихомиров. Желание быть вожаком, где угодно и над кем угодно, но властвовать, так характерно для него, еще не забывшего свою былую роль в «Народной Воле». Не это ли руководило им и при переходе из одного лагеря в прямо-противоположный. Не являются ли эти слова лишним подтверждением его честолюбия и не указывают ли они нам подлинные мотивы его перехода?

Современность ясно показала нам ошибочность такого взгляда на печать. Печать может быть сильна лишь своею партийностью, лишь своими определенными лозунгами. Только в таком случае она может объединить вокруг себя определенную группу лиц с одинаковыми взглядами, создать группу действия.

Тихомиров, умерший лишь в 1920 году, имел случай убедиться в своей ошибке и понять, что та работа, которой он отдал вторую часть своей жизни, никаких результатов не принесла. Творцами жизни оказались партии, а не люди.

Приношу благодарность Г. С. Гингеру, доставившему мне возможность воспользоваться публикуемыми здесь документами.

К. Малахов-Камартан.

Его Высокопревосходительству В. К. фон-Плеве.

7 августа 1888 г.
204 avenue du Maine. Paris.

Милостивый Государь
Вячеслав Константинович!

Получение письма от меня, быть может, Вас удивит. Вы не ощутите, быть может, достаточных побуждений, чтобы уделить мне несколько минут внимания, если не благосклонного, то беспристрастного. Я позволяю себе однако очень просить Вас об этом, обращаясь не только к государственному сановнику, но и просто к *человеку*... Постараюсь не злоупотреблять Вашим вниманием.

Как Вы видите из подписи, я — Тихомиров, Лев, имя которого Вам конечно, известно по должности. Можно заранее предположить, что донесения извратили и раздули в глазах Правительства мою деятельность, но в настоящую минуту я оставляю это в стороне.

Если мы отбросим все наговоры и неточности, остается все-таки факт, что в течение многих лет я был одним из главных вожаков революционной партии [1]), и за эти годы — сознаюсь откровенно — сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах. Я жил всецело для осуществления моих революционных идей, для них испортил свою жизнь и за служение им находил почитателей. Короче, служение революционной идее составляет существенную часть многих лет моей жизни [2]).

Если Вы, Милостивый Государь, захотите перелистать мою брошюру *Почему я перестал быть революционером»*, посылаемую при сем же на имя Ваше. — Вы увидите без дальнейших объяснений, какой огромный переворот произошел в моих взглядах. Переворот этот назревал в течение долгих лет. Многое в обычном революционном миросозерцании было мною отброшено еще в то время, когда я считал обязанностью оставаться в рядах противников Правительства. Внутренняя ломка пошла во мне быстрее, когда самое течение времени дало возможность наблюдать последствия революционного движения. Но особенно решающее значение имело для меня то обстоятельство, что я имел случай ознакомиться на практике, во Франции, какие результаты дает приложение к политике того самого принципа *народной воли*, который дотоле составлял основание моих политических идеалов. Зрелище это настолько поразило меня, что я решился подвергнуть радикальному пересмотру свои старые взгляды, или — точнее — привитые ко мне идеи французской революции. Таков, в общих чертах путь, по которому я из крайнего революционера стал *убежденным чело-*

[1]) «Народной Воли» *К. М.*
[2]) Л. А. Тихомиров начал принимать участие в революционном движении с 70-х годов. Первый раз был арестован 12/XI 1872 г. по делу 193-х.

веком порядка, сторонником исключительно мирного развития и почитателем твердой монархической власти.

Я взглянул таким образом на общественную жизнь собственными глазами, и она мне явилась в совершенно новом освещении. Я был бы однако более счастлив, если бы не узнавал истины, а продолжал оставаться в полном революционном охмелении. Это не потому, чтобы истина была печальна сама по себе. Напротив, она одна открывает настоящую гармонию Истории. Беда лишь в том, что моя собственная жизнь, мое прошлое и будущее, являются при этом каким-то безобразным кошмаром. Я разрушил все в этой жизни. Я имел некоторые способности и употребил их на дело, которое мне тяжело даже характеризовать. Я имел отечество, которое любил: оно считает меня преступником и врагом. Я имел отца и мать и покинул их; отец так и умер, не увидев меня больше, мать до сих пор оплакивает меня, как живого покойника. Я имею детей и поставил их в такое положение, что они меня помянут современем лишь самым горьким и заслуженным упреком. А между тем, я всегда был добрым сыном и хотел бы быть честным отцом. Из-за чего же я принес все эти жертвы, тяжелые тем более, что они иногда приносились без согласия страдающих от них лиц?

До сих пор утешением и оправданием для меня служил воображаемый революционный долг. Теперь иллюзия исчезла, а с ней и оправдания перед совестью. Внутренняя нелепость моего положения также выросла до истинного трагизма. В самом деле: что такое я теперь в душе, внутренне? Я — искренне возвратившийся к матери сын России, гордящийся своей великой родиной и считающий за честь быть подданным ее Государя. А фактически — я государственный преступник, я изгнанник, я живу терпимостью совершенно чуждых мне правительств, прокаженный для всех русских, исключая тех, кого сам не хочу знать. Даже в тех случаях, когда я хочу известить родину о каких-либо опасностях извне, или, наученный тяжелым опытом, стараюсь научить русских ценить то, чем они имеют счастье пользоваться, — я и то должен скрываться за каким-нибудь тройным барьером псевдонимов!

Это положение составляет, быть может, справедливое возмездие за страшные ошибки прошлого, но оно от этого не становится менее невыносимым. В его безотрадном мраке у меня остается лишь один луч света: надежда, что, быть может, я могу получить амнистию. В этих видах я решился обратиться к Вашему посредничеству, с просьбою указать мне путь, по которому я, если это возможно, мог бы возвратить себе родину и права русского подданного.

Я надеюсь, что Вы не оскорбите меня предположением, будто бы я хочу что-нибудь покупать у своего Правительства или продавать ему. Я ищу искреннего *забвения* моего прошлого, как оно умерло во мне самом, ищу возможности начать новую жизнь, но в этой новой жизни я надеюсь, как и в старой, ничего не сделать противного чести и обязанностям честного человека. Не заподозрите поэтому, чтобы в нижеследующих строках могло

скрываться какое-либо обязательство и предложение. Я просто хочу объяснить Вам одно из важнейших побуждений, заставляющих меня искать возврата в отечество.

Мое прошлое налагает на меня некоторую нравственную обязанность — приложить свои силы к укреплению того, что я долго волей и неволей, сознательно и бессознательно расшатывал своей публицистической деятельностью, а особенно нравственной поддержкой, которую оказывал революционным предприятиям. Этой работе — уяснению и укреплению здравых политических идей я посвящу мои силы, насколько могу, независимо, конечно, от моего положения, за границей или в России, независимо от того, как ко мне будет относиться Русское Правительство. Все это для меня давным-давно уяснено и решено. Однако я стремлюсь не только успокоить свою совесть этой честной искупительной работой, но желал бы натурально, чтобы эта работа не осталась без влияния на умы, насколько мои способности позволят этого достигнуть. Поэтому я ищу стать в положение, возможно более удобное для действия, а для этого я должен быть в России.

В качестве эмигранта я заранее обречен на весьма непроизводительную роль Дон-Кихота благонамеренности. Я не отступлю и пред нею, но, желая достигнуть победы, а не поражения, естественно ищу лучших позиций. Революционное настроение умов, характеризующее нашу эпоху, излечивается не декламациями, хотя бы и самыми горячими, а освежающим влиянием точного наблюдения, изучения, анализа. Лишь такая работа дает средства к уничтожению клеветы, исправлению ошибки, обнаружению истины. Такая работа за границей невозможна. Чтобы поставить свою публицистику на серьезную ногу, должно быть в той самой стране, для которой работаешь, среди ее фактов; постоянное изучение их составляет единственный способ для проверки и выработки идей. Это единственное оружие, которому я доверяю и которым, худо ли, хорошо ли, умею владеть. Я ищу иметь его в своих руках.

Милостивый Государь! Высказав все вышеизложенное с искренностью, которую Вы, я убежден, почувствуете в моих словах, я могу лишь повторить свою просьбу и поручить Вам судьбу свою. Не считаю однако себя в праве пропустить этот, может быть, единственный случай говорить с Вами без того, чтобы не высказать своих глубоких сожалений по поводу одной своей вины перед Вами и самим собой. По всей вероятности Вы не знаете этого случая. Дело в том, что в одной своей статье в издававшемся некогда «Вестнике Народной Воли» [1]) я позволил себе опубликовать переданный мне рассказ о Вашем будто бы разговоре с полковн. Судейкиным [2]) о покушении террористов на жизнь гр. Толстого [3]). Тогда я верил этому

[1]) Речь идет о статье Тихомирова во 2-м № «Вестника Народной Воли».

[2]) Инспектор С.-Пб. секретной полиции жандармский подполковник Г. П. Судейкин, убитый 16/XII 1883 г. Дегаевым.

[3]) Толстой, Дмитрий Андреевич, род. 1823, † 1889. С 1882 года состоял министром внутренних дел. Плеве был его товарищем.

рассказу, впоследствии понял, что он — простая тенденциозная ложь, которые тысячами сочиняются о всех высокопоставленных лицах. Но, во всяком случае, опубликование этого рассказа составляло несомненный литературный донос на Вас. Никаких оправданий для себя не имею, кроме разве того, что это был единственный случай, когда политическая вражда довела меня до поступка, которого я принужден стыдиться.

Представляю Вам, Милостивый Государь, выражения моего полного почтения, имею честь остаться готовый к Вашим услугам

Лев Тихомиров.

4/16 декабря 1888 г.
204 av. du Maine, Paris.

Ваше Превосходительство
Вячеслав Константинович.

Преклоняясь с глубоким благоговением пред Высочайшею Волею, даровавшей мне прощение, не могу забыть, что лишь переданные мне Консульством указания от Вашего Превосходительства ободрили меня прибегнуть к Высочайшему милосердию. Прося Ваше Превосходительство принять выражения моей почтительной признательности, я позволяю себе также выразить уверенность, что моя последующая жизнь покажет с очевидностью мою искренность. Моя лучшая мечта — оказаться полезным для России работой, положительной и сообразной с видами Правительства. Но если бы мне и не дано было это счастье, надеюсь, что моя безусловная благонамеренность скоро станет вне всяких сомнений, и моя жизнь уже никогда не навлечет на меня ни малейших упреков со стороны Правительства.

Представляя выражения моего глубочайшего почтения, имею честь остаться готовым к услугам Вашего Превосходительства.

Лев Тихомиров.

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ».
РЕДАКТОР
Москва
26 янв. дня 1909 г.

Многоуважаемый
Николай Вячеславович.

Очень порадовали Вы меня своими строками. О высылке газеты делаю распоряжение. Что касается *партийности*, то ведь это как понимать слово? Я думаю, что и в последнем периоде Влад. Андр. [1]) Вам нравилась не *партийность*, а *решительность штурма*, ибо какой же он был «партии»? Он объявил, что образует партию и что орган этой партии (еще не существующей) есть его газета. Это такая же «партия», как армия Валленштейна...

Оказалось впоследствии, что и такая партия (им самим набранная армия) в конце концов села ему на шею и стеснила его деятельность.

[1]) Вероятно, Грингмут, *Вадим* Андреевич, председатель русской монархической партии, редактировал «Московские Ведомости» до смерти 28 сент. 1907 года.

Почему? Потому, что штурма на деле не воспоследовало, а была только *угроза*, и не оказавшая глубокого действия.

Но мое положение было бы иное, еще хуже. Я бы должен был войти *в ряды* одной из уже существующих партий и сразу стать *их* орудием. Покорнейше благодарю! Ни одна из них не имеет и $^1/_{10000}$ того, чему бы я согласился покориться. А все вместе — они своей грызней еще более уменьшают сумму общей силы. Нет, для того, чтобы «*Моск. Вед.*» имели хоть малейшие шансы сплотить силы — я должен был *сразу* и *резко* стать *вне партий*. И, кажется, я не ошибся, ибо пока получаю свидетельства солидарности с «*Моск. Вед.*» от *всех* (по крайней мере уже многих). Влад. Анд. величайшей тратой сил, энергии и редкого искусства едва достигал того, что я надеюсь достичь простой постановкой газеты «вне партий».

Мой руководящий принцип — *люди*, а не *партии*. Важны *вожаки*, важны сильные личности. Остальное пойдет само собой, поскольку это возможно по обстоятельствам. Заметьте, что организация *без действия*, это — канцелярщина, организация нужна только на краткое время действия, и в *живом* состоянии только при этом возможна. Ну однако этот сложный предмет не исчерпать в кратком письме.

Искренне уважающий *Л. Тихомиров.*

Успех нужен *прочный*, а не *фейерверк*.

В НАЧАЛЕ 1916 ГОДА.

(Из документов.)

«Настроение масс в настоящее время агентурой приравнивается к общественному настроению 1904 года непосредственно перед смутой 1905 года»,— читаем мы в помеченной 19 мая 1915 г. записке начальника охранного отделения в Петрограде, директору департамента полиции [1]).

Показателем революционного настроения рабочих масс Петрограда является непрерывный рост стачечной волны на заводах и фабриках Петрограда за 1915 — 1916 годы [2]).

Как и в 1905 — 1907 г.г., и в 1915 — 1916 г.г. политические стачки переплетались с экономическими, — на-ряду с борьбой против ухудшения условий труда, питерские пролетарии отмечали революционными стачками памятные дни выступлений российского рабочего класса против царизма— 9 января, 4 апреля, а также день международной солидарности трудящихся — 1 мая.

Архивы департамента полиции хранят богатый материал о революционной борьбе рабочего класса во время войны, — и наиболее ценными документами этой «хронологической пыли» являются попадающиеся там и сям в делах копии перлюстрированных писем революционеров той или иной эпохи, аутентические материалы, составленные по горячим следам, исходящие от самих участников движения.

Эти письма являются несравненно более ценным источником для изучения истории революции, чем донесения охранки, где крайне трудно отличить то, что было, от домыслов шпиков и полицейских.

Публикуем здесь документ, найденный нами в делах департамента полиции по одной из сибирских губерний [3]), содержащий ценный материал о революционных выступлениях рабочих и солдат в начале 1916 г. [4]).

[1]) Дело д-та полиции, № 5, ч. 57, 9-е делопр., 1915 г. «С.-Д., гор. Петроград».

[2]) См. *А. Шляпников*, «Канун семнадцатого года», части 1 и 2, 1920—1922 г.г. Москва, изд. Гос. изд-ва, passim.

[3]) Дело № 5, ч. 25, л. Б., 1916 г., 6-го делопроизвод. деп-та полиции: «Агентура по Енисейской губ.», стр. 62 и др.

[4]) Об этом периоде мы находим очень мало данных в ценной книге т. Шляпникова, между тем эти месяцы имели громадное значение в деле подготовки пролетарской революции. «Мощное нарастание движения в рабочих кварталах Петрограда с прошлой осени достигло наибольшего развития в январе — феврале 1916 г.», читаем мы в захваченном полицией в типографии № 4 с.-д. подпольного «Пролетарского Голоса» от 18 — XII — 1916 г.

№ 132.

Петроград, 4 — 3 — 16, Село Монастырское, Туруханский край, Енисейской губ. Борису Ивановичу Иванову [1]).

Уважаемый товарищ Борис!

Письмо твое от 28 января получил. Спешу известить тебя о последних событиях, совершающихся здесь. 1-го марта в Петербурге началась стачка-протест, объявленная П. К. соц.-дем. пар. и с.-р., по примеру стачки-протеста июня 1914 года, которая не ограничится только стачкой, но, если нужно, то будет оказано вооруженное сопротивление; протест проходит под лозунгом «долой войну» и возник из-за конфликта на Путиловском заводе, где две недели тому назад, т.-е. в средине февраля, вспыхнула стачка с требованием увольнения некоторых мастеров, причем человек 15 мастеров и мастериц вывезены рабочими на тачках.

После этого было вывешено (объявление — *В. Б.*), что будут военнообязанные отправлены на позицию, если не приступят к работам. К работам никто не приступал. Завод закрыли, и 11 тысяч человек 1-го марта назначили к воинскому начальнику, — а дальше — протест. Кончили все литейные заводы, кроме арсенала Петра Великого и Государственной экспедиции; патронный завод в первый день не кончил, но его сняли рабочие с других заводов.

Булочные Выборгского района все кончили, сегодня ожидаем окончания работ у Филиппова и др. булочных, причем в булочной Сидпева рабочих сняли с работы пашкинцы.

До каких размеров дойдет дело, не могу сказать, потому что сейчас я больной и два дня не выхожу на улицу; в первый день протеста я был на Выборгской, где у нас было летучее заседание нашей группы; улицы кишели, что муравейник, чувствовалось что-то особенное. Вчера меня посетил Сафронов, Кирюшкин, Крючков, Юргенсон [2]) и еще товарищи от эстонских организаций.

Благодаря чему я нахожусь в курсе дел, — но скоро поправлюсь. Я тебе писал, что идет подготовка к борьбе, причем организовался стачечный комитет от всех заводов и фабрик между-партийный, и вот они совместно с партийными организациями решили выступить теперь.

Путиловские рабочие просили поддержки еще при начале стачки 13 февраля, но другие заводы не хотели его поддержать, потому что он, т.-е. Путиловский завод, работал 9 января, между прочим все почти заводы бастовали.

Теперь постараюсь написать тебе, что было здесь до стачки-протеста,— почти все время на заводах возникают конфликты.

[1]) Борис Иванов — старый петерб. большевик булочник-пекарь и видный деятель петербургского професс. союза булочников. *Ред.*

[2]) Все эти товарищи — булочники-пекаря и видные деятели петерб. проф. союза булочников и старые с.-д. большевики петерб. парт. орг-ции. *Ред.*

9 января бастовали все заводы, причем застрельщиком была Выборгская сторона. Интересна была позиция ликвидаторов, — в большинстве они выступали против стачки 9 января, мотивируя тем, что через две недели все равно все заводы встанут за отсутствием топлива, но они не послушали. Только на заводе, «Новый Айваз» ликвидаторы дружно выступили за стачку.

Народнический П. К. колебался, так что они выступали не одинаково: где за стачку, а где против, мотивируя тем, что только лишние потери. Анархисты были против стачки.

Были демонстрации, причем встречавшиеся солдаты на автомобилях и так демонстрантам кричали «ура», но их даже не пускали из казарм, причем в казармах охрана была усилена, и у телефонов было усиленное дежурство, а отправляющимся в патруль солдатам оставшиеся наказывали «не сметь стрелять». Демонстрации повторились и 10 января, т.-е. на второй день, а на Выборгской стороне в 6 час. вечера была устроена демонстрация совместно с солдатами, — сами несли красный флаг.

Пред 9 января арестовано всего 600 человек.

В начале Февраля вспыхнула стачка на металлическом, причем не кончили 2 мастер., где ликвидаторы предложили обратиться за разрешением к Гвоздеву в В.-пром. Ком., и вот Военно-промышленный комитет решил, что рабочие неправильно бастуют, и предложили стачку ликвидировать, — но рабочие решили продолжать ее.

12 февраля, в день выноса приговора рабочим депутатам, здесь в рабочих кругах оживленно обсуждался вопрос, как демонстрировать на это; мнения на П. К. соц.-дем. парт. разделились, часть предлагала бастовать, а часть не бастовать, и в результате не бастовали, а летучки только напоминали о дне, причем повсеместно на всех заводах были сделаны доклады и обсуждения. Вынесли резолюции с требованием возвращения депутатов.

Народники, если и предлагали выступать, то не как протест над судом депутатов, а просто поддержать прогрессивный блок и его требования системы правительства (откр. думы 9 февр.), а дальше настоящее положение.

Булочники 9 января не праздновали, хотя собрания были везде. Рождество провели праздник 2 дня; у Филиппова арестовано около 30 человек, в остальных все сошло (было постановление градоначальника секретное, чтобы был товар [1]), на второй день праздника), товар выпустили только на 3-й день.

15 февраля булочники Выборгского района потребовали прибавки по 10 руб в мес. — требования удовлетворены.

В Лесном у Сотова [2]) рабочие потерпели поражение, — 4 арестовано. У Филиппова [3]) тоже потребовали прибавки по 10 рублей — прибавили по 6 руб., и вот часть начала, а часть не начала, вышли недоразумения, замешательство, администрация воспользовалась этим и многих выкинула, а около 30 челов. арестовано. Вообще аресты сейчас — излюбленное дело хозяев.

[1]) т.-е. булки и проч. *Ред.*

[2]) [3]) Пекарни и булочные. *Ред.*

Была стачка у «Пекаря» (акц. о-во «Пекарь»): требования 10 руб. не удовлетворены, арестовано 40 чел. булочники, венские, а работали 128 чел. Кондитера, пряничники, хлебники, сухарники получили расчет при полиции, причем, чтобы рабочие представили удостоверения в течение 3 дней, где поступили работать, а то высылать из местности, состоящей на военном положении. Женщины не примкнули к забастовке, потому что им требования удовлетворили. В общем здесь жизнь кипит. Среди печатников не работают 9 предприятий — рабочие бастуют. Эстонские соц.-дем. орг. имеют связь с другими городами орган., среди солдат имеется организация также. Выходят часто летучки здесь. Получены летучки из Нарвы. С.-Д. Наш кооператив ликвидирован с нового года. Сюда приехал Сафронов, Юргенсон, Крючкова взяли в солдаты. . . . .

Пока до свидания, шлем всем вам сердечный привет. П. Треть... 1916 г. 2-3.

Я сейчас без работы с 24 февраля, работал в акц. об-ве «Пекарь» 9 дней, куда перешел по доброй воле от Сиднева [1]).

Пиши мне по адресу: В. О., 7 линия д. 12, кв. 1 Анне Будаевой для П. Третья . . . . [2]).

* * *

Тесный переплет экономической и политической борьбы, революционные настроения солдатской массы, выступавшей рука об руку с рабочими уже за год до февраля 1917 г., предательство движения меньшевиками и эс-эрами, саботировавшими революционную борьбу пролетариата, — все это ярко выступает уже в начале 1916 года.

В. Быстрянский.

---

[1]) Пекарня. *Ред.*

[2]) П. Третий — литературный псевдоним с.-д. большевика булочника Павла Будаева, видного деятеля петербургского професс. союза булочников до и после 1917 года. *Ред.*

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ЗА 1881—1895 Г.Г. [1]).

1883.

В Дмитровском уезде Моск. губ. рабочие находящейся в уезде бумагопрядильной и ткацкой фабрики Вознесенской мануфактуры несколько дней тому назад отказались работать. Фабрика эта занимает до 3.000 рук и года два тому назад продана Д. С. Лепешкиным Л. Кнопу и В. Беру, из которых последний управляет делом. Новая администрация ввела новые порядки, выразившиеся, по слухам, в понижении заработной платы, скидках и штрафах. Когда же рабочим объявили, что, вследствие застоя в торговле, рабочий день сокращается на несколько часов, то они решили отказаться от работы; по их мнению, воспрещение производить задельную работу в течение полного рабочего дня явилось нарушением условия найма со стороны хозяев и должно отозваться несколько тяжело на их материальном положении, так как задельная плата, по которой они работали при полном рабочем времени (14 часов), давала им возможность лишь прокормиться. По слухам, хозяева фабрики обратились за содействием к губернской административной власти («Моск. Телегр.», 1883 г., 24 февр., № 54).

В марте на золотых приисках Кельбекской системы возникли беспорядки среди рабочих. Толпа рабочих открыто возмущалась против нахождения на приисках полицейских чинов, которыми был арестован один из рабочих за буйство. По требованию толпы старший полицейский стражник должен был не только освободить арестованного, но и арестовать двух полицейских чинов, которых толпа обвиняла в неправильном аресте рабочего. Благодаря уступчивости со стороны представителя власти, рабочие стали «бесчинствовать» и только по прибытии исправника успокоились, явились с повинною к старшему надзирателю и привели с собою двух связанных товарищей рабочего, из-за которого возникли беспорядки, а также и самого «зачинщика».

---

[1]) См. «Красная Летопись», № 5.

13 марта, в пивной лавке Воробьева, в 8 верстах от г. Риги по Петербургскому шоссе, состоялась сходка около 60 рабочих латышей. На сходке обсуждался проект составленного рабочими протеста на имя ревизующего сенатора, в котором рабочие жалуются на значительные притеснения, оказываемые им хозяевами; при этом произносились речи, направленные к возбуждению низших классов общества против высших. Прибывшая полиция разогнала собравшихся, отобрав проект прошения.

20 марта, в г. Риге, толпа рабочих латышей, человек около 200, собралась на площади с целью отправиться за город. Там рабочие собирались торжественно сжечь собранные ими несколько тюков местных газет, не сочувственно относящихся к положению рабочих и вообще латышей. Однако полиции удалось еще в городе рассеять толпу и отобрать мешки с газетами. Один из рабочих нанес оскорбление действием околоточному надзирателю Янову. Виновный в этом арестован.

11 апреля на Жирардовской фабрике в Варшавской губернии, часть рабочих-женщин ниточного отделения фабрики отказалась продолжать работу из-за незначительного уменьшения заработной платы. Забастовка все разрасталась: на следующий день забастовали рабочие ткацкого отделения, требуя удовлетворить претензии женщин рабочих, причем начались общие заявления о малом, будто бы, вознаграждении за труд. Вскоре число бастующих дошло до 1500 человек. Начальник Блонского уезда распорядился вызвать две роты пехоты из соседнего города Мщонова. К 12-ти часам 13 апреля почти все рабочие, благодаря подстрекательству, прекратили занятия, и работа приостановлена. На место происшествий прибыл варшавский губернатор, который вместе с директорами фабрики уговаривал рабочих возобновить работы, обещая отсрочить уменьшение заработной платы. Рабочие все же упорствовали. Тогда губернатор сделал распоряжение об аресте «подстрекателей» и о вызове еще двух рот пехоты; по прибытии воинской команды 10 человек были арестованы и отведены под конвоем 12-ти человек нижних чинов в гминный арест, который находился на краю местечка. Толпа рабочих сопровождала арестованных, ругая солдат и бросая в них камнями; когда же наступили сумерки, толпа окружила гминный арест и пробовала силой освободить заключенных; несмотря на неоднократные предупреждения караульного ефрейтора, рабочие продолжали «напирать» на караул и бросали в него камнями, причем двое солдат были легко ранены. Караулом сделаны были два залпа на воздух; буйство все же не прекращалось, а, напротив, толпа еще больше бросала камни и угрожала перерезать всех солдат; тогда последовал третий залп боевыми патронами, коим два рабочих убиты наповал, один смертельно ранен, и четверо легко ранены. После этого толпа перестала буйствовать и отступила. 14 и 15 апреля фабрика не работала, хотя беспорядки не возобновлялись. 15 апреля вечером правление фабрики объявило об отмене уменьшения задельной платы, после чего рабочие, 16 числа утром,

приступили к работам. По обвинению в подстрекательстве к беспорядкам задержано 18 человек, а 11 привлечены к ответственности за сопротивление распоряжениям полиции. По мнению начальника варшавского жандармского управления, главной причиной, вызвавшей беспорядки, надо считать недовольство рабочих хозяевами фабрики и вообще администрацией, в состав которой главным образом входили немцы. Последние же сильно притесняли рабочих своим крайним педантизмом и требованием строгих денежных штрафов.

На-ряду с этою официальною версиею жирардовских событий, они имеют материал для своей истории также в легальной прессе того времени. «Русский Курьер» так изображает их:

«Несколько недель тому назад, на Жирардовской фабрике была введена в употребление при работе нового рода пряжа, и рабочим по этой части была понижена плата. Они отказались работать. Мало-по-малу число работников увеличилось. В понедельник, вечером, прибыл на место начальник уезда. Покинувшие фабрику рабочие толпились на улицах и рынке. Толпы разгонялись патрулями из земской стражи и войск, приведенных из Мщонова. В течение дня было арестовано при гмине за неповиновение полиции 10 работников. Вечером того же дня к месту ареста начала собираться толпа, которая постоянно увеличивалась. С наступлением темноты из толпы стали бросать в солдат каменьями, и несколько солдат было ранено в руки и ноги. В это время командовавший взводом унтер-офицер, в отсутствии кого-либо старших, занятых охраною порядка на других улицах, распорядился «для страху» выстрелить холостыми зарядами, но это не имело успеха. Толпа еще сильнее стала напирать, и тогда для обороны солдаты выстрелили настоящими патронами. Было сделано 5 выстрелов, от них убито трое и пять ранено. На другой день на место происшествия отправлены войска и казаки из Варшавы. Варшавский губернатор барон Медем старался своим влиянием и убеждениями успокоить возбуждение. В воззвании к рабочим он увещевал их обратиться к порядку и разойтись. Чтобы понудить главных зачинщиков события разойтись по домам, управление фабрики по исследовании, насколько осуществимы требования рабочих, выставило им со своей стороны гектографированное объявление. Владелец соседнего имения Феликс Собаньский приехал в Жирардов и также не без успеха обращался к толпе. К вечеру того же дня толпа стала редеть; оставшиеся еще в ней дали обещание вернуться на работу. Прокурор и судебный следователь приступили к производству следствия, для выяснения коренных причин печального события» («Русский Курьер» № 35 от 22/IV).

Алтайский округ. — 5 мая на золото-содержащем прииске К., на границе Алтайского и Красноярского округов по р. Тубиле, произошли довольно серьезные беспорядки. Недовольные приисковым управлением рабочие отказались от работ, и до 15-ти человек самовольно ушли с прииска.

В погоню за беглецами кинулись приисковые конюхи с заведывающим полицейскою частью на промыслах урядником красноярской казачьей сотни во главе. Настигнув пятерых рабочих верстах в 5-ти от прииска, урядник выстрелами из двухствольного ружья, заряженного дробью, ранил двоих по ногам. Затем перевязав беглецов, доставили их на прииски. Узнав об этом, артель рабочих кинулась освобождать узников; сопровождавший урядника конюх был мгновенно избит до полусмерти; сам он успел скрыться от возбужденной толпы. Командированный для расследования и водворения тишины пристав города Красноярска донес, что из расспросов рабочих им дознано, что неудовольствие их против приискового управления происходит вследствие дурной постановки работ, составляющих в высшей степени непосильный труд, так как рабочим приходится целый день стоять по пояс в воде, а приисковое управление не заботится об удалении водных притоков, и вследствие недостатка пищи; но, что, по мнению пристава, жалобы эти неосновательны. Донесение это, впрочем, не было признано компетентным; губернское начальство назначило формальное следствие, которое возложило на красноярского окружного исправника, тем более, что после отъезда пристава с прииска, на другой же день бежало еще 16 человек рабочих («Вост. Обозр.», 1883 г., № 31).

«Сормовская фабрика наследников Бернардаки», находящаяся в деревне Сормове, еще в марте прекратила платежи, так что рабочие фабрики не получали задельной платы за три месяца. Между тем и лавочники, отпускавшие жизненные припасы лишь по запискам конторы завода, прекратили отпуск товара, вследствие чего рабочие, около трех тысяч человек остались буквально без куска хлеба; некоторые, по словам рабочих, голодали. Надо иметь в виду, что фабричным заводам было вменено в обязанность брать провизию лишь у двух лавочников, которые в виду того, что расчет с ними производится конторою и притом пользовавшиеся полнейшей монополью, разумеется, отпускали рабочим большею частью товар совершенно негодный и по самой высокой цене, так, напр., пуд муки, стоящий в других, так называемых, вольнопрактикующих лавках 1 руб., отпускался из этих лавок рабочим по 1 р. 10 к. и т. д. 23 мая рабочие начали целыми толпами собираться у конторы завода и настоятельно требовать жалование, если не за три месяца, то хотя пока за март. Получился краткий ответ: денег нет. Когда администрация убедилась, что дело принимает плохой оборот и что она имеет дело с голодными человеческими желудками, то распорядилась немедленно послать за становым для «усмирения бунтовщиков». Явилась власть в лице станового, который сначала уговорами, а потом угрозами стал требовать, чтобы толпа разошлась. Слова его не подействовали на голодную толпу. Тогда администрация завода согласилась было заплатить за апрель (в апреле по случаю праздников очень мало рабочих дней), но рабочие на эти компромиссы не пошли, а решились обратиться за содействием к губернатору. С этой целью часть рабочих двинулась по направлению в город. Начальник губер-

ДОКЛАД, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ V СЪЕЗДУ Р. С.-Д. Р. П. ПО ПОВОДУ ПЕТЕРБУРГСКОГО РАСКОЛА И СВЯЗАННОГО С НИМ ПАРТИЙНОГО СУДА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Российская Коммунистическая Партия зарождалась и развивалась в ожесточенной идейной и организационной борьбе с многочисленными мелкобуржуазными группами, являвшимися орудием проведения буржуазного влияния на пролетариат.

К моменту первой русской революции эта борьба, сосредоточившаяся первоначально в сравнительно небольших кружках, выходит на широкую арену и становится достоянием широких пролетарских масс. Один из особенно острых моментов этой борьбы большевиков-коммунистов с оппортунистическими и мелко-буржуазными группами связан с выборами во вторую Государственную Думу (конец 1906—начало 1907 г.). В VIII томе Собрания сочинений Ленина собраны значительные материалы для определения роли и тактики большевиков, меньшевиков и народников в этот момент русского революционного движения.

К сожалению, составляя этот том, я должен был опустить один из самых ярких документов этой борьбы, именно — письмо Ленина к V Съезду Р. С.-Д. Р. П. по поводу устроенного тогдашним меньшевистским Центральным Комитетом партийного суда над тов. Лениным за его разоблачение роли меньшевиков и в частности — Ф. Дана, в избирательной кампании по Петербургу.

Обвинение против Ленина было сформулировано меньшевиками на основании его брошюры («Лицемерие 31-го меньшевика»), перепечатанной в VIII томе собрания сочинений. История этого суда, закончившегося позорным провалом обвинителей, изложена в перепечатываемой ниже брошюре.

Она написана перед самым V Съездом, напечатана в финляндской типографии «Пролетарий» в очень небольшом количестве, рассчитанном только на делегатов партийного Съезда, и поэтому представляет собой величайшую библиографическую редкость. Ни в Петрограде ни в Москве к моменту издания VIII тома сочинений Ленина ни мне, ни моим сотрудникам не удалось ее найти. Только теперь я нашел ее в полученном мною из Парижа моем архиве.

Эта брошюра не нуждается в комментариях, но должна быть сопоставлена со всеми статьями Ленина, посвященными избирательной кампании и перепечатанными в VIII томе его Соб. соч.

Л. Каменев.

ДОКЛАД,

предложенный V Съезду Р. С.-Д. Р. П. по поводу петербургского раскола и связанного с ним партийного суда.

Ц. К. нашей партии учредил, как известно из буржуазных газет («Товарищ» и др.), партийный суд для рассмотрения моего образа действий, именно — моей брошюры «Выборы в С. П. Б. и лицемерие 31 меньшевика», вышедшей во время раскола петербургской с.-д. организации при выборах во вторую Думу.

Суд учреждался из трех представителей с моей стороны, трех со стороны 31 меньшевика и трех членов президиума, назначенных Ц. Комитетами латышской, польской с.-д. и Бунда. Я предъявил этому суду встречное обвинение против 31 меньшевика и т. Дана (члена редакции Ц. О., через Ц. О. и члена Ц. К.) в недопустимом поведении. Это встречное обвинение было поддержано, с одной стороны, собранием 234 петербургских большевиков, членов партии (их резолюция вместе с докладом их, дающим резюмэ всего дела, напечатана в № 13 «Пролетария»), а с другой стороны, петербургской с.-д. конференцией (минус отколовшиеся меньшевики). Резолюция этой конференции напечатана в № 14 «Пролетария».

Суд, как учреждение, созданное Ц. Комитетом, не счел себя вправе самостоятельно привлечь к обвинению 31-го и т. Дана и обратился за определением своей компетенции в вопросе о встречном обвинении к тому же Ц. К. Ц. К. в особом заседании рассмотрел снова этот вопрос и подтвердил, что данный суд учреждается только для разбора дела о Ленине и что новое предание суду новых лиц всецело зависит от Ц. К., который, конечно, сочтет своим долгом привлечь к суду всякого, против кого данный суд формулирует обвинение в недопустимом поступке. Состав этого нового суда опять-таки предоставляется всецело усмотрению того же Ц. К.

Таким образом получился целый клубок вопиющих несообразностей и противоречий. Меньшевистский Ц. К. играет роль учреждения, предающего суду и определяющего состав суда и компетенцию суда. Встречное обвинение предъявлено против лидера меньшевистской части Ц. К. Одни и те же лица оказываются и назначающими суд, и прокурорами, и решающими вопрос о направлении встречного *против них же* обвинения!

Понятно, что такие порядки не в состоянии поднять уважение к партии. Распутать клубок несообразностей может только партийный съезд.

И я обращаюсь поэтому к съезду с просьбой: облечь суд всей полнотой судебной власти непосредственно от съезда; поставить суд вне всякой зависимости от Ц. К., явно заинтересованного (в его меньшевистской части) в деле; предоставить суду право разбирать дело всесторонне, без всяких «ограничений», и привлекать к обвинению всех членов партии и все учреждения ее, не исключая меньшевистской части Ц. К. и т. д.

Для пояснения дела членам съезда Р. С.-Д. Р. П. прилагаю 1) полный текст моей защитительной (или обвинительной против меньшевистской части Ц. К.) речи, прочтенной мною на суде в первом судебном заседании. (Суд имел всего два судебных заседания и допросил трех свидетелей из нескольких десятков. Заседания суда прерваны съездом.) 2) Прилагаю краткий конспект фактической истории раскола в Петербурге.

I. Защитительная (или обвинительная против меньшевистской части Ц. К.) речь Ленина на партийном суде.

Товарищи-судьи!

Ц. К. предъявил ко мне обвинение в *недопустимом для членов партии выступлении* (в печати). Так сказано в постановлении Ц. К. об учреждении партийного суда. Я начну прямо с существа дела: прочту полностью то «заявление», которое Ц. К. «вносит на рассмотрение суда».

. . . «Ц. К. констатирует, что в брошюре «Выборы в Спб. и лицемерие 31-го меньшевика», подписанной т. Лениным, содержится прямое обвинение 31-го члена Спб. организации в том, что они вступили в переговоры с кадетской партией «для продажи кадетам голосов рабочих» и что «меньшевики торговались с к.-д., чтобы протащить своего человека в Думу, вопреки рабочим, при помощи к.-д.».

«Ц. К. констатирует, что появление подобного обвинения в печати, особенно накануне выборов должно внести смуту в ряды пролетариата, подвергая заподозреванию политическую честность членов партии, и будет использовано для борьбы с с.-д. врагами пролетариата.

«Находя, что подобные выступления недопустимы для членов партии, Ц. К. вносит образ действий т. Ленина на рассмотрение партийного суда».

Таков полный текст обвинения. Я замечу, прежде всего, что здесь есть крупная, прямо фактическая *неверность*, которую я буду просить суд исправить на основании *текста* инкриминируемой мне брошюры. Именно: в этой брошюре сказано прямо и определенно, что я обвиняю *не только* 31-го меньшевика, *но и т. Дана, т.-е. члена* Центрального Комитета. Центральный Комитет, составляя свое постановление, *не мог не знать* ни того, что т. Дан — член Ц. К. (может быть, даже участвовавший в обсуждении вопроса или в постановлении о предании меня суду за обвинение Дана?), ни того, что я обвиняю не только 31-го, но и Дана. Значит, Ц. К. *заведомо* выделил из состава обвиненных мною лиц *своего члена*. Тут уже, кроме фактической неверности, есть нечто худшее, нечто недопустимое, и я впоследствии подробно остановлюсь на оценке этой стороны дела и постараюсь выяснить *именно ее* всем материалом судебного следствия.

Перехожу к существу обвинения.

Ц. К. приводит две цитаты из моей брошюры, и я должен разобрать возможно более обстоятельно каждую из этих цитат. Я, конечно, понимаю, что дело идет о *всей* указанной брошюре, а не только об этих именно двух цитатах. Но я беру их, вслед за Ц. Комитетом, как основное и главное.

Цитата первая взята из самого начала брошюры. Позволю себе прочитать целую страницу, чтобы показать, в какой связи стоит эта цитата:

«В газете «Товарищ» напечатаны сегодня (20 января)» — напоминаю, что дело было, значит, за *пять* дней до образования левого блока в Спб. и за *16 дней* до выборов в Гос. Думу по городу Спб. — «обширные выдержки из воззвания 31-го меньшевика, отколовшихся от социалистической организации накануне выборов в Спб.».

Подчеркиваю, что первая же фраза брошюры ставит во главу угла основной факт *раскола* в Спб. накануне выборов. Я подчеркиваю это обстоятельство, ибо мне много раз придется еще впоследствии указывать на его значение.

Продолжаю цитату:

. . . «Напомним сначала в двух словах фактическую историю того, что проделали отколовшиеся от с.-д. меньшевики после ухода с конференции» . . . Об этом уходе и об его значении я выпустил за несколько дней до разбираемой брошюры брошюру «Социал-демократия и выборы в Спб.», а также брошюру: «Услышишь суд глупца» . . . («Из заметок с.-д. публициста»). Последняя брошюра почти вся конфискована полицией. Уцелело лишь несколько экземпляров, и я ссылаюсь на нее, чтобы суд мог в целом, а не в отрывках, изучить картину тогдашних происшествий.

. . . «1) Отколовшись от с.-д. рабочих, они вступили в блок с мелкой буржуазией (с.-р., трудовиками и н.-с.) ради совместного торга о местечках с кадетами. Письменный договор об этом вступлении отколовшихся с.-д. в мелко-буржуазный блок *они скрыли от рабочих* и от публики.

«Но мы не теряли надежды, что этот договор будет все же опубликован, и тайное станет явным».

Обращаю внимание суда на то, что в моей обвиняющей Дана и 31-го меньшевика брошюре сразу подчеркнут момент скрывания от рабочих письменного договора.

Идем далее:

«2) Как составная часть мелко-буржуазного блока (неправильно именуемого в газетах «левым блоком»), отколовшиеся меньшевики торговались с кадетами о предоставлении этому блоку трех мест из шести. Кадеты давали два места. Не сторговались. Заседание мелко-буржуазной «конференции» (выражение не наше, а взятое из газет) с к.-д. было 18-го января. О нем сообщали «Речь» и «Товарищ». «Речь» объявляет сегодня соглашение не состоявшимся (хотя мы, конечно, должны быть готовы к тому, что за спиной переговоры все еще ведутся).

«Меньшевики об этом своем «*выступлении*» для продажи кадетам голосов рабочих не сообщают пока в печати».

Вот в какой обстановке стоит первая цитата. Мои слова против меньшевиков написаны в тот самый день, когда я *впервые* узнал из газет, что блок меньшевиков и народников с кадетами *против* большинства петербургской с.-д. организации не состоялся, причем я тут же оговорился, что не могу считать соглашение *окончательно* несостоявшимся, что надо быть готовым к *худшему*: к продолженню переговоров «*за спиной*». Почему я считал тогда (а я и теперь считаю свое тогдашнее воззрение правильным), что надо быть готовым к этому худшему? Потому, что скрытие от публики письменного договора меньшевиков с мелко-буржуазным блоком было поступком неправильным, недостойным социалиста и неизбежно вызывающим *самые худшие подозрения*.

О какой «продаже» кадетам голосов рабочих идет здесь речь? Некоторые шутники говорили мне, что они поняли так, будто я говорю о продаже *за деньги*. Шутка, конечно, не лишена остроумия. Но человек грамотный и серьезно читающий всю брошюру, а не вырванные места, разумеется, увидит сразу из контекста, из всех предыдущих и последующих фраз, что речь идет о продаже *не за деньги, а за местечки в Думе*. Под «торгом» и «куплей-продажей» разумеется обмен эквивалентов политических, а не экономических, мест за голоса, а не денег за голоса.

Спрашивается, стоило ли останавливаться на таком ясном и очевидном обстоятельстве?

Я глубоко убежден, что стоило, ибо в этом пункте мы вплотную подходим к выяснению того вопроса, который поставлен Ц. Комитетом, именно: о допустимых или недопустимых выступлениях в печати.

Если бы в разбираемом месте брошюры было сказано: 31 продавали за деньги голоса рабочих кадетам, тогда это было бы приписыванием позорного и преступного образа действий противнику. За такое утверждение сделавший его подлежал бы суду, разумеется, вовсе не за «внесение смуты в ряды пролетариата», а за *клевету*. Это вполне ясно.

Наоборот, если бы в разбираемом месте брошюры было сказано: 31 выступили для *присоединения* к кадетским голосам голосов рабочих при условии места в Думе для с.-д., — тогда это был бы образчик лойяльной, корректной, допустимой для членов партии полемики.

Чем отличается от *этой* формулировки та, которая выбрана мной? Она отличается тоном, делающим всю музыку. Именно, эта формулировка как бы рассчитана на то, чтобы вызвать у читателя ненависть, отвращение, презрение к людям, совершающим такие поступки. Эта формулировка рассчитана не на то, чтобы убедить, а на то, чтобы разбить ряды, — не на то, чтобы поправить ошибку противника, а на то, чтобы уничтожить, стереть с лица земли его организацию. Эта формулировка, действительно, имеет такой характер, что вызывает самые худшие мысли, самые худшие подозрения о противнике и, действительно, в отличие от формулировки, убеждающей и поправляющей, она «вносит смуту в ряды пролетариата».

Значит, вы признаете такую формулировку *недопустимой*? — спросят меня. — Конечно, да, — отвечу я, — *только с маленьким добавлением*: недопустимой для членов *единой* партии. В этом добавлении весь гвоздь вопроса. Вся неправильность, скажу больше: недобросовестность выдвинутого против меня Ц. Комитетом обвинения в том и состоит, что Ц. К. *умалчивает об отсутствии* единой партии в то время, когда писалась брошюра, в той организации, от которой она (не формально, а по существу дела) исходила, целям которой она служила. Недобросовестно обвинять за «недопустимое для членов партии выступление в печати» по такому поводу, когда был *раскол* в партии.

Раскол есть разрыв всякой организационной связи, переводящий борьбу взглядов с почвы воздействия изнутри организации на почву воздействия извне организации, с почвы исправления и убеждения товарищей на почву истребления их организации, на почву возбуждения рабочей (и вообще народной) массы против отколовшейся организации.

То, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии. Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласномыслящим. *Можно и должно* писать именно таким языком про отколовшуюся организацию.

Почему должно? Потому что раскол обязывает *вырывать* массы из под руководства отколовшихся. Мне говорят: вы вносили *смуту* в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, и я *всегда буду* поступать таким образом *при расколе*.

Своими резкими, оскорбительными нападками на меньшевиков накануне выборов в Спб., я, действительно, заставил дрогнуть ряды *верящего им и идущего за ними* пролетариата. Это была моя цель. Это был мой долг, как члена Спб. с.-д. организации, проводящей кампанию левого блока. Ибо *после раскола* для проведения этой кампании *надо было* разбить ряды меньшевиков, ведших пролетариат за кадетами, *надо было* внести смятение в их ряды, надо было возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям, которые *перестали* быть членами единой партии, которые стали политическими врагами, ставящими нашей с.-д. организации подножку в ее выборной кампании. По отношению к *таким* политическим врагам я вел тогда — и в случае повторения или развития раскола *буду вести всегда* — борьбу *истребительную*.

Если бы после устроенного меньшевиками раскола в Спб. мы не внесли смуты в ряды *руководимого меньшевиками* пролетариата, то мы не могли бы провести нашей выборной кампании левого блока. И я жалею только о том, что, находясь вне Питера, я *недостаточно* помог этому делу *вырывания* масс из-под влияния отколовшихся меньшевиков, ибо при более усердном и спешном выполнении этой задачи левый блок одержал бы в Спб. победу. Это доказано цифровыми данными о результатах выборов.

Коренная логическая (и не только логическая, конечно,) ошибка обвинения состоит именно в том, что коварно обходят вопрос о расколе, замалчивают факт раскола, пытаются предъявить требования законные с точки зрения единства партии, к условиям, когда *нет* единства, *нет* одной партии и притом еще — я буду доказывать это впоследствии — нет по вине самого обвиняющего Ц. К., устраивавшего и прикрывавшего раскол!

Если бы кто-нибудь стал применять мерку допустимой внутри партии борьбы к борьбе на почве раскола, к борьбе, извне направляемой против партии или (при местном расколе) против данной партийной организации, то такого человека пришлось бы счесть либо детски наивным, либо лицемером. С точки зрения организационной, раскол означает разрыв *всякой* организационной связи, т.-е. переход от борьбы, убеждающей товарищей внутри организации, к борьбе, *разрушающей* враждебную организацию, уничтожающей ее влияние на массы пролетарита. С точки зрения психики совершенно ясно, что разрыв всякой организационной связи между товарищами *уже* означает *крайнюю степень* взаимного озлобления и вражды, перешедшей в ненависть.

А в петербургском расколе было еще два особых обстоятельства, удесятерявших остроту и беспощадность борьбы.

Первое обстоятельство — роль Центрального Комитета Партии. «По уставу», он должен был объединять, и всякий местный раскол должен вести не к борьбе на почве раскола, а к жалобе в Ц. К., или, говоря шире, к обращению в Ц. К. за содействием по восстановлению единства. *На деле,* Ц. К. в Спб. был накануне выборов инициатором и участником раскола. Именно это обстоятельство, подробно и документально развитое в мотивировке к решению конференции предъявить встречное обвинение, и заставляет нас признать петербургский раскол *нечестным* расколом. Я буду особо говорить об этом впоследствии и настаивать на постановке судом вопросов, вытекающих из юридической природы этого обвинения, предъявляемого обвиняемым против обвинителя.

Второе обстоятельство: выборная кампания в Петербурге во время раскола. Раскол при отсутствии немедленного открытого и массового политического выступления или вообще политического действия партии может еще иногда не означать необходимости *немедленной* беспощадно-истребительной войны. Но раз есть такое массовое выступление, как, например, выборы, раз требуется во что бы то ни стало немедленно вмешаться в выборы и провести их так или иначе, — тогда раскол означает безусловно истребительную войну тотчас же, войну за то, *кто* проведет выборы: местная ли с.-д. организация или отколовшаяся от нее группа. При таком расколе ни на минуту не может быть отложена задача: вырвать массы из-под влияния отколовшихся, раздробить их организацию, превратить их в политических нулей. И только благодаря беспощадной силе большевистской атаки на меньшевиков, *после* их раскола 6 января, — получилась еще сравнительно дружная, сколько-нибудь партийная, по крайней мере, похожая на социал-демократическую, выборная кампания в столице.

Говорят: боритесь, но только не отравленным оружием. Это очень красивое и эффектное выражение, спора нет. Но оно представляет из себя либо красивую пустую фразу, либо выражает в расплывчатой и неясно-смутной форме ту самую мысль о борьбе, сеющей ненависть, отвращение, презрение в массе к противникам, — о борьбе, недопустимой в единой партии и неизбежной, необходимой при расколе в силу самого существа раскола, — мысль, развитую уже мной в начале речи. Как ни вертите вы этой фразы или этой метафоры, вы не выжмете из нее ни грана реального содержания, кроме той же самой разницы между лойяльным и корректным способом борьбы посредством убеждения внутри организации и способом борьбы посредством раскола, т.-е. разрушением враждебной организации, путем возбуждения в массе ненависти, отвращения, презрения к ней. Отравленное оружие, это — нечестные расколы, а не истребительная война, вытекающая из совершающегося раскола. Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно-допустимых пределов такой борьбы нет и быть не может, ибо раскол есть прекращение существования партии. Смешна даже самая мысль о том, чтобы партийным путем, партийным решением и т. п. можно было бороться против способов борьбы, вытекающих из раскола партии. Пределы борьбы на почве раскола, это — не партийные, а общеполитические или, вернее даже, общегражданские пределы, пределы уголовного закона, и ничего более. Если вы раскололись со мной, вы не можете требовать от меня большего, чем от кадета или эс-эра или человека с улицы и т. д.

Поясню еще свою мысль одним наглядным примером. В ближайшем номере «Пролетария» идет присланная с места корреспонденция о выборах в городе Ковно. Корреспондент очень недоволен бундовским блоком с достиженцами против литовских с.-д. и резко критикует Бунд. Какая критика допустима для членов единой партии? Недовольство надо бы было выразить примерно так: бундовцы неправильно поступили, идя в блоке с еврейскими буржуа против социалистов иной нации; в этом поведении сказывается влияние идей мелко-буржуазного национализма и т. д. и т. п. Пока мы находимся в единой партии с Бундом, совершенно недопустима была бы брошюра против них, пущенная в массе накануне выборов и третирующая бундовцев, как предателей пролетариата. Но *если бы* повторилась история 1903 года — история вообще не повторяется, и я беру вымышленный пример — и Бунд откололся от партии? Неужели кто-нибудь мог бы потом серьезно поднимать вопрос о недопустимости брошюр, рассчитанных на то, чтобы вселить бундовской рабочей массе ненависть, отвращение, презрение к ее вождям, как переодетым буржуа, предающимся еврейской буржуазии и протаскивающим через нее своих людей в Думу и т. д.? Всякому, кто поднял бы такую жалобу, посмеялись бы только в лицо: не устраивайте раскола, не пускайте в ход «отравленного оружия» раскола или не жалуйтесь потом на то, что поднявшие отравленный меч от отравленного меча и погибают!

На второй цитате, после всего сказанного выше, нет надобности останавливаться. Она гласит: «Меньшевики торговались с к.-д., чтобы прота-

щить своего человека в Думу, вопреки рабочим, при помощи к.-д., — вот в чем состоит простая разгадка всех этих странствований от с.-д. к мелко-буржуазному блоку, от мелко-буржуазного блока к кадетам». Попробуйте разобрать эту цитату формально и внешним образом, с точки зрения *единой* партии, и вы, конечно, скажете: вместо: «торговались» следует писать о членах партии: «вели переговоры»; вместо «протащить» — «провести»; вместо «своего человека» — «с.-д. депутата» и т. д. и т. п. Но разве такой «разбор» цитаты или такое «суждение» по поводу способа выражения способно вызвать что-либо, кроме улыбки? Разве не ясно, что самый оскорбительный, презрительный, предполагающий все в худшую, а не в лучшую сторону способ выражений есть борьба на почве раскола за *уничтожение* организации, которая *срывает* политическую кампанию местного с.-д. пролетариата? Жалобы на обидный, оскорбительный и заподозревающий характер таких выражений подобны были бы тому, как если бы штрейкбрехер жаловался на злобное к нему отношение! Рассматривать жалобы или обвинения в такой плоскости было бы все равно, если бы мы осудили, как недопустимое, слово «штрейкбрехер», не разобрав *по существу* вопроса о том, было ли действительно штрейкбрехерским поведение данного лица.

Бывает раскол и раскол. Я употреблял уже не раз выражение: «нечестный» раскол. Я остановлюсь теперь на этой стороне вопроса. Ц. К. пишет в своем обвинении, что я заподозреваю политическую честность членов партии. Это — слишком слабо выражено и неправильно применено к приведенным только цитатам. Я не только «заподозреваю политическую честность» 31-го и Дана. Я всем содержанием своих «выборных брошюр» *обвиняю их в политически нечестном или партийно-нечестном расколе.* И я поддерживаю это обвинение. Напрасны только будут всякие попытки перенести центр тяжести этого обвинения с общего, основного и коренного вопроса об устроителях раскола на какие бы то ни было мелкие, частные, производные вопросы.

Всякий раскол есть величайшее преступление против партии, ибо он уничтожает партию, рвет партийную связь. Но бывает раскол и раскол. Выражение «нечестный раскол», которое я не раз употреблял, может быть применено не ко всякому расколу. Поясню это примером.

Допустим, в партии давно борются два течения, стоящие, скажем, за поддержку политики к.-д. или против поддержки. Происходит крупное политическое событие, обостряющее кадетские тенденции, приближающие сделку к.-д. с реакцией. Сторонники поддержки кадетов разрывают с противниками поддержки. Такой раскол вызовет, как и всякий раскол, неизбежно самую обостренную, озлобленную, секущую ненависть и т. д. борьбу, но нечестным расколом признать его нельзя, ибо, кроме обострения принципиальных разногласий, в подкладке этого раскола нет ничего иного.

Представьте себе иной раскол. Допустите, что два течения в партии сошлись на разрешении в разных местах разной тактики. Если это общее согласие рвут в одном из мест, если рвут его тайком, из-за угла, предательски по отношению к товарищам, тогда всякий согласится, наверное, признать подобный раскол *нечестным* расколом.

В Петербурге меньшевики устроили накануне выборов именно такой нечестный раскол. Во-1-х, на Всероссийской Конференции оба течения в партии торжественно обещали подчиниться местной тактике местных организаций на выборах. Петербургские меньшевики одни только во всей России нарушили это обещание. Это нечестно. Это вероломство по отношению к партии.

Во-2-х, Ц. К. вместо объединения партии, вел до такой степени фракционную политику, что прямо помогал меньшевистскому расколу, а член Ц. К. Дан принимал в нем деятельнейшее участие. Это нечестно. Это значит употреблять от партии данную власть против партии. Это значит тайком, из-за угла наносить удар отравленным ножом, будучи на словах охранителем единства партии.

Вот два основные факта, которые заставили меня третировать и 31-го и Дана, как политически нечестных людей. Духом именно такого третирования пропитана *вся* моя брошюра.

И я поддерживал перед судом это обвинение. Я направил все усилия к тому, чтобы судебное следствие вскрыло перед судьями всю обстановку петербургского раскола, давая возможность с полным убеждением решить вопрос: был ли это честный раскол или нет? те ли пустили в ход «отравленное оружие», кто устроил этот раскол, или те, кто вел с устроителями раскола самую беспощадную, истребительную войну?

Выяснение этого вопроса до конца, *до самой глубины и подоплеки его*, выяснение делегатами национальных с.-д. партий, впервые входящих *на деле* в Р. С.-Д. Р. П., может иметь огромное значение для установления действительно партийных отношений в нашей партии вместо плохо прикрытого раскола.

Не формальный, не узко-юридический вопрос составляет содержание настоящего суда. Не в том же гвоздь, в самом деле, следует ли в единой партии писать, торговаться или вести переговоры, проводить или протаскивать, продавать голоса за местечки или присоединять голоса при условии получения места и т. п. Такое понимание вопроса могло бы быть встречено, конечно, только улыбкой.

Гвоздь в том, ценим ли мы действительно единство нашей партии или миримся с расколами, отписываясь от них, отделываясь от этой язвы формальной увerткой. От приговора вашего суда, товарищи-судьи, зависит — и, может быть, не в малой степени зависит — то обстоятельство, окажется ли петербургский раскол последним, действительно последним отзвуком миновавшей эпохи общепартийного раскола, или... или он будет началом нового раскола и, значит, новой повсеместной борьбы отравленным оружием.

От вашего приговора зависит, будет ли ослаблено или укреплено колеблющееся единство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

II. Краткий конспект фактической истории петербургского раскола.

На ноябрьской (1906 г.) Конференции Р. С.-Д. Р. П. решено единогласно, что в деле выборов все подчиняются постановлениям *местных* с.-д. организаций.

Ленин на той же конференции заявляет: «Пусть и Выборгский район (отчет меньшевистской части с.-д. организации в СПБ.) не нарушает постановлений П. К.!» — как бы предупреждая этим о взаимности обязательства.

В № 8 «Пролетария» (1906 г., ноябрь) в особой статье большевики призваны к резкой критике блоков с к.-д., но к *подчинению* местным организациям.

В том же ноябре 1906 года, тов. Дан, член Ц. К., участвует «*совершенно частным* (по его заявлению на суде) *образом*» в собрании, устроенном инженером Федоровичем, где присутствуют Милюков и Набоков (лидеры Ц. К. и П. К. кадетов), один вождь эс-эров и Пешехонов (вождь н. с-ов). Говорили о выборах, *но не в Петербурге* (по словам т. Дана). Тов. Дан не счел нужным доложить об этом собрании ни в Ц. К. ни в П. К.

В декабре 1906 г. тов. Дан является на информационное собрание по вопросу о выборах, где были представители П. К. Р. С.-Д. Р. П. и затем к.-д., н.-с. и с.-р. Дан заявляет, что он представитель Ц. К., но излагает «*свой личный взгляд*» на желательность *порайонных соглашений в Спб.*

4-го января 1907 года на собрании Ц. К. принимается решение ультимативно потребовать от конференции Петербургской с.-д. организации *разделения на городскую и губернскую.* Члены Ц. К. большевики (Максимов, Зимин, Строев) подают протест против этого шага, фактически равносильного раскалыванию Петербургской организации Центральным Комитетом.

6-го января 1907 года состоялась конференция Спб. с.-д. организации, решившая вопрос о выборах. Было 39 большевиков и 31 меньшевик. Меньшевики ушли с конференции по двум формальным основаниям: (1) они считали неправильным распределение мандатов; 2) вследствие отказа конференции разделиться на городскую и губернскую, согласно требованию Ц. К.

К оценке этих оснований раскола приводим три факта: 1) на конференции 6 января утверждены были 42 мандата большевиков и 28 меньшевиков. Сами меньшевики в *изданном ими листке* объявили, что следовало бы считать 35 большевиков и 32 меньшевика, т.-е. *признали* преобладание большевиков. (2) Вследствие раскола следующая конференция с.-д. организации в Спб. была выбрана под особым контролем комиссии, особо назначенной Центральным Комитетом. Выборы дали на конференцию 25 марта 92 большевика и 42 меньшевика. Новые выборы подтвердили еще большее преобладание большевиков. (3) Ни в одном городе России, ни в Вильне, ни в Одессе, ни в Баку, Ц. К. не требовал разделения конференции. Это ультимативное требование было и незаконно и явно вызвано фракционными соображениями только против Петербурга.

Уйдя с конференции, меньшевики выбрали свой Исполнительный Орган, стали выпускать свои листки (при участии членов Ц. К. меньшевиков и т. Дана в том числе) и повели самостоятельную выборную кампанию. Они вступили без большевиков в соглашение с народническими партиями (н.-с., с.-р. и трудовики) для совместного соглашения с к.-д.

Буржуазная печать Петербурга («Речь», «Страна», «Товарищ» и т. д.) горячо приветствовала меньшевиков за раскол, называла их «умеренно-социалистическою партиею», призывала к смелой борьбе с большевиками, ликовала по поводу изолирования этих «бланкистов» и т. д. Большевики, предложив 6-го января блок народникам *против* к.-д., не участвовали ни в каких переговорах.

14-го января «Речь» в передовице обещает меньшевикам *место от рабочей курии* в случае успеха блока против большевиков.

Меньшевики на собрании 17-го января постановляют все места, что достанутся им, предоставить в распоряжение рабочей курии. 19-го января «Товарищ» публикует об этом.

15-го января Милюков получает аудиенцию у Столыпина, после чего к.-д. явно идут вправо.

18-го января состоялась конференция меньшевиков, народников и к.-д. Кадеты давали 2 места, от них требовали 3. Разрыв с к.-д.

20-го января «Товарищ» печатает выдержки из листка меньшевиков, направленного против большевиков и подрывающего их избирательную кампанию. Я пишу в тот же день брошюру «Выборы в Спб. и лицемерие 31»; выходит в свет она дня через три.

25-го января заключен левый блок в Петербурге; 28-го происходит собрание выбранных (7-го и 14-го января) по рабочей курии *города* Спб., уполномоченных от фабрик и заводов. Присутствуют 200 — 250 человек из 271. Большинством против 10 — 12 принята резолюция *за левый блок.* Резолюция специально призывает меньшевиков «*не оказывать хотя бы в скрытом виде поддержки кадетам*».

Меньшевики, обещавшие 17-го января отдать «свои» места рабочей курии, не только не вняли голосу собрания *всех* уполномоченных, но прямо объявляли его «эс-эровско-большевистским шабашем».

30-го января происходит собрание с.-д. уполномоченных. В выборщики намечены кандидаты П. К.

29-го января левый блок побуждает беспартийных прогрессивных избирателей Коломенского участка разорвать их *письменный* договор с меньшевиками, ибо в этом договоре (как и в *печатном* листке меньшевиков) стоит условие: «*выборщики — меньшевики считаются не связанными условиями народническо-большевистского блока, касающимися распределения депутатских мест*» (пункт II, подотдел 3). Это условие — есть явная попытка обеспечить себе возможность голосовать на второй стадии с *кадетами против левого блока.*

7-го февраля происходят выборы в Петербурге. Черносотенная опасность опровергнута окончательно. К.-д. получили 28.798 голосов, левый

блок — 16.703; октябристы — 16.613 и **монархисты — 5.270**. Левому блоку недоставало оторвать от к.-д. 1.573 голоса по **5 участкам,** чтобы победить во всем Питере. В *Коломенском* участке **левый блок получил** всего на 199 голосов меньше к.-д.

Таков краткий перечень фактов. **Из них ясно видно,** что *по существу дела* избирательная кампания в Спб. **была сорвана** меньшевиками. По существу дела, заговор о расколе **начат был** ***еще в ноябре*** и начат членом Ц. К. Даном. По существу дела, **именно Дан плюс** меньшевистские члены Ц. К. *проводили* в Спб. раскол **против большинства** местной организации...

К 25-ЛЕТИЮ Р. К. П.

ТОЧИСКИЙ И ЕГО КРУЖОК.

I.

Павел Варфоломеевич Точиский родился в 1864 г. [1]) и происходил из польской дворянской фамилии. Его отец, полковник, был женат на парижанке. От этого брака было трое детей: Павел (Август), Мария и Франц. О раннем своем детстве Точиский мало говорил, но любил рассказывать про свою мать, которую обожал; он утверждал, что мать в него вдохнула республиканский дух. Не будучи музыкальным, он любил «Марсельезу», которую напевал правильно. По его словам, «Марсельеза» была колыбельной песней, которую напевала мать, убаюкивая его. Отца он ненавидел, но еще больше ненавидел своего дядю ксендза, имевшего большое влияние на отца. По натуре Точиский был сантиментален и добр и справедлив.

Рассказывая свое прошлое, он очень охотно вспоминает время, когда его отец служил в Екатеринбурге начальником тюрьмы; этапы, проходившие в далекую Сибирь, произвели на него особо сильное впечатление. Рассказывал он очень образно и сильно. Живя около самой тюрьмы, он рано заинтересовался жизнью арестантов и еще ребенком, толкаясь среди надзирателей и арестантов, научился детским умом понимать человеческие страдания. Суровые наказания, существовавшие в тюрьме, производили на него подавляющее впечатление, и он убегал подальше от людей и плакал горькими слезами. Чем мог, он старался помогать «несчастным». Так он рассказывал, как он, будучи еще мальчиком, воровал дома сахар и булки у матери и носил какому-то старому арестанту, который несколько раз бегал из Сибири и был присужден на вечное заточение. Когда он подрос и уже был в гимназии, он заинтересовывается политическими арестантами, проходившими тогда большими партиями через екатеринбургскую тюрьму. Они-то и пробудили в нем критическую мысль, натолкнули его на революционную стезю, с которой он не сходил в продолжение всей жизни до рокового выстрела, прекратившего жизнь в этой доброй, смелой и честной груди.

---

[1]) Точиский родился 16 апреля 1865 г., что видно из описи личных документов Точиского, составленной секретарем СПБ. прокурора судебной палаты и хранящейся в деле департамента полиции по 3-му делопроизводству № 1112, т. I, 1892 г. *(Ред.)*.

Еще гимназистом, Точиский устроил среди сверстников кружок самообразования, существовавший долгое время. Из этого кружка вышло несколько человек, имена которых стали известны впоследствии в летописях русск. революции. Из всех имен у меня в памяти сохранилось только имя Евгения Поленова (был в Московском университете). Учился Точиский в гимназии плохо, да у него и времени на то не было: в городе была хорошая библиотека, из которой он запоем читал книги. Одаренный хорошей памятью и недюжинными способностями, он легко схватывал прочитанное. Между прочим, любимыми писателями его были: Щедрин, Михайловский, Добролюбов и Успенский, которых он цитировал по памяти.

В последних классах гимназии у него было много столкновений с начальством, предвидевшим в нем подрастающего революционера. Столкновения эти были не только в гимназии: отец тоже не мог примириться с развивающимися в нем взглядами; взаимное раздражение росло, и скоро дело кончилось тем, что отец выгнал его из дома. Точиский принужден был работать чернорабочим на каком-то заводе около Екатеринбурга. Тяжелая жизнь и новые условия тесно сблизили Точиского с его новыми товарищами. Здесь он решил окончательно уйти «от ликующих, праздно болтающих и т. д.» и посвятить свою жизнь трудовому, забитому и бесправному люду, работать для его раскрепощения, для уяснения ему его неотъемлемых прав человека.

В 1884 г. летом Точиский вместе с сестрой своей Марией перебрался в Питер. Сестра его поступила на высшие женские курсы (Бестужевские), а он в ремесленное училище где-то возле Арсенала на Выборгской стороне. Изучал он там слесарное ремесло.

В 1885 г. летом я познакомился с ним. Он жил тогда на Петроградской стороне, Дункином переулке, в подвале деревянного дома, у какой-то коровницы. Жил он крайне бедно, питаясь чаем и хлебом, почти никогда не обедая. От отца он денег брать отказывался, но изредка получал поддержку от матери, которая из боязни отца украдкой посылала свои грошовые сбережения. Одевался он, как настоящий рабочий, в грязную синюю блузу, чортовой кожи штаны и опорки на босую ногу. Ходил он тяжело, вразвалку, потрясая красивыми черными волосами, обрамлявшими тонкие, благородные черты лица. Его любимая поза была поза мефистофеля со скрещенными на груди руками.

Ежедневно вечером я заходил к нему и заставал его постоянно или с книгой или с газетой за чаепитием, к которому он относился как к священнодействию. По поводу прочитанного он заводил длинные разговоры и так умел увлекать ими, что мы просиживали до поздней ночи, вовсе того не замечая.

Тут во время этих разговоров я познакомился с новыми взглядами на революционную борьбу, сторонником которых оказался Точиский. Я в это время был под сильным гипнозом народовольческих идей, очарованный героической и красочной борьбой народовольцев с властью. Мне тогда представлялось, что учение революционных народников являлось

альфой и омегой человеческих знаний. Поэтому, когда я в Точиском встретил строгого критика народовольчества, я был крайне удивлен и заинтригован. Его абсолютно отрицательное отношение к террору меня поражало. Я считал террор верхом героизма. А он говорит, что террор — рисовка, что адепты террора лишь жаждут славы, что террор в конце концов лишь средство завоевать власть для вырастающего класса буржуазии. Народ настолько темен, настолько еще несознателен, что не в состоянии воспользоваться результатами героической борьбы народовольческой интеллигенции; последняя, борясь во имя якобы народа, лишь могла бы помочь взять власть новым врагам народа. Но к великому огорчению и революционной интеллигенции и алчной буржуазии, тянущейся к власти, террор и вообще все потуги революционной интеллигенции — лишь покушение с негодными средствами. Революция и радикальный политический переворот возможны лишь в результате глубинного движения народных масс, и именно той части народа, которая является действительно революционной по отношении к существующему строю. Точиский находил, что в России может быть пригоден для революции только пролетариат, и все революционеры сильно грешили и грешат, игнорируя этот класс, бросаясь то в крестьянскую, то в интеллигентную среду. Крестьянская масса, несмотря на свою многомиллионность, разъединена, не спаяна одними интересами. Кроме того, слишком низко стоящая в культурном отношении и в смысле классового самосознания, она не может стать авангардом революции.

Считая единственным революционным классом промышленный пролетариат, он находил, что в этот класс должны быть брошены все революционные силы страны, создан в нем революционный оплот на почве экономической борьбы, должно воспитать и приготовить его для политической борьбы. Но рабочий класс России находится еще на низкой ступени развития, его классовое сознание находится лишь в потенции. Поэтому без помощи интеллигенции ему не обойтись; последняя должна повести его, дать ему организацию, выявить его классовое сознание.

Интеллигенцию он считал случайным гостем в революции, ибо понимал революцию как социальную. Он часто говорил: «Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся». Не реже он повторял слова Христа: «Прежде чем петух пропоет три раза, вы (интеллигенция) трижды отречетесь от меня (пролетариата)». Вообще он считал революционную интеллигенцию идеологами буржуазии и старался отсеять от нее лишь действительно революционное ядро. Поэтому он тем не менее привлекал к своей работе интеллигенцию en gros, но не забывал ставить ей на вид, что она терпима только до тех пор, пока в среде рабочего пролетариата не создалась своя интеллигенция революционная.

Еще летом 1885 г. у него уже созрел план организации обществ для поднятия умственного и нравственного уровня рабочих. Тогда он еще подыскивал людей для этого общества и склонял меня пойти по его стопам. Я учился в то время в консерватории, и он убеждал меня бросить музыку, ибо не время, говорил он, еще сейчас заниматься искусством, когда жизнь требует от нас иной, более продуктивной работы. Он убеждал меня, что, пока музыка служит только богатому классу, ею заниматься преступно, и советовал поступить тоже в ремесленное училище, чтоб с ним вместе итти в качестве рабочего работать среди рабочих, как это сделал по его убеждениям Иван Шалаевский, не выдержавший конкурсного экзамена в институт путей сообщения. Он изучал в том же ремесленном училище столярное ремесло. Я колебался, ибо страстно любил музыку с детства и сразу разбить свой кумир не хватало во мне силы. Он смеялся надо мною, называя меня аркадским пастушком, а я, сознавая всю правоту аргументов Точиского, страдал и мучился, но недолго. Демонстрация 86 г. на могиле Добролюбова сразу решила оперативным путем мой вопрос с консерваторией. Я попал в число переписанных полицией и был исключен из консерватории. Моя музыкальная карьера была закончена, и больше ничто не смущало мою душу. Я был свободен и тоже решил отдать себя целиком революционному делу, однако в ремесленное училище поступать не хотел.

Фактический кружок Точиского образовался еще с осени 1885 г. Это была компания близко знакомых интеллигентов-учащихся, объединенных одной общей идеей — ненавистью к существующему политическому строю. Состав этого кружка я в настоящее время не могу указать точно, ибо факты и даты перепутались в моей памяти, но во всяком случае в нем принимали участие, кроме Точиского, его сестра Мария, я, а может быть еще Данилова и Аркадакская. Я, в это время находившийся еще под сильным влиянием народовольческих идей, хотя уже и чувствовал, что в этой борьбе наступил роковой перелом, но не мог помириться с фактом, искал приложения своих сил и, за отсутствием иного дела, занимался гектографированием брошюр «Царь Голод», «Сказка о четырех братьях» и пр., еще не зная, где и как буду их распространять, ибо связей у меня в соответствующих кругах не было. Тут-то мне и помог Точиский, у которого уже тогда оказалась аудитория достаточно емкая, чтобы поглотить почти целиком мною изданные брошюры.

К рабочим Точиский долго «интеллигенцию» не подпускал, и я, пользуясь его полным доверием, был первый, который получил этот доступ. К Рождеству 1885 г. уже у нас были прочные связи за Невской заставой, у Берда, у Штритера, у Лаферма, в артиллерийском арсенале, в ремесленной школе. Здесь небезынтересно отметить, как Точиский вербовал рабочих. Встретив и разговорившись с тем или иным рабочим с новой фабрики или завода и заметив, что собеседник «клюет», он уже не выпускал его из вида, шел с ним в чайную или трактир, здесь вступал с ним в длинный разговор, нащупывая почву, выяснял, где и когда он бывает, и потом старался вторично встретиться с ним, а может быть еще и не один раз, чтобы проверить свое первое впечатление. Я уже сказал, что сам Точиский одевался, как рабочий; кроме того, он старался говорить языком рабочих и о революциях ни слова. Поэтому такие встречи его не вызывали подозрений в собеседнике; часто к ним приставала компания слушателей, которые также не

подозревали в Точиском интеллигента, пошедшего в народ. Но сам Точиский был крайне осмотрителен и осторожен с рабочими, он привлекал их к своему делу только после тщательных повторных проверок. При этом он даже избегал вовлекать в свое дело рабочих, уже задетых пропагандой, считая их испорченными революционным авантюризмом. Так по крайней мере он относился к Нилу Васильеву, рабочему лет за 50, распропагандированному еще чайковцами или нечаевцами. Каждым промахом последнего он пользовался, чтобы подчеркнуть результаты интеллигентской пропаганды. Он предпочитал вербовать свежих рабочих.

Питерские революционеры встретили появление новой организации крайне радушно. Через Точиского и Лазарева были получены связи с рабочими на заводе Берда, где Точиский работал в качестве слесаря, а Лазарев в качестве молотобойца. Связи эти были использованы в полноте лишь впоследствии. Время это было тяжелое, когда связи с рабочими были потеряны, когда интеллигенция в среду рабочую проникать не могла. Дворники, перешедшие на службу полиции, зорко следили за каждым живущим в доме рабочим, и те, которые не занимались пьянством, брались на подозрение. Публика либеральная относилась к нам снисходительно и помогала нам средствами и книгами. Особенно много мы получили от фабриканта Варгунина, генеральши Слепцовой (дочь известной парижской эмигрантки-анархистки С. Лавровой), Некрасовой (бестужевки), Серебряковых, Д-ра Караваева и проч.

При «Товариществе» была устроена прекрасная библиотека, которая переплеталась собственными силами (имели два полных набора инструментов), библиотека и склад нелегальной литературы, касса помощи для рабочих, пострадавших за политические убеждения.

Будучи прекрасным организатором и конспиратором, Точиский очень удачно и толково установил драконовские правила конспирации. В особенности он боялся разгильдяйства со стороны наших женщин, которые, занимаясь революцией, не могли отрешиться от театров, гостей и проч. Точиский прекратил это «шлянье», как он выражался, и ввел в обиход клички. Для большей безопасности был выработан план сношений, и каждый из нас мог сноситься только с двумя членами, а именно через одного получать распоряжение и другому передавать их, но отнюдь не бегать ко всем.

Уже с весны 1886 г. он стал показывать интеллигенции своих рабочих, но попрежнему не подпускал близко одних к другим. В этом году кружок конституировался.

К осени 1886 г. Точиским был выработан проект устава тайного общества, в котором говорилось: «Общество зиждется на основе поднятия интеллектуального и морального уровня рабочих путем: библиотек, чтений, кружков саморазвития и общений с революционной интеллигенцией. В нем говорилось об организации касс взаимопомощи, устройстве стачек и коллективных протестов против отдельных лиц, распоряжений и постановлений заводоуправлений и проч.

В конце 86 г. было первое организационное собрание, на котором участвовали Точиский, его сестра Мария, Дмитрий Лазарев, Иван Шалаевский, Ел. Данилова, Любовь Аркадакская и я. Устав был принят, и общество было названо «Товарищество петербургских мастеровых». Однако, проект прошел не в том виде, в каком его представил Точиский. Мною было внесено добавление, поддержанное Лазаревым, Аркадакской и Даниловой. Добавление говорило о: 1) библиотеке нелегальной литературы; 2) кассе помощи политическим ссыльным и заключенным рабочим. Точиский сильно протестовал, боясь большого увлечения «нелегальщиной», в которой видел больше вреда, чем пользы. Он говорил, что «нелегальщина» только будоражит голову, но не дает необходимых знаний и развития, и сравнивал ее с быстро расцветающим, но и быстро увядающим цветком. Когда была устроена эта библиотека, он постоянно сдерживал меня (я был ее библиотекарем) и советовал не начинять рабочих этим материалом, а приучать их к серьезному чтению.

Касса взаимопомощи по идее устава была стачечным фондом, из которого предполагались временные позаимствования для выдачи лишь в виде возвратных ссуд, и то лишь в несчастных случаях. Фактически же ссудами никто не воспользовался; ссуды выдавались только библиотеке на приобретение новых изданий. Часть этих ссуд была покрыта из пожертвований. Размеры актива кассы были незначительны, ибо большая часть пожертвований отчислялась на библиотеку и в фонд помощи политическим пострадавшим. А членские взносы были слишком ничтожны, чтобы из них мог образоваться капитал, лишь сколько-нибудь похожий на фонд, необходимый для стачечной борьбы.

В легальной библиотеке Товарищества было по каталогу больше 700 номеров. Переплетенных книг было штук 600, остальное в брошюрах. Много книг было по беллетристике, по нескольку экземпляров. Были исторические, научные и по экономическим вопросам и проч. Рабочие читали больше беллетристику, хотя мы давали читать более охотливым по каталогу систематического чтения (Челябинский). Товарищество получало журналы «Русскую Мысль», «Северный Вестник», «Вестник Европы», «Русское Богатство» и газеты «Русские Ведомости» и «Московские Ведомости» (для информации). Библиотека отчасти составилась из пожертвований самих авторов. Так, например, мне известно, что Точиский с этой целью ходил к Н. К. Михайловскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину и многим другим, от которых получал иногда даже в нескольких экземплярах их сочинения. И только визит к Толстому Л. Н. не дал никакого результата, потому что Л. Н. предложил пойти за книгами к своей жене, а последняя в пожертвовании отказала. Остальные книги были приобретены или на пожертвованные деньги или также пожертвованы лицами, сочувствующими делу.

Библиотекарем нелегальных книг в Товариществе был я. Библиотека у меня была разделена, представляя собою и склад. Хранил я склад на чердаке, в отделении, принадлежавшем квартире какого-то генерала, около самого карниза за ящиками. Дневной запас имел или в своей комнате или за

обоями в ватерклозете, в стене которого были вынуты кирпичи и образована вместительная ниша.

В Товариществе были следующие книги, количество которых указываю приблизительно:

Название	Количество
«Царь Голод» собств. гектографирования	около 10 — 12 экз.
«Сказка о четырех братьях» собств. гектогр.	» 10 — 15 »
«Хитрая механика»	» 5 — 10 »
«Слово на великий пяток»	» 3 — 5 »
«Речь Алексеева»	» — »
«Сущность социализма» Шеффле	» ? »
«Речь Бардиной»	» 15 — 20 »
Письма Миртова	» ? »
«За что старика обидели»	» 3 — 5 »
«Процесс Лопатина, Г.»	» 10 — 15 »
Л. Тихомиров. «Почему я перестал быть революционером»	» 1 — 2 »
«Календарь Народной Воли»	» 2 — 3 »
«Манифест Коммунистической Партии»	» 5 — 10 »
«Разные биографии революционеров»	» 10 — 20 »
Книжки Народной Воли	много
Брошюрки Л. Н. Толстого	» ? »
Газета Народной Воли	неск. экз.
Листки Земля и Воля	» »
Рабочий (газета)	1 »
Плеханов. «Наши разногласия»	» 5 — 8 »
Прокламации разные	много

Точиский требовал для рабочих очень редко, и из этих книг, помнится, он брал лишь «Царь Голод», «Манифест», Шеффле, «Хитрая механика» Дикштейна «Кто чем живет» и больше, кажется, ничего.

Рабочие охотно читали «Хитрую механику», «Царь Голод», «Сказку», «Календарь Народной Воли», биографии и отчасти газеты. Такие брошюры, как «Манифест» и Шеффле, читались с пояснениями пропагандиста, т.-е. Точиского, Лазарева и рабочих, состоящих действительными членами кружка. Усиленно пропагандировали нелегальщину среди рабочих «интеллигенты» кружка, не исключая и Лазарева, а из рабочих лишь Нил Васильев.

На себя Точиский взваливал всегда самую сложную работу, никому не доверяя ее, и всего больше берег от полиции рабочих. Когда начались в Питере сезонные аресты, он временно прекратил доступ интеллигенции к рабочим, установив все передачи на глухих улицах. Помню, что мне приходилось по вечерам колесить по Фонтанке около Коломенской части вечер за вечером, причем я ходил справа налево, а рабочий, с которым мне надлежало встретиться, слева направо. Иногда выходило так, что наша встреча совпадала с проходом кого-либо из прохожих, и тогда приходилось описывать еще раз круг, пока не совпадет удобный момент для

передачи. Эти конспирации, однако, хотя и вызвали негодование, тем не менее мы их очень оценили, когда были арестованы. Несмотря на то, что участвовавших в Товариществе было очень много, пред судом жандармов оказалось только одно ядро, а именно Точиский, Лазарев, два моих брата, я, Точиская, Аркадакская, Данилова и Шалаевский [1]); никто из рабочих не пострадал и даже и не привлекался. Благодаря конспирации не погибли библиотеки, да и весь процесс принял бледный характер, несмотря даже и на то, что были среди нас люди невоздержанные на язык. Этим мы были обязаны исключительно Точискому.

Кроме перечисленных лиц, в состав действительных членов кружка входили: Петропавловская, Александра Иван., Анна Ивановна Иванова, Анна Горных, Амбарова, а также рабочие Нил Васильев, Клим (Климанов) [2]), Семка или Семеныч (Семенов) и Фомка.

Наиболее деятельным пропагандистом, кроме самого Точиского, был Лазарев, который вел непосредственные сношения с фабриками и заводами и поставлял новых кружковцев. На обязанности остальных членов кружка, мужчин, лежало доставлять рабочим книги из библиотеки. Ежедневно вся мужская компания забирала с собой пачки книг — штук до 15 — и тащила в то или иное место для передачи рабочим. Пачки эти целиком передавались рабочему, состоящему в паре с интеллигентом кружка, и только изредка 2-м — 3-м. Из женщин кружка только одна Мария Точиская имела доступ к рабочим. Остальные же обслуживали библиотеку: производили записи выданных книг, переплетали их, доставали средства и пр.

Кроме действительных членов, к кружку примыкала довольно обширная группа так называемых пассивных членов. Из них я помню Флегонта Волкова, Щербо, Вениамина Попова, Елисеева, Тихановича, Ивана, Василия Голубева, Петра Яковлева, Николая Игнатова, Юлию Мих. Белову [3]).

[1]) Иван Асеевич Шалаевский (пермяк) приехал в Питер с целью поступить в институт путей сообщения, но не выдержал конкурсного экзамена и потому должен был выехать на родину (таково было полицейское правило). Точиский предложил ему поступить в ремесленное училище, в котором обучался и сам. В 1886 г. Шалаевский поступил и изучал столярное ремесло. Состоя членом Товарищества, он существенной пользы делу не приносил и вообще к революционной деятельности был мало приспособлен, благодаря своей неподвижности и глухоте. В 1887 г. выехал из Питера.

[2]) Климанова (Бубнова) в 1918 году я встретил уже коммунистом; он был назначен комиссаром какого-то банка в Петербурге, с удовольствием вспоминал кружок Точиского и утверждал, что с тех пор не покидал революционной работы, неоднократно подвергался преследованиям. С 1918 года я снова утерял его из виду.

[3]) Юлия Михайловна Белова (слушательница Бестужевских курсов) была выслана из Питера в 1886 г. за Добролюбовскую панихиду. Уехала в Екатеринбург, где была домашней учительницей. Она отличалась своей искренней преданностью революционному делу и горячо отзывалась на всякий призыв, за что стяжала в революционных сферах глубокие симпатии.

В 1888 г. во время ее прогулки с учениками за городом (Екатеринбургом) дети забрались в какой-то ров, в котором и увидали двух сидящих человек. Испуганные, они прибежали к своей учительнице и рассказали ей. Белова сразу сообра-

Фамилий остальных не помню. Пассивные члены, хотя и знали о кружке, были знакомы с его уставом и рабочими, но не знали состава действительных членов, местонахождения библиотек и размеров связей с заводами. О последних даже действительные члены могли только догадываться, зная, сколько человек из кружка снабжают рабочих литературой и в каком количестве. На обязанности пассивных членов лежало добывать средства для кружка и собирать пожертвования деньгами и книгами.

Поставив дело в Питере, Точиский в 1887 г., с целью устроить аналогичное Питеру Товарищество в посаде Колпино, переехал туда, где работал на оружейном заводе. Я несколько раз ездил к нему и доставлял туда книги, но скоро мы навлекли на себя подозрение, и Колпино пришлось на время оставить. Связь с Колпином сохранилась, но без Точиского дело организовать не удалось.

Из всего кружка только один Точиский был осторожен с нелегальщиной и от распространения ее среди рабочих воздерживался. Все остальные члены кружка, имевшие доступ к рабочим, охотно распространяли нелегальную литературу без всякого разбора и выбора. К числу таких принадлежал и Лазарев, который неполностью соглашался с тактикой Точиского, и особенно рьяно распространяли ее Нил и Мария Точиская.

Под конец нелегальщину стали даже продавать, и рабочие охотно покупали ее. Это Точискому особенно не нравилось; он полагал, что продажа нелегальщины увеличивает шансы провала. Однако, овладеть своей «интеллигенцией» он уже не мог, его переставали слушаться. Тогда он решает изгнать интеллигенцию из руководящего кружка, каковой вопрос и ставит на обсуждение собрания основного ядра.

Это решение согласовалось с его вообще скептическим отношением к интеллигенции. Точиский, как сказано, не любил интеллигенцию в рево-

---

зила, в чем дело, и, чтобы успокоить детей и отвлечь их внимание от этого факта, подошла ко рву и непринужденно заговорила с находящимися в нем людьми. Тогда к ней подошел высокий, обросший волосами мужчина и обратился приблизительно с следующими словами, неслышными для детей: «Личико у вас честное, а потому я буду с вами откровенен. Перед вами два политических беглеца. Вы можете нам или помочь или нас выдать полиции, за что получите от нее благодарность, а наши товарищи вам отомстят». Белова успокоила незнакомца и пообещала ему помочь.

И действительно, через некоторое время ко рву подошла Белова с молодым человеком, в руках которого был узелок с пищей. Беглецам было сказано, чтоб они не покидали своей берлоги до прихода провожатого, и когда стемнело и город успокоился, они были доставлены в удобную комнату, где после долгих скитаний могли отдохнуть и принять человеческий облик. Эти беглецы были первые политические каторжане, которым удалось бежать за границу, а именно: Иван Николаевич Ананьин (Кашинцев, Калина), осужденный по Киевскому процессу народовольцев на каторгу, и рабочий Федоров (Петро), участвовавший и сопутствовавший в неудавшемся побеге Ковальской. Заручившись через Белову паспортами, связями по пути и средствами, Ананьин и Федоров благополучно пробрались до Парижа, где, при встрече со мной и увидев у меня фотографическую карточку Беловой, Федоров рассказал мне этот случай. Кто помогал Беловой в этом деле, он не сообщил, да, по всей вероятности, и не знал, кто был его вторым спасителем.

люции и не верил ей. Мы ему были нужны постольку, поскольку могли помочь начать работу, и прекрасно понимали, что как только «Товарищество» встанет на твердую ногу, он отодвинет нас, как элемент посторонний, как балласт. Дело было уже настроено, он надеялся справиться без интеллигенции. Поэтому он с легким сердцем принимает такое решение. Однако эта мера оказалась уже запоздалой. Нас выследили и хотя не поймали с поличным, но у полиции было достаточно данных, чтоб все основное ядро изъять из Петербурга.

Кружок работал более двух лет, не будучи замечен полицией. Столь продолжительным существованием он обязан исключительно только той конспирации, которую неуклонно проводил Точиский. Только в одном случае он делал большое отступление от своих конспиративных осторожностей и был непоследователен, но и эта непоследовательность объяснялась его страстной любовью к природе. Часто хмурый, нервный и недовольный собою, придирчивый и грубый, он оживал, когда выходил за черту города в открытое поле или попадал в лес, где мог дышать чистым воздухом. Здесь он был совершенно другим человеком, и его хмурое, пепельного цвета лицо покрывалось румянцем, разглаживались характерные складки между бровями, и он резвился, смеялся от души заразительным смехом, кричал и бегал, как мальчишка.

Летом мы часто устраивали с ним прогулки, соблюдая все правила конспирации, в Саратовскую колонию, где были у нас знакомые, но лучшим местом для отдыха было Токсово. Это Токсово лежит в 30 верстах от города на северо-западе. В то время Токсово представляло собою бедное чухонское село с довольно красивыми окрестностями. Над Токсовом, в глухом девственном лесу раскинулись два чудных больших озера — Хинноярви и Ряттиярви, и вот на эти-то озера мы и устраивали прогулки. К ним постоянно готовились, как к какому-то походу. Вырабатывался план встреч и сборный пункт. Обыкновенно все участники сходились за дер. Гражданка. Компания доходила до 8—10 человек. Обыкновенно в ней был кто-нибудь из вновь завербованных рабочих. Поздно вечером, а то и ночью добирались мы, усталые, к лесу до озера, где постоянно строили два шалаша из ветвей и папоротника. Один шалаш был женский, другой мужской, и мы в этих шалашах проводили время по несколько дней. Точиский эти прогулки устраивал не только с целью найти среди природы душевный отдых, нет, он видел и другую пользу от них: они ему служили как реактив химику. Нигде так хорошо не поддается изучению человек, как именно тогда, когда у него бывает, что называется, «душа нараспашку», когда он всего меньше подозревает, что его анализируют. На таких прогулках, полных разных неожиданностей, люди выявлялись сами собою со всеми своими хорошими и дурными качествами. Бывали случаи, что после такой прогулки он к тому или другому начинал охладевать, начинал его оттирать, сомневаться в его искренности к тому делу, за которое тот брался. Кроме того, на эти прогулки Точиский припасал постоянно и интересные книги, которые там читались и обсуждались, сидя около жар-

кого костра. Дебаты, не стесняемые никакими подслушиваниями в этой феерической обстановке, велись иногда до утра, и тут тоже определялись люди, выявлялась душевная подоплека. Точиский очень любил эти прогулки и часто говаривал: «Развеет нас жизнь по разным краям России, но никакие края, никакие условия не вытравят из памяти моей эти прогулки в Токсово». Он был прав, и если он не забыл эти прогулки, то не забыли и мы, участники их, и с чувством глубокого благоговения вспоминаем эти давно прожитые, чистые, неомраченные жизнью часы и дни.

В феврале 1888 г. некоторые из нас уже попали на подозрение полиции, и начали ходить слухи о слежке за ними. Предчувствуя собиравшуюся грозу, необходимо было собраться, распределить на всякий случай функции и принять необходимые меры для сохранения начатого дела и ценных библиотек. Точиский назначил собрание центра, но так как удобных помещений в Питере не было, где бы можно было себя чувствовать в безопасности, он предложил собрание это устроить в дер. Заманиловке (за 3-м Парголовым). День был выбран воскресный. Всем участникам была дана инструкция друг к другу не подходить и ехать по Финляндск. ж. д. в разных вагонах. На собрании должны были участвовать: Точиский, его сестра, Аркадакская, Данилова, Лазарев и я. Я пришел на вокзал первым и прохаживался по залу 3-го класса. Скоро пришла Аркадакская, Точиский и друг. Последней пришла Данилова и за собой привела шпионов. Она была очень близорука и никогда не умела следить за хвостами. Я заметил это очень поздно, когда уже товарищи заняли места в вагонах. Необходимо было разыскать в вагоне Точиского и Лазарева и предупредить их, так как и в их вагоне были подозрительные субъекты, фиксировавшие Точиского. Это мне удалось только на ст. Удельной. Мы втроем вышли для совещания на площадку, где и решили, имея при себе компрометирующие документы, не доезжая ст. Парголово, соскочить с поезда и удрать, боясь ареста на ст. Парголово. Удалось это нам только перед самой станцией. Первый выскочил Лазарев, потом я, а за мной Точиский. Выскочили мы удачно в снег на глазах у шпионов и благополучно добрались до Петрограда. Больше нам всем вместе уже не удалось собраться. Аркадакская уехала в Париж к брату своему эмигранту, Точиский, Лазарев и я были в марте месяце арестованы. В 1888 г. я, будучи под надзором в Твери, был вызван в Москву, куда приехал из-под надзора из г. Саратова Точиский. Встреча была радостная. Там же проживали в то время Аркадакская и Данилова. Точиский задумал устроить такое же Товарищество в Москве. Квартировал я с Точиским у какого-то средних лет офицера, которого Точиский посвящал в свои планы (имя его мне не было известно). Офицер этот работал, как я понял из разговоров, среди военных. Поразило меня то, что его вестовой вместе с ним участвовал в обсуждении вопроса. В кабинете, в котором мы спали с Точиским, было много связанной нелегальной литературы и свеже отпечатанные прокламации (содержания не помню). Из Москвы Точискому и мне пришлось бежать, так как за нами началась слежка. Я уехал в Тверь, а Точиский не помню куда.

Осенью того же года я был арестован в Твери, где некоторое время содержался в этапной старой тюрьме, а затем был перевезен в Питер и заключен в Дом Предварительного Заключения. На утро, выглянув из окна, я увидел на прогулке в клетке своего брата Леонида, после — Точиского и Лазарева, и тогда понял причину своего ареста. Первый жандармский допрос убедил меня, что мы привлекаемся за участие в «Товариществе». Дело наше вели прокурор Котляревский, тов. прокурора Янкулио и жандармские ротмистры Потулов и Иванов.

После предварилки я видел Точиского на прогулке в «Крестах», в которых он, так же как и я, отбывал наказание.

Очутившись за границей, я переписывался с Точиским, жившим в то время в Екатеринославе. Знаю, что он там за что-то привлекался, но за что именно, не помню [1]). В Екатеринославе он женился на гладильщице.

В 1893 или 94 году я жил в Болгарии, в г. Верна, куда весной приезжал на отдых Точиский с женой. Устроить его мне там не удалось. Точиский очень заинтересовался болгарским социал-демократическим движением и через меня познакомился с вожаками, в том числе с Благоевым, который, в свою очередь заинтересовавшись работой кружка Точиского, подробно расспрашивал его и меня о том, как ставилась работа и какой тактики держался кружок. Из этих расспросов было видно, что ни Благоев ни благоевцы вообще не имели представления до этой встречи о работе этого своеобразного кружка. Не найдя никакой работы в Болгарии, Точиский вынужден был осенью возвратиться в Россию [2]).

Последний раз я встретился с Точиским в 1912 г., уже в России. Он приезжал в Питер хоронить свою мать, кажется, из Москвы.

Оставался он в Питере очень короткое время, но и за это время мне удалось выяснить, что Точиский не изменил своих юных воззрений, что оставался верен тем идеалам, которые залегли в его душу еще в дни юности.

В 1917 г. летом я получил от него № большевистской газеты, которую он издавал в Сибири. Это была последняя непосредственная весточка от него. События захватили меня, и только теперь, несколько опомнившись, желая разыскать своего дорогого старого товарища, я получил тяжелое известие, что его нет больше в живых.

II.

На предложенные мне вопросы относительно рабочего состава организации Точиского могу указать в настоящее время нижеследующие дополнительные данные.

Нил Васильев, рабочий арсенала, один из самых первых рабочих, с которым связался Точиский по приезде в Питер. Нил жил по улице,

[1]) По данным департамента полиции, Точиский в бытность свою в Екатеринославе вовсе не привлекался. Впервые после питерского дела он привлекался по делу кружка московск. интеллигентных пропагандистов в 1899 г. (3, 1112, 1892, т. I, II и III). *(Ред.)*.

[2]) По данным департамента полиции (3, 1112, 1892) Точиский выехал за границу в феврале 1894 г., а вернулся в июне того же года. *(Ред.)*

перпендикулярной к Симбирской, не доходя Крестов (как называется, не помню). С Нилом я был связан ближе, чем со всеми остальными рабочими организации. Одно время я даже подготовлял в реальное училище его сына. Вспоминаю, что Нил был распропагандирован или самим Кравчинским или кем-то из остальных, причастных к убийству Мезенцова [1]. Нил, несомненно, вел агитацию среди рабочих арсенала; я сам встречал у него рабочих, с которыми он меня знакомил, и я видел, что они разделяют его революционные убеждения. Но публика эта была пожилая, вместе с Нилом усердно «закладывала за галстух», и Точиским не подпускалась близко к организации. Нил был безбожник и богохульник... У Нила были связи только с арсеналом, а потому Точиский не мог чрез него завязать связи с рабочими других заводов и фабрик. Фамилии Нила я не помню, но знал. Нил был первый рабочий, вошедший в организацию еще до устава.

После поездки в Нижний Точиский через доктора Караваева устроился на фабрике Варгунина (бумаго-прядильная). Здесь он завязал связи как с рабочими фабрик, которых я знал очень мало, так и с Александровским заводом, где работал рабочий «Мурка». Мурка был слесарь, мужчина лет под 30, очень развитой, уже до Точиского распропагандированный, производил впечатление полуинтеллигента. С «Муркой» я связался зимой 1887 г., не помню, через кого из рабочих Точиского. У «Мурки» к этому времени был свой кружок механиков, очевидно, из того же Александровского завода. Муркой его звали не только рабочие, но даже и хозяйка его. Жил он около Железнодорожной улицы за Шлиссельбургской частью. Я возил к нему помногу книг, которые часто даже при мне раздавались «Муркой» пришедшим рабочим. Встречал я у него по 4 — 5 человек и обыкновенно все новых лиц. Ездил я к нему раза 2 в неделю до высылки из Петербурга. Впоследствии, уже выпущенный из тюрьмы под залог, я встретил Мурку в кружке Хованова, Николая Николаевича, рижанина, студента учительского института. Кружок Хованова состоял из рабочих, сочувствующих народовольчеству, как и сам Хованов был определенным народовольцем. Мурка нужен был Точискому для установления связей с рабочими за Невской заставой. Предполагаю, что через него Точиский завел связь не только с александровцами, но и с обуховцами, подбирая людей, годных для своей организации, ибо к самому Мурке, как к народовольцу, он относился критически. Фамилии Мурки я не знал, хотя не по соображениям конспирации, ибо сам Мурка был крайне неконспиративный.

Климонов был известен в организации только под кличкой «Клим» и фамилией Климов, но мне он был известен также под именем «Егора». Отчество его «Афанасьев» мне было неизвестно. При встрече летом 1918 года он назвал себя Климоновым и указал свою нелегальную фамилию «Бубнов», очевидно, полагая, что это уяснит мне его революционную роль в период после того, как мы расстались с ним в 1888 г. В мое время он

[1]) Сам Кравчинский действительно работал среди рабочих Выборгской стороны, в том числе и арсенала, но лишь в 1872 г. *(Ред.)*

был кузнецом на заводе Берда. Производил впечатление наиболее преданного революционному делу рабочего. У него я был только 1 раз на дому, кажется, на Прядильной улице, но вообще встречался с ним довольно часто, ибо он был со мной в паре, и ему я носил пачки книг довольно долго, если не ошибаюсь, в 1887 году, которые я передавал ему в условленном месте на Фонтанке около Коломенской части, обыкновенно по вечерам. Кажется, я именно с ним, кроме Лазарева, расклеивал прокламации в Коломенской части. Наклейку производил он, я мазал, а Лазарев предупреждал. Прокламации касались 10-летия смерти Некрасова. Было это в декабре 1887 года. Прокламации, если не ошибаюсь, были получены через Михаила Михаиловича Тимофеева; они были печатные. Расклейка была произведена с ведома и одобрения Точиского. Кроме Клима, я никого не знал из рабочих завода Берда. Поэтому ни о Мефодиеве ни о Филимонове я не знал и не слыхал. С Климом Точиский завел связь задолго до поступления на завод Берда.

С «Семкой» в паре был брат Леонид, и потому, при существующей конспирации, я не мог знать более близко «Семку». Не могу сказать даже приблизительно, в какой части города работал и жил «Семка». Что же касается «Фомки», то я даже не могу указать теперь, с кем в паре он был. Или не знал или запамятовал, вернее, последнее. Кто такие «Семка» и «Фомка», я указать абсолютно не могу, но по старым карточкам опознал бы.

«Тимофеев», «Томофеич» в центральной организации в мое время не был. Он был привлечен к организации, несомненно, Точиским, который его передал брату Леониду. Где он тогда служил и где жил, указать не могу. Знал я его по прогулкам, о которых я писал в первой части. Он также был мною отмечен, как выдающийся рабочий, обращающий на себя внимание по своей любознательности и пристрастию к естественным наукам, в которых он разбирался. Я считал его электротехником, по его пристрастию к этому делу. Одевался он необычно для рабочего. Он скорее по внешности походил на конторщика или приказчика. Думается, что Тимофеев вошел в организацию в начале 1887 или в конце 1886 года; помню, что это произошло после перехода Лазарева на завод Берда, который у Берда устроился ранее Точиского. Насколько помню, брат Леонид занимался с Тимофеевым больше самообразованием, чем революцией. На вопрос: попала ли потом, после высылки меня, Лазарева и Точиского, библиотека именно к Тимофееву, — я сказать не могу, но в виду близости Леонида к последнему допускаю это. Знаю только определенно, что большая часть легальной библиотеки ушла от лап жандармов и была передана кому-то из рабочих нашей организации. Знаю я также, что наша организация имела связи с Балтийским заводом.

С упоминаемым в статье Святловского газетчиком Аникиным завел связи Шалаевский в казармах Новороссийского полка на Охте; туда Аникин ходил для пропаганды среди солдат полка. Аникин жил где-то за Малой Охтой. К нему ходили Точиский, Лазарев, я и, кажется, барышни нашей организации. Книги ему доставлял первое время Шалаевский, а потом

кто заменил его, не могу сказать. Определенно помню, что к Аникину больше всего поступало требований на нелегальную литературу. Он был уже вполне выработанный революционер (кем, не знаю) и не находился под влиянием Точиского. Это был старик лет под 60. Полагаю, что он не концентрировал своей работы среди рабочих, ибо при свиданиях речь больше шла о работе среди солдат. Помнится, что он рассказывал, что раз по ошибке дал офицеру в легальной газете и листок «Народной Воли», который и был возвращен офицером с усмешкой; никакой репрессии после этого не последовало. На мой взгляд, Аникин был землеволец. Точиский его не ценил и показывал его нам, как пример старого рабочего-революционера.

С фабрикой Лаферма были связи через Точиского. Кто из членов кружка поддерживал связи, не могу сказать. Впоследствии связи с Лафермом были восстановлены, через Хованова, в 1889 году. Хованов меня свел с папиросницами Андреевой Анастасией и Волковой, Софьей Константиновой (впоследствии женой Тана). Последние устроили кружок папиросниц с фабрики Лаферма. В этом кружке были в качестве пропагандистов Хованов, Иванова, Анна Ив. и Леушкина, Наталья Николаевна, Реймер (курсистка, не помню, каких курсов). Библиотекой они пользовались через Хованова. Что эта была за библиотека — мне неизвестно. Больше налегали на нелегальщину. Здесь появился и Мурка из-за Невской заставы и еще какой-то болгарин из духовной академии. Кружок был определенно народовольческий.

С заводом Штритера были связи через Егора (Клима).

У Точиского были связи с учителем Абрамовым. Еще в 1885 году Абрамов организовал воскресную школу для рабочих за Невской заставой. Система преподавания была поставлена так же, как впоследствии были поставлены рабочие школы, т.-е. на легальной науке проводилась нелегальная работа.

Еще в 1885 или в начале 1886 года я завел связи с ассоциацией граверов, перенявших мастерскую после смерти прежнего хозяина Эрлера, на Малой Конюшенной. С рабочими ассоциации у меня были довольно откровенные разговоры на революционные темы. Узнав об этой ассоциации, Точиский познакомился через меня с членами ассоциации, но, выяснив, что этот материал (т.-е. члены ассоциации) не подходит к его работе, он скоро охладел к ним, и дальнейшие связи были порваны. Эти ассоциации состояли из маленьких буржуа, а Точиский надеялся в них встретить идейных революционеров, полезных для революционной работы. Особого пристрастия к ассоциациям у него не замечалось.

Программы «Группы Освобождения» в библиотеке не было, и в кружке она не разбиралась, но еще в 1885 или в начале 1886 г. Точиский привез литографированную программу немецкой соц.-дем. партии, которая подробно разбиралась и дебатировалась в кружке.

Дикштейн в библиотеку поступил в нескольких экземплярах до первой нашей высылки. Дикштейн был in octavo, обложку не помню. На верхней части обложки было напечатано «Кто чем живет?» крупным шрифтом, а внизу мелкими «Дикштейн, перевод с польского [1]). Точиский особенно охотно пользовался этой брошюрой, раздавая рабочим.

В 1887 году через Фирсова, наборщика типографии близ Михайловского театра, ранее мне известного со времен еще детства, мы стали комплектовать типографию. Фирсов доставлял шрифт. Точиский предполагал поставить типографию для печатания брошюр in octavo. Разрабатывали план станка, но до высылки не успели осуществить плана постановки типографии. Шрифта к этому моменту было еще недостаточно даже и на одну такую брошюру. Шрифт хранился у меня на чердаке, его было пуда 2 — $2^1/_2$.

Так как о предстоящем у нас обыске я был извещен, как и все остальные, через родственника Тихановича, телеграфиста на полицейском телеграфе, то шрифт был немедленно перенесен Вас. Голубеву. Шрифт долго лежал под спудом и потом пошел на организацию типографии, что мне потом за границей рассказал Михаил Михайлов Тимофеев. Как водится, несколько штук шрифта у меня завалились в комоде и были обнаружены во время обыска, но покуда полиция искала все остальное, мой маленький братишка, Василий, стащил добрых $^9/_{10}$ его с моей записной книжкой с шифрованными адресами (заменив своей книжкой) и спустил в ватерклозет. Исчезновение этих вещественных доказательств привело в большое смущение жандармского ротмистра и другое начальство.

Что касается воспоминания Шелгунова (в книжке «от Группы Благоева»), который утверждает, что познакомился со мной через Егора Афанасьева, то я абсолютно ничего не могу вспомнить. Утверждаю только, что я сам и брат Эдуард участвовали на похоронах Щедрина. Леонида здесь не было.

В предъявленных мне карточках рабочих Прошина, Влад. Иларионова, Ильина Александра, Федора Афанасьева, Богданова Ник. Д. и Бабушкина я не узнаю рабочих, встречавшихся со мною по кружку Точиского, хотя и не могу утверждать, что они не соприкасались с другими членами кружка [2]).

18—III—23.

Андрей Брейтфус.

---

[1]) Повидимому, издание «Группы Освобождения» 1885 года. (*Ред.*)

[2]) В 1917 г. Точиский редактировал в Сибири газету. В первом номере этой газеты «Листок Белорецкого Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» между прочим указано, что апреля 7-го конституировался Белорецкий Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. В числе избранных в этот комитет пяти товарищей назван и Павел Варфоломеевич Точиский. В номере характерна написанная, вероятно, Точиским (как, вероятно, и весь этот номер) статья «О земле». Статья эта заканчивается словами: «Понятно, крестьяне кровно заинтересованы *получить землю даром*: а не путем купли их у помещиков. Народ столько пролил крови, народ так разорен, что не может быть и речи о покупке. Земельный вопрос может быть разрешен *только революционным путем*. И крестьяне должны вместе с рабочим классом решить земельный вопрос, так же, как и 8 час. рабочий день, т.-е. через революцию». Слова эти написаны до появления в «Правде» (в конце апреля) возбудивших столько шуму тезисов о земле и это тем более любопытно, что в начале своей революционной деятельности Точиский, по словам А. Брейтфуса, в разговоре с Н. Л. Сергиевским, упорно избегал касаться вопроса о земле. (*Ред.*).

О КРУЖКЕ ТОЧИСКОГО.

Ниже мы публикуем материалы о кружке П. В. Точиского 1885 (или 1886) — 1888 г.г. Кружок этот мало известен и вообще и партийной публике—в частности. Только очень немногие, лично сталкивавшиеся с П. В. и лишь наиболее близко к нему подходившие товарищи, слыхали о кружке. Большинство же не имеет никакого представления об этой, одной из самых ранних марксистских организаций. В литературе не имеется никаких ссылок на него за исключением незначительной заметки [1]). А между тем этот кружок, так как он относится к периоду середины 80-годов, — когда марксизм в России (я не имею в виду эмиграцию, в то время строго изолированную и имеющую очень слабое влияние на туземные революционные сферы) еще не успел оформиться и получить то сравнительно широкое распространение, которым характеризуется уже первая половина следующего десятилетия 90-х годов, — представляет особый исключительный исторический интерес. Этот интерес усугубляется еще тем обстоятельством, что Точиский занял особую самостоятельную позицию. Выступление его, заявившего себя уже в те времена решительным противником террора и всяческих намеков на революционный авантюризм, — это выступление в период, так сказать, диктатуры «вольчества» над умом общества, культа «героев» и преклонения пред революционной интеллигенцией, являющейся, якобы, истинной носительницей социалистического идеала, — представляется крайне знаменательным, указывает на идеологический перелом в революционных сферах еще в тот ранний период; мало того, поставлена новая, самостоятельная от «группоосвобожденчества» межа. И, действительно, марксизм Точиского был, повидимому, совершенно самостоятельный и не находившийся под преобладающим влиянием идеологии ни благоевцев ни «Группы освобождения». По крайней мере, по свидетельству Брейтфуса, воспоминания которого выше печатаются, Точиский не был последователем или продолжателем Благоева. Однако, кружок Точиского имел представление о газете Благоева («Рабочий») и, как видно из ниже печатаемого «Доклада министру внутренних дел», связь с одним из благоевцев, студентом Хлопиным, у членов кружка была. Были связи и с другим примыкавшим к благоевцам, Гурием Петровским. Т. Брейтфус мне рассказывал также, что Точиский не был под влиянием «Группы освобождения». И, тем не менее, он был знаком с литературой «Группы освобождения», что видно не только из того, что в кружке были «Наши разногласия», но также и из позаимствования терминологии других группоосвобожденцев (Аксельрод). Неизвестно, кто и что его натолкнуло на марксистский путь, — не исключена возможность также со стороны именно «Группы освобождения», — но он пошел по самостоятельной дороге, его идеология была иная. Организационная форма кружка, тактика, усвоенная руководящим центром кружка постольку, поскольку она выявляется в воспоминаниях Брейтфуса и данных «доклада», представляет собою также нечто самобытное, необычное и своеобразное.

Но исторический интерес этого кружка не исчерпывается только тем, что здесь была самобытная марксистская идеология. Из его недр вышли те рабочие, которые составили впоследствии руководящее рабочее ядро Брусневской организации (см. «Былое» № 19, статью Святловского и сравни с данными, нами публикуемыми).

В настоящей заметке я вовсе не предполагаю разбирать идеологию кружка, его структуру и превращение в самостоятельную рабочую организацию, влившуюся в Брусневскую работу. Я сделаю это в одном из ближайших номеров «Красной Летописи». Пока же ограничиваюсь лишь опубликованием «доклада» по этому делу и воспоминаний Брейтфуса, наспех и по моим вопросам составленных, а отчасти записанных мною под диктовку последнего. Но

---

[1]) В последнее время появилась биография Точиского (помещенная в изданном Московским Комитетом Р. К. П. в 1923 г. сборнике «Братская могила» и принадлежащая перу Людмилы Сталь, в которой есть опять-таки только краткая ссылка на эту организацию Пользуюсь случаем, чтобы отметить некоторые противоречия, имеющиеся в названной биографии, с данными, находящимися в делах департамента, и воспоминаниями Брейтфуса. Сталь утверждает, что Точиский, «завязав связи с петербургскими рабочими кружками, в 1885 году приезжает в Петроград и поступает на Александровский завод, за Невской заставой». Из данных дела видно, что Точиский прибыл в Петроград в ноябре 1884 г. и первоначально поступил учеником оружейной мастерской «Гано», где работал до февраля 1885 г., а затем поступил в «Ремесленноеучилище Императорского Русского Технического Общества» и только в феврале 1887 г. перебирается на фабрику Варгуниных. Связь с Невской заставой, действительно, у кружка была по свидетельству Брейтфуса, но не на почве совместной работы Точиского с рабочими Александровского завода. По свидетельству Брейтфуса связи Точиского с рабочими налаживались постепенно, а не были переданы ему готовыми. Следовательно, Точиский сначала переехал в Питер, а потом наладил уже связи, избегая или осторожно пользуясь готовыми связями (см. воспоминания Брейтфуса о «Ниле»). Далее Сталь утверждает, что в рабочих кружках Точиский познакомился с литературой «Группы освобождения», под влиянием которой формируются убеждения Точиского, как революционного социал-демократа. Между тем Брейтфус утверждает, что Точиский еще летом 1885 г. выступает, как марксист, с самостоятельным пониманием задач марксистской интеллигенции, и не находился под влиянием «Группы освобождения»; это подтверждается и его тактикой в работе и всеобщею идеологией 1885, от которой он не отказался до 1889 г. Странно также утверждение Сталь, что Точиский познакомился в вологодской ссылке с Малиновским А. Л. Последний был привлечен по одному делу с Точиским о «Московском кружке интеллигентных пропагандистов» еще в 1899 году, за что вместе с Т. и был сослан в Вологду.

для разбора кружка, для характеристики его имеющийся материал нельзя назвать совсем достаточным. От всего делопроизводства о кружке в департаменте полиции остался только вышеназванный «Доклад»; остальная же переписка, а вероятно и копии протоколов допросов и вещественных доказательств, находившиеся в деле департамента по 7-му дел., № 173, 1888 г. и 2 т., 2, 1887 г., уничтожены еще в 1910 году. Однако, доклад этот содержит необычно обширный материал, крайне ценный для характеристики. Доклад оказался, по счастью, вшитым в личное дело Точиского (по 3-му делопроизводству № 1112, 1892 г., т. 7, 2 и 3), которое, как и все личные дела, по установленному департаментом правилу, не подлежало уничтожению до смерти поднадзорного и в настоящее время хранится в Историко-Революционном Архиве.

Привожу некоторые биографические данные, не нашедшие места в воспоминаниях Брейтфуса и заимствованные из названного дела. Отбывая 2-годичный гласный надзор (с 18/XII — 90 г.) в Екатеринославе, Точиский терпит крайнюю нужду за отсутствием достаточного заработка, возбуждает в 1891 году (IX) ходатайство о разрешении перебраться в Пермь, где ему предвидится работа. Однако, разрешение на переезд поступает поздно, начались холода, и Точиский по случаю отсутствия теплого платья не может воспользоваться полученным разрешением, возбуждает ходатайство о назначении ему пособия, отпускаемого гласно-поднадзорным; но в этом ему отказывают. По окончании гласного надзора он уже находит заработок, последовательно служа на железных дорогах или в земстве, то в Киеве, то в Саратове, Харькове и пр. Финансы его настолько поправляются, что он получает возможность предпринять поездку за границу, но здесь все же не задерживается из-за ограниченности средств [1]). Тем временем он неустанно хлопочет о разрешении ему въезда в Питер или Москву, куда его тянет широкое поле деятельности промышленного города. Живя в провинции, он ведет себя тише воды, ниже травы. Жандармы, неотступно следившие за ним, могут констатировать только то, что он поддерживает знакомство с лицами неблагонадежными, но круг знакомств его очень ограничен; он ведет уединенный образ жизни. Наконец, департамент решается пустить его в Москву. В 1898 г. он уже в Москве. Здесь он принимает участие в работе «кружка интеллигентных пропагандистов», снова попадает в тюрьму, а отсюда в ссылку в Вологодскую губернию (1901 г.). Однако, ссылку ему не пришлось отбывать в Вологодской губернии по случаю болезни. Департамент разрешает ему отбывать ссылку в Астраханской губ., а в 1902 году позволяет перебраться в Новороссийск. По окончании срока ссылки, 31 декабря 1903 г., постановлением особого совещания при министре внутренних дел ему воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях в течение 5 лет. Но вот наступает предреволюционная «весна». В феврале 1905 г.

[1]) По свидетельству А. Л. Брейтфуса, прочитавшего корректуру настоящей статьи, Точиский и выехал заграницу и возвратился опять в Россию на средства одного из своих старых товарищей.

Точискому разрешается въезд в С.-Петербург и Москву. Он выбирает Москву, где принимает живое участие в революции 1905 года, примыкая к большевистскому крылу партии [1]). С 1905 года сведения о Точиском в департаменте прерываются. Точиский вновь притаился, и департамент не имеет оснований интересоваться его персоной. Между тем, Точиский остается попрежнему революционером большевистского толка, с момента революции (февральской) 1917 г. развивает свою деятельность, а в 1918 году по какому-то недоразумению погибает от руки своих же [2]).

Ник. Л. Сергиевский.

---

[1]) Более подробно смотри в помянутой выше биографии Л. Сталь.

[2]) Более подробно смотри в той же биографии.

ДОКЛАД ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

ДОКЛАД

по делу 1) сына отставного полковника Павла Августа Рене-Болеслава-Людвига Людвигова *Точиского*, сыновей прусского подданного: 2) Людвига (Леонида) Готлиба Людвигова *Брейтфуса*, 3) Генриха-Эдуарда-Андрея Людвигова *Брейтфуса*, 4) сына титулярного советника Дмитрия Владимирова *Лазарева*, 5) дочери отставного полковника Марии Людвиговой *Точиской*, 6) сына прусского подданного Эдуарда-Карла Людвигова *Брейтфуса*, 7) дочери священника Любови Васильевой *Аркадакской*, 8) рядового запаса армии Ивана Аггеева *Шалаевского*, 9) дочери титулярного советника Веры Владимировой *Лазаревой*, 10) дочери коллежского советника Елизаветы Александровой *Даниловой* и 11) рабочего Нила *Васильева*, обвиняемых в государственном преступлении.

---

7 марта 1888 г. прибыл на жительство в г. Житомир высланный из С.-Петербурга, в виду имевшихся сведений о политической неблагонадежности, сын отставного полковника Павел (Август) Точиский, который сперва поселился там с отцом, но вскоре перешел на отдельную квартиру, вместе с своим братом Иваном Точиским. Затем 16 июня того же года приехал в Житомир из Саратова и поселился с ними же сын титулярного советника Дмитрий Лазарев. В это же время в Житомире проживали: прибывшая из С.-Петербурга слушательница Бестужевских курсов Мария Точиская и дочь коллежского советника Елизавета Данилова, приехавшая из г. Москвы. Все эти лица обратили на себя внимание местной полиции как постоянными сношениями между собой, так и своим уединенным, замкнутым образом жизни. Установленным, в виду этого, за ними наблюдением и собранными о них сведениями было выяснено, что все они, за исключением Ивана Точиского, были замечены ранее, как лица политически неблагонадежные, и что из них Лазарев был также выслан по распоряжению с.-петербургского градоначальника из С.-Петербурга. В августе все эти лица, кроме Лазарева, оставили Житомир; за Лазаревым же наблюдение продолжалось. В начале сентября была получена агентурным путем копия с письма, присланного Дмитрию Лазареву из Москвы, за подписью «Е. Д.»,

писанного, судя по начальным буквам этой подписи, Елизаветою Даниловою, следующего содержания.

«Здорово, Митька. Как живете. А я живу, хлеб жую и Бога благодарю. Слушайте. Если ветер подует в вашу сторону и принесет с собой вам здоровье и чрез два года мы будем иметь счастье лицезреть вас после двухгодичного лечения румяным и здоровым, то имейте в виду меня в помощники. Помните, мы о чем говорили с вами еще на 9 линии, я не обещаю, но чем враг не шутит, при виде толстой бычачьей шеи и башки у меня руки начинают чесаться, кто знает может они к тому времени так расчешутся, что... Если пойду, то не бойтесь, не сплошаю. Вам бы попробовать начать лечение собственными домашними средствами; иногда ведь болезнь проходит. Представьте, я дочки не видела: когда она была в Москве, я была в Питере, и мы разъехались. Я иду в учительницы, что-то судьба мне принесет. Пишите, как здоровье, когда будете на водах, напишите как там. Желаю, чтобы мое письмо не застало вас в. Житомире, и вы направили бы свои лыжи. Милая-то едет в Саратов; она право родилась в сорочке».

Вслед затем негласным путем было дознано, что Лазарев ожидает какой-то посылки и, повидимому, желает скрыть ее получение, так как просил, чтобы ее выслали на имя проживающей в Житомире матери Точиских. Наконец, 23 сентября было получено сведение, что Лазарев выезжает куда-то из Житомира. Вследствие сего, того же числа, на основании положения о государственной охране, у него был произведен обыск, по которому, между прочим, было найдено письмо из С.-Петербурга от его сестры Веры.

В этом письме Вера Лазарева сообщает Дмитрию Лазареву о том, что, наконец, место для него найдено, что для этого он должен немедленно отправиться в г. Шавли, Ковенской губ., там оставить свои вещи на вокзале и явиться к содержательнице женского пансиона Гамолицкой, у которой «стараясь не назвать своей фамилии», спросить какую-то посылку из С.-Петербурга. Письмо заключается просьбой написать на имя «Апроськи» на курсы.

По обыску, произведенному в С.-Петербурге у сестры Лазарева Веры Лазаревой, были найдены: а) справка с.-петербургского адресного стола о месте жительства дочери коллежского советника Елизаветы Даниловой и б) две фотографические карточки последней; по обыску же у Ивана Точиского ничего преступного обнаружено не было.

29 сентября того же года, на имя Дмитрия Лазарева была получена из г. Шавель телеграмма следующего содержания: «Телеграфируйте, здорова ли дочка», а 3 октября, на имя того же Лазарева, было прислано из С.-Петербурга заказное письмо, начинающееся словами «какого чорта ты не едешь», в котором автор-женщина, упрекая Лазарева в том, что он не едет в Шавли, оканчивает письмо словами: «ты рискуешь потерять место».

При производстве возбужденного по этому поводу в волынском губернском жандармском управлении, первоначально в порядке, установленном

положением о государственной охране, а затем на основании 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознания, спрошенный в качестве обвиняемого по содержанию приведенной выше переписки и письма Елизаветы Даниловой Дмитрий Лазарев, не признавая себя виновным в принадлежности к тайному противоправительственному сообществу, объяснил, что он не собирался ехать в г. Шавли, а намеревался отправиться в г. Саратов для отбывания воинской повинности; что он сам не понимает тех загадочных выражений, которые встречаются в вышеупомянутых письмах, и предполагает, что означенная телеграмма прислана Марией Точиской, которую среди близких знакомых в шутку называли «Апроськой» и «дочкой».

Между тем, спрошенная в качестве свидетельницы, при производстве расследования в г. Шавли 30 сентября 1888 г. содержательница частного пансиона Мария Гамолицкая показала, что никакой посылки из С.-Петербурга для передачи кому бы то ни было ей доставлено не было, но что 15 того же сентября она получила из Петербурга от Марии Точиской, с которою познакомилась летом того же года, чрез посредство гостившей у нее сестры ее, Гамолицкой, письмо, в котором Точиская предупреждала, что на имя ее, Гамолицкой, будет прислана из С.-Петербурга книга, которую просила передать ее земляку, Дмитрию Лазареву. При этом свидетельница Гамолицкая заявила, что Мария Точиская прибыла в Шавли 24 сентября и, остановившись у нее на квартире, ожидает приезда Дмитрия Лазарева.

По произведенному у Марии Точиской в г. Шавли обыску, между прочим, были найдены два письма: одно на имя Дмитрия Лазарева за подписью «Милая», заключавшее в себе подробный маршрут от Эйдкунена до Парижа, и другое, на имя Григория Андреева Гершунина, следующего содержания: «Гриша. Человек, о котором я тебе писал, есть податель записки. Устрой его переплыв на тот берег сколько возможно тише и сколь возможно скорей. Но ты не думай, что это птица или крупная рыбина; пока он почти ничего, но ему нужен тот берег. Укажи, рекомендуй кого и что нужно. 10 руб. я тебе вышлю. Мишка».

5 октября 1888 г. помощник начальника ковенского губернского жандармского управления препроводил начальнику волынского губернского жандармского управления предоставленное ему Гамолицкой денежное письмо с 3 р. и телеграмму, предназначавшуюся Марии Точиской, следующего содержания: «Веры нет и вас, Мария, спрашивали, верно встретят, приезжайте же». По выемке подлинной телеграммы на ней оказался адрес: «Нижегородская улица, д. № 35. Степанова;» в упомянутом же денежном письме, помеченном 1 октября 1888 г., личность, подписавшаяся «Вера», выражает удивление по поводу неприбытия в Шавли какого-то лица, несмотря на посланное этому лицу приказание немедля ехать, и оканчивает сообщение, что если это лицо не приедет через неделю, то адресату придется возвратиться ни с чем.

Вышеизложенные обстоятельства послужили основанием для привлечения к дознанию также в качестве обвиняемых Веры Лазаревой, Марии

Точиской и Елизаветы Даниловой. По произведенному у последней, по месту жительства ее в г. Москве, обыску были обнаружены:

1) рукопись, представляющая собою систематический каталог разных сочинений, разрешенных цензурою, между которыми однако помещены и следующие, запрещенные, социалистического содержания: Плеханов «Наши разногласия», Шефле «Капитализм и социализм» и Миртов (Лавров) «Исторические письма». Часть этого каталога отгектографирована;

2) тетрадь в синей обложке с разными заметками, между которыми оказались следующие:

а) статья, в которой проводится мысль, что будущее принадлежит трудящемуся классу, тогда как богатым, капиталистам, грозит неминуемая гибель. Обращаясь к последним, автор, между прочим, говорит: «прислушайтесь, если вы только способны что-нибудь расслышать. Разве вы не слышите раскаты грома, разве не видите, как на горизонте блеснула молния? Трепещите — это приближается буря. Гром оглушит вас, молния убьет, а буйный ураган развеет ваш прах, чтобы исчезло об вас всякое воспоминание»;

б) заметка, обозначенная № 4, в которой автор проклинает все учебные заведения, созданные для фабрикации чиновников, послушных рабов правительства. «Нам нужны силы, живое слово, говорится в заметке, а где они»;

в) заметка № 5, в которой сказано: «кто служит идее, тот должен быть готов на самые тяжкие жертвы»;

г) заметка № 6, где, между прочим, говорится: «у нас два врага: это — правительство и капитал... Научите этот народ думать, соедините его, и тогда правительство в ваших руках»;

3) разные письма: два от Юлии Беловой, из которых одно за подписью «Ив. Шалаевский», остальные или без подписи или подписаны только одними именами и начальными буквами. Из этих писем обращают на себя внимание:

а) письмо, начинающееся словами: «получивши ваше письмо» и подписанное буквами «Л. А.», в котором автор-женщина, обращаясь к неизвестному лицу и объясняя причину натянутых отношений, существовавших между нею и адресатом, говорит при этом «наше совместное участие в тов. меня к этому нисколько не обязывало» и далее: «поэтому даже и книги не ходила переплетать»;

б) письмо от 29 июня, начинающееся словами: «Ну-с я в Екатеринбурге». В этом письме автор-женщина, подписавшаяся буквою «Т», пишет о какой-то личности, обозначенной в письме буквою «Ю», — что не успела она приехать, как ее посетили «гости», но безрезультатно, что у «А» были «гости» и кое-что взяли, и добавляет: «теперь у них завязалось дело, и ее обязали подпиской не выезжать из прииска. Хлопин забран был, но теперь отдан на поруки; Агеич получил место»;

в) письмо за подписью «Август» следующего содержания: «Лизочка, приходи в воскресенье часам 1 пополудни. Это будет удобнее по отноше-

нию к Иван Иванычам и потом и вообще может быть не прочь будешь зайти раньше, пока остальные не соберутся». На письме имеется подпись «получено в Петербурге в 1887 г.»;

г) письмо за подписью «Н. Попов», начинающееся словами: «дорогая Елизавета Александровна», в котором автор, выражая надежду увидеть адресата в 1889 г., пишет: желательно увидеть вас с теми же стремлениями, какими вы теперь одушевлены. Неужели и вы переменитесь»;

д) письмо за подписью «Павел», помеченное 13 июля и адресованное, как видно из приложенного конверта, из Житомира в Москву, Елизавете Александровне Даниловой, следующего содержания: «оба письма твои получил. Довольно таки скоро Ваня испекся. Впрочем, ему больше ничего не оставалось делать. Ни из Баку ни из Риги ни слуху ни духу. В эту пятницу уезжаю в Саратов. Ребятишки все живут по-старому и приказывают тебе низко кланяться. Если получишь от Антона, то пошли в Саратов до востребования на мое имя»;

е) письмо за подписью «Ленька», помеченное «1888 г. 24/VII Ливония» и начинающееся словами: «не мало обрадовался, получив от вас письмо». В нем автор, между прочим, пишет: «Вижу, что вы не много знаете относительно нашей последней катастрофы, что происходит по причине вашего отсутствия из Житомира, куда я прислал в начале июля довольно обстоятельное послание... к тому же я не совсем лишен права жить в столице: мне можно жить за городом. На-днях я получил известия, жаль только, что несколько отрывочные, т. к. одно письмо утеряно, — из которых можно заключить, что с нами поступают довольно снисходительно, т.-е. Милой разрешено возвратиться, но только не в столицу. Меня эти известия несказанно удивляют, но много в них неясностей, так что до получения верных сведений удержусь от сообщений. Последн. катастрофа коснулась лишь нас, т.-е. пострадало исключительно наше семейство; Сем. и Кл. целы и невредимы и попрежнему с нами в хороших отношениях... Нас же принудили съехать от офицера в самый непродолжительный срок (2 дня)... Получили вы мое письмо через Апроську». Письмо это оканчивается следующими словами: «в заключение скажу, что я все-таки в общем с вами согласен, и если в чем с вами расхожусь, то единственно в способе проведения идей в массу: я трусливее вас, а потому осторожнее и т. д.»;

ж) письмо за подписью «дочка», в котором автор извещает о выезде своем в Москву и, между прочим, пишет: «с Момо ни тпру ни ну; подлецы ни слова не отвечают. Про брата тоже не знаю ничего, не писал, и Аркад. молчит — очень странно. Ф. Н. уехал солдатом в Ташкент»;

з) письмо, помеченное «20 августа», как видно из приложенного к нему конверта, адресованное Елизавете Александровне Даниловой из Саратова, за подписью «Павел», в котором автор просит адресата доставить и выслать 20 р. в Петербург «сестре Момо»;

и) письмо за подписью «Павел», помеченное 25 сентября, в котором автор сообщает о скором приезде своем в Москву, о неимении известий от «Момо», удивляется, что «Милая» не едет, и просит сказать ей, когда она будет проездом, чтобы имеющиеся у нее вещи его, автора, она оставила адресату. В заключение в письме помещено стихотворение социалистического содержания, в котором проводится мысль о необходимости подчинения труду капитала;

і) письмо без подписи, в котором неизвестный автор-женщина, сообщая, как видно из приложенного к письму конверта, Елизавете Александровне Даниловой о прибытии своем в Петербург и адрес «Митьки» (без указания города), просит не писать «Митьке чего-нибудь того», потому что «вышла такая ерунда, которая неизвестно чем кончится; все уже шло на лад, говорится в письме, и мы хотели посылать, как вдруг говорят, что доктор есть Иван Иваныч и служит при военной больнице. Лечение его могло привести, понятно, к плохим результатам... Милая поедет скоро в Саратов»;

к) письмо без подписи, как видно из приложенного к нему конверта, также адресованное Елизавете Даниловой в Москву из С.-Петербурга 7 сентября 1888 г. В этом письме автор-женщина жалуется на то, что слишком долго подготовляется и ничего не делает, пишет далее: «Андрюшка, например, теперь держится того мнения, что работа среди крестьян бесполезна в данное время, а что теперь нужно направить усилия на более восприимчивый и подготовленный класс, а именно на городских жителей: рабочих и остальных обывателей города. И когда будет сделан шаг вперед и условия будут лучше, тогда уже действовать там. Наша компания, по всей вероятности, останется при последних измененных условиях. Я видела Толстого и Леньку, а завтра вот соберемся окончательно потолковать. Они говорят, что при нынешней подготовке рабочих прежнее т. невозможно, потому что двигаться будем куриным шагом. Если касса будет отделена, то она может разрастись и начать приносить пользу матери, причем из среды учав. уже можно приобщать к другой к. и к библиотеке, т.-е. к этой группе теперешней. Но при расширении ее и библиотеки, разбивать библиотеку и членов на две группы, чтоб было безопасно. Если же оставить в прежнем виде, то касса не будет так скоро разрастаться, а тут она будет служить средством для соединения людей и знакомства с ними. Так как для того, чтобы рабочий согласился прямо вступить в прежнее Т., надо, чтобы он был развит, а это будет удобнее делать, т.-е. развивать и выбирать, когда люди уже будут сгруппированы и когда при постоянном соприкосновении с ними можно их узнать. Милая в Саратов едет для того, чтоб жить там, где есть люди; ведь ей жить здесь нельзя». Затем в том же письме автор пишет: «Да еще забыла вам сказать, как тол. смотрит на роль интеллигенции. Он говорит, что пока нет рабочей интеллигенции, первая должна указывать на выбор книг, создавать библиотеки и сообщать знания и распространять их. Кроме того, часто для этого нужны средства, которые интеллигенция имеет возможность добывать легче в силу неправильной цены за труд умственный с физич., подразумевая под первым всякие канцелярские занятия, вообще все, исключ. чисто физич. Конечно, не всегда бывает так, но по большей части так. Когда столкнемся, то я вам напишу. За это время я все почти бегала, доставала деньги трату и Момо...

к Ан еще не ходила. Встретила я двоих деятелей, и пришлось разочароваться; что и за люди. — Да, Момо поедет сама, а то доктор плох. Хотя и не доказано так резко, но рисковать опасно для жизни». В заключение автор выражает сожаление, что «Анюта» и «Ю. М.» ей не пишут;

4) рукопись, означенная № 10, в которой указывается, что интеллигенция вредит рабочему классу, так как уже эгоистические интересы чиновников при расширении прав народа должны были бы значительно пострадать;

5) тетрадь в синей обложке, означенная № 11, на 30 страницах. В этой тетради помещены выписки из разных сочинений и заметки, между которыми оказались следующие:

а) на стр. 4: восхваляя деятельность русской женщины, проявившей себя всюду, где только замечались мысль, движение, борьба, автор говорит, что она (русская женщина) «обессмертила себя, пойдя 1 м. с оружием в руках на русского царя, она подбивает рабочих к стачке, к борьбе с капиталом».

б) на стр. 6: «Россия спит под бдительным покровом своих властителей»;

в) на стр. 7: «Ученье социалистов, — это моя религия, мое евангелие, моя вера в будущую жизнь»;

г) на стр. 13: «Берне говорит: насильственные перевороты ужасная вещь; но они то же, что ампутация гнилого члена. Тут надо отрезывать скорее и без страха. Всякое замедление влечет за собою опасность, и кто из сострадания или боязни, при виде большого количества крови, делает операцию только наполовину, тот поступает более жестоко, чем самый жестокий тиран»;

д) на стр. 17 автор пишет: «У меня в комнате перед кроватью висит портрет царя с царицей. Когда Сен-Симон был молод, он приказывал своему слуге будить его каждое утро с следующими словами: вставайте, господин, вы должны совершить великие дела. Так и мне каждое утро, когда просыпаюсь, первое, что бросается в глаза, это—эти два портрета, и напоминают мне, что Александр III еще жив»;

е) на стр. 25 — 26 помещен целый ряд оскорбительных выражений по отношению к священной особе государя императора, по поводу путешествия его императорского величества по России. При этом автор заметки пишет: «Я запретила бы газетам описывать ваши путешествия, п. ч. это всемирная позорная выставка вашей пустоты, это вывеска, гласящая, что близок конец вашему царству. Неужели у вас не хватает даже настолько ума, чтобы запретить звонить во все колокола, по всем концам земного шара о вашей близкой гибели. Разве вы не знаете, что вы этим придаете силу и смелость вашим врагам?» Далее автор говорит: «Я допустила бы еще, чтобы страной правил человек, который жил с страной одною жизнью, вместе с ним и терпел и голод и холод, переносил побои и штраф, спал под открытым небом, ел с ними хлеб пополам с лебедой; человек, который знает всех и все знает не умом только, но своими плечами и своей спиной; человек, который понимает все, а не вы, неумеющие ступить на голую землю, не знающие, что она такое, так как ваша нога касалась только мягких ковров; не вы, проводящие свою жизнь в исполнении глупых придворных церемоний, лишенных всякого смысла и придающих вам только ложный блеск, не вам, кукольным фигуркам, править государством»;

в) записная книжка, в которой, между прочим, записаны адреса: а) Рига. Риго-Дуббельн, Туккумская ст. Майоренгоф, Гомельская ул. № 6, б) ст. Крюково, по Ник. ж. д. А. Александровичу Клопову, для передачи кладу, в) Paris, Boulevard Arago № 52-a Andreewsky, г) станция Осташково, село Никольско-Тучевское, Бежецкий уезд, д) Волынской губ. Кременецкого уезда, в Ямпольское волостное правление, с передачей Краснолуко-Юськовецкой церковно-приходской Н. В. Т., е) Петербургская стор., Красносельская улица, д. № 1, кв. 1, М. Л. Т., ж) Измайловский полк, 6 рота, д. № 16, кв. 21. В. А. Дан. с перед.;

7) 25 лотерейных билетов, с надписью на каждом: «лотерейный билет, цена 25 коп. № . . . . . .»

Допрошенная в качестве обвиняемой Вера Лазарева, не признавая себя виновною в принадлежности к тайному преступному сообществу, объяснила, что означенные выше письма к брату Дмитрию о немедленном выезде в г. Шавли она писала в сентябре 1888 г. в виду того, что один ее знакомый, которого она назвать не желает, приискал для него место на Либаво-Роменской железной дороге и что, предполагая воспользоваться этим случаем, чтобы выслать брату Дмитрию немного белья и платья, она просила упомянутого знакомого указать в г. Шавли адрес лица, на имя которого можно было отправить эту посылку; вследствие этого ей был указан адрес Гамолицкой, но она не успела выслать посылку. О намерении брата Дмитрия скрыться за границу и об участии в этом Марии Точиской ей известно не было. С последней она познакомилась в августе 1888 г., когда Точиская приехала из Житомира, с письмом от брата ее, обвиняемой, Дмитрия и поселилась на одной с нею квартире. За несколько дней до обыска у нее, Лазаревой, Точиская куда-то уехала, заявив ей, что едет на станцию Сиверскую; Елизаветы Даниловой она вовсе не знает и оказавшуюся у нее справку адресного стола о месте жительства Даниловой она взяла из адресного стола по просьбе одного лица, которое назвать не желает; никого из семейства Точиских, кроме Марии, она не знает.

Между тем, обвиняемый Дмитрий Лазарев, в отмену первоначального своего показания, объяснил, что, по прибытии в Саратов после высылки из С.-Петербурга, он хотел бежать за границу и в июне получил письмо о том, что для этого он должен приехать в г. Вильну. Там дело, однако же, не устроилось, и он из Вильны поехал в Житомир, где имел знакомых. Тут он не прекращал хлопотать о выезде за границу. Таким образом 23 сентября он предполагал ехать не в Саратов, а в г. Шавли, с целью оттуда скрыться за границу для избежания воинской повинности, причем в г. Шавли он должен был ехать потому, что туда, как видно из письма его сестры Веры, к которой он обращался за содействием, была отправлена на его имя

посылка, в которой должен был находиться для него заграничный паспорт. По содержанию вышеизложенного письма к нему Даниловой Лазарев объяснил, что в нем отчасти заключаются сведения по поводу предполагавшейся поездки его за границу, а именно, под выражениями: «здоровье» подразумевается необходимость отбывания им, Лазаревым, воинской повинности; под словом «лечение» — способ уклониться от этой обязанности; упоминая о разговоре на 9 линии, Данилова этим напоминала ему беседу их о том, что если бы ему удалось бежать за границу и потом возвратиться оттуда, то он, быть может, примкнул бы к революционной партии; фраза «я не обещаю» — относится не к упомянутому разговору на 9-й линии, а к последующему содержанию письма; прозвищем «Милая» назывался Андрей (Генрих) Брейтфус, который сначала был выслан за границу, а затем получил разрешение возвратиться. Отказываясь от дальнейшего объяснения содержания этого письма, Лазарев заявил, что знает учение социально-революционной партии, и, хотя не принадлежит к ней, но сочувствовал и сочувствует стремлениям этой партии изменить существующий порядок в России. Предполагая, что современем убеждения его сделаются совершенно одинаковыми с убеждениями участников этой партии, он думал возвратиться в Россию только в этом последнем случае; иначе возвращаться ему не было расчета, так как тогда он подлежал бы ответственности за уклонение от воинской повинности. Наконец, объясняя, что в бытность в С.-Петербурге принадлежал к тайному кружку, организованному с целью поднятия умственного и материального положения рабочих; что для достижения целей этого кружка была образована библиотека исключительно из легальных книг, ссудо-вспомогательная касса и касса помощи политическим ссыльным и заключенным; что средствами для образования и поддержания библиотеки и касс служили взносы членов кружка; что пропагандою противоправительственных идей кружок этот не занимался, обвиняемый Лазарев никого из членов этого кружка, за исключением Августа Точиского, как члена-соревнователя, назвать отказался, заявив лишь, что сестра его Вера и Иван Точиский о существовании кружка не знали и что личности под фамилиею Гершунин и под именем Мишка ему неизвестны.

По произведенной, по указанию обвиняемого Лазарева, 2 октября 1888 г. выемке в квартире его в г. Житомире были обнаружены: упомянутое выше письмо за подписью «Е. Д.», начинающееся словами: «здорово, Митька, как живете»..., и другое письмо, помеченное 9 августа, в котором автор-женщина сообщает адресату, что место для него уже почти найдено, обещает прислать посылку на имя матери «Апроськи» и просит писать по адресу «Апроськи» на курсы.

Обвиняемая Мария Точиская объяснила, что осенью 1888 г., в г. С.-Петербурге был организован тайный кружок, задавшийся целью поднять умственное и материальное положение рабочих; что этот кружок действовал на основании устава, имел незначительные средства, образованные из членских взносов: действительных членов по 50 коп. в месяц и членов-соревнователей по 25 коп. в месяц; что для достижения своих целей кружком

были устроены библиотека, состоявшая из книг, разрешенных цензурою, и касса, для помощи членам кружка; наконец, что всех членов при основании кружка было четыре: она, обвиняемая, ее брат Август, Андрей Брейтфус и Дмитрий Лазарев, и что впоследствии кружок увеличился, но остальных участников она назвать не желает; Гершунин, лицо, подписавшееся именем Мишки, а равно и Вера Лазарева, Иван Точиский и Любовь Аркадакская членами кружка не состояли; Елизавета же Данилова была членом-соревнователем. По поводу пребывания своего в г. Шавлях, а также переписки как отобранной у нее, так и ей предназначавшейся, обвиняемая Точиская объяснила, что, познакомившись с Дмитрием Лазаревым в С.-Петербурге через своего брата Августа около 2 лет тому назад и зная о намерении его скрыться за границу для избежания воинской повинности, она решилась помочь ему в этом и с этою целью, 23 сентября 1888 г., отправилась в г. Шавли, чтобы передать Лазареву два письма, отобранные у него впоследствии при обыске, одно от имени Андрея (Генриха) Брейтфуса, за подписью «Милая», а другое на имя Гершунина, от лица, подписавшегося именем «Мишки», которое указать не желает; это последнее письмо Лазарев должен был лично передать Гершунину, которого она вовсе не знает; письмо с 3 р. за подписью «Вера» было писано Верой Лазаревой и составляло ответ на ее письмо по поводу неприбытия Лазарева в Шавли, телеграмма же «Веры нет и вас Мария спрашивали» могла быть прислана Ивановой, у матери которой она жила, с целью предупредить ее об аресте Лазаревой и о том, что и ее, Точискую, ожидает та же участь.

Осенью 1888 г. было получено агентурным путем письмо за подписью «Л.», пересланное в ценной посылке, доставленной 13 июня 1888 г. в брестскую почтовую контору с почтою из Дуббельна, на имя Августа Точиского в г. Житомир. В этом письме, начинающемся словами: «Стараюсь ответить тебе возможно точно на все твои вопросы и предложения», автор извещает адресата о положении дел упомянутого тайного сообщества, о последовавшем на одном из последних общих собраний членов сообщества изменении устава, критически относится к взглядам Точиских, Лазарева, которого называют «Момо», и Даниловой, которую называют «Солнышко», на причинение будто бы вреда сообществу изменением устава, объясняет причины, вызвавшие изменения, заключавшиеся в обособлении вспомогательной кассы и допущении интеллигенции, успокаивает Точисского насчет книг, говоря, что они находятся в заведывании «Львова» и что те, «которые реже спрашиваются, скрыты в надежном месте»; наконец, упоминает о принятии новых членов, с своей стороны рекомендует какого-то «Тимоф.» и говорит, что дело сообщества стоит прочно, но советует Точискому и Лазареву не особенно храбриться, так как «трусливое проведение целей сообщества скорее принесет пользу делу». «Сем и Клим», пишет автор, «с удвоенным рвением заботились прививать нашу идею к окружающей среде..., касса развивается, при моем отъезде в ней было 7 р., в другой кассе тоже что-то около 20 р. или больше, а библиотечный фонд, «как и всегда, весь заключается в книгах... переплетное дело идет отлично;

переплетают на славу; кроме того, один набор отослан на Балтийский завод, где тоже заведены сношения и откуда можно ожидать большое сочувствие...» В заключение письма автор говорит: «Сношения свободны, библиотека у Львова, дела не только гарантированы на два года от распадения, но, напротив, гарантированы, что через два года на много расширятся... Кл. парень зело хорош, но Фим. дрянь. С Нил. все кончено. Сейчас получил письмо от Львова, где он пишет, что уже два свидания с Сем. при всей необходимости не состоялись». Письмо подписано «Л.» и помечено $18 \frac{8}{VII} 88$ г.

Передопрошенные в виду этого обвиняемые показали:

Дмитрий Лазарев — что тайное сообщество, которому было присвоено название «Товарищество с.-петербургских мастеровых» и к которому, в числе других, в качестве действительных членов принадлежали: он, Август и Мария Точиские, Елизавета Данилова и Леонид (Людвиг) Брейтфус, имело свой писанный устав, что после высылки из С.-Петербурга его, Лазарева, и Августа Точиского, устав этот был подвергнут изменениям, заключавшимся в допущении в члены товарищества неограниченного числа лиц интеллигентного класса и в обособлении ссудо-вспомогательной кассы товарищества. Находя, что эти изменения не соответствовали первоначальной цели учреждения товарищества, он и Август Точиский составили протест, который и отправили в С.-Петербург, и в то же время о содержании протеста известили Людвига Брейтфуса, как единственного члена товарищества, жившего тогда вне С.-Петербурга (в Майоренгофе). По предъявлении обвиняемому Лазареву копии упомянутого письма на имя Августа Точиского, он заявил, что по содержанию оно составляет ответ на письмо, посланное ими Людвигу Брейтфусу с извещением о протесте, и писано, очевидно, Людвигом Брейтфусом. Указать лицо, на имя которого был отправлен ими протест в С.-Петербург, обвиняемый Лазарев отказался.

Мария Точиская — что она действительно привезла с собою в Житомир копию измененного устава кружка, к которому принадлежали, в качестве действительных членов, кроме указанных ею ранее, ее брата Августа, Андрея Брейтфуса, Дмитрия Лазарева, еще Леонид (Людвиг) и Эдуард Брейтфусы, Елизавета Данилова, Иван Шалаевский и рабочие, известные ей лишь по прозвищам «Нила», «Фимки», «Семеныча» и «Клима». Изменения эти, последовавшие на общем собрании членов кружка, происходившем на квартире одного лица, которое она назвать не желает, были сделаны по предложению Леонида Брейтфуса и заключались в том, что было признано возможным допущение в члены кружка лиц интеллигентного класса и выделена из кружка ссудо-вспомогательная касса. Этою мерою предполагалось достигнуть увеличения средств кассы и получить возможность знакомиться с рабочими, которых затем привлекать в кружок. По ознакомлении с этими изменениями Лазарев и брат ее Август заявили, что таковые неминуемо повлекут за собою распадение кружка, так как при допущении интеллигенции кружок ослабеет, потому что интеллигенция не

может быть настолько заинтересована целями кружка, как заинтересованы ими рабочие; вслед затем Август Точиский и Лазарев отправили в Петербург для передачи рабочему Климу протест, но на имя другого лица, фамилии которого она не знает. К этому, обвиняемая Точиская, в отмену прежнего своего показания, заявила, что письмо за подписью «Мишка», для передачи Лазареву, она получила не от самого автора, а от другого лица, которое назвать не желает, и что все участие Веры Лазаревой в предполагавшемся побеге ее брата за границу для избежания воинской повинности заключалось в написании ею, по просьбе ее, обвиняемой, письма брату Дмитрию Лазареву о том, чтобы он ехал в Шавли; письма же на имя Гершунина и от Генриха Брейтфуса она получила помимо Лазаревой.

Обвиняемая Вера Лазарева объяснила, что ей было известно о намерении брата ехать за границу для избежания воинской повинности и что, желая помочь ему в этом, она передала Марии Точиской, которую просила ехать в Шавли (как единственный известный ей город вблизи границы, в котором Точиская имела знакомых) три письма для передачи брату: одно от своего имени, другое на имя Григория Гершунина и третье от Андрея (Генриха) Брейтфуса, за подписью «Милая». Это последнее письмо она получила лично от Брейтфуса; кто же передал ей письмо на имя незнакомого ей Гершунина, она сказать не желает. С Генрихом Брейтфусом она познакомилась потому, что он бывал у Марии Точиской, вместе с которою она жила. Относительно участия своего в тайном сообществе обвиняемая Лазарева осталась при прежних показаниях.

Допрошенная в качестве обвиняемой Елизавета Данилова признала себя виновною в том, что вместе с другими лицами согласилась на учреждение в 1886 году тайного сообщества, названного «Товарищество с.-петербургских мастеровых», с целью поднятия умственного развития рабочих и улучшения их материального положения, для того, чтобы они могли свободно конкурировать с капиталом, а в отдаленном будущем устраивать союзы рабочих, наподобие существующих в Англии и Америке, причем объяснила, что всех учредителей этого сообщества было семь: Август и Мария Точиские, Дмитрий Лазарев, Людвиг и Генрих Брейтфусы, Любовь Аркадакская и она, обвиняемая; что затем в это сообщество вступили Эдуард Брейтфус, Иван Шалаевский и рабочий Нил Васильев, а также лица, которых она знала только под именами «Климыча», «Семеныча» и «Фомки». Вера Лазарева к товариществу не принадлежала. Согласно уставу, товарищество имело: а) библиотеку, состоявшую из двух отделов: книг, разрешенных к обращению и нелегальных (последних было, впрочем, немного, и они выдавались членам товарищества по их требованию), и б) кассы: «ссудо-вспомогательную» и «кассу помощи политическим ссыльным и заключенным»; наконец, средствами для поддержания касс и библиотек служили взносы членов и добровольные пожертвования. Впоследствии, по предложению Людвига Брейтфуса, последовало изменение устава товарищества допущением в члены товарищества лиц интеллигентного

класса и выделением из товарищества ссудо-вспомогательной кассы. По предъявлении обвиняемой Даниловой письма, посланного ею из Москвы к Дмитрию Лазареву, а также отобранной у нее при обыске переписки, она объяснила следующее: письмо к Дмитрию Лазареву она написала по прибытии из Житомира в Москву. Беседа «на 9-й линии», о которой она упоминает в этом письме, касается выраженного Лазаревым предположения по возвращении из-за границы продолжать свою деятельность среди рабочих с целью осуществления рабочих союзов, если бы даже для этого понадобилось устройство стачек и возмущение рабочих против капиталистов. Она, обвиняемая, обещала ему тогда свое содействие, точно так же, как и Павлу Точискому. Всегда сочувствуя целям таких товариществ, так как считала несправедливым господство капитала, она под «толстой бычачьей шеей и башкой» подразумевала капиталистов, и если говорила о будущем времени, то потому, что предполагала, что, ознакомившись ближе с бытом рабочих, она будет еще более возмущена господством капитала, что и выразила словами, что у нее «руки начнут чесаться». Выражением — «если пойду, не бойтесь — не сплошаю» она хотела заявить о той же обещанной деятельности, при которой, как она полагала, могла потребоваться и личная помощь. Советуя «лечиться домашними средствами» она этим рекомендовала Лазареву ехать за границу без посторонней помощи. Рукопись под № 11 писала также она, собственноручно. Восхваляя женщину, которая подняла руки на царя, она не одобряла этим цареубийства, а указывала лишь на это, как на пример твердости и самопожертвования женщины. Лично она, Данилова, цареубийство считает даже вредным, так как оно, не уничтожая существующих отношений между капиталом и трудом, последующими репрессивными мерами может даже задержать развитие народа. Указывая на 6 странице этой рукописи, что Россия спит под бдительным покровом своих властителей, она выражала этим свое мнение о стеснении свободы слова и печати и о развитии военных сил страны в ущерб умственным. Излагая на 13 странице взгляд Берне на необходимость насильственного переворота, она не разделяла этого взгляда, так как признает, что учреждение союзов и уничтожение господства капитала возможно без насильственного переворота. Говоря на 17 стр., что при виде портрета императора Александра III она каждый раз вспоминает, что «он еще жив», она также не имела в помыслах насильственной смерти царя и не точно выразила свою мысль. Этим она хотела лишь сказать, что, глядя на портрет царя, она вспоминает существующие порядки, которыми поддерживается господство капитала, и что это воспоминание подстрекает ее, по мере сил, действовать для постепенного уничтожения таких порядков. На 21 стр. она изложила различие отношений к рабочему вопросу лиц, живущих доходами с капиталов и с труда. Если при этом она указывала на приближающуюся бурю, то под этим понимала возможное в будущем возмущение против капиталистов в случае несогласия их войти в сделку с трудом. Относясь в заметке на 25 стр. той же рукописи критически к совершонному государем импера-

тором путешествию, она признает, что употребила неуместные выражения, не думая распространять эту заметку даже среди знакомых. Под выражением «близок конец вашему царству» она подразумевала не смерть царя, а прекращение единодержавного правления. Ей казалось, что без уступок народу может быть вызвано восстание, результатом которого будет изменение существующего порядка правления. Сама она решилась бы стать в ряды восставших в случае, если бы убедилась в невозможности путем взаимных уступок достигнуть изменения существующего строя. Значащиеся в отобранных у нее вещественных доказательствах под № 8 письма были писаны к ней; первые два письма писаны Юлией Беловой, которая членом «товарищества» не состояла; письмо за подписью «Л. А.» писано Любовью Аркадакской; упоминаемые в письме под буквою «д.», писанном Марией Точиской «Ю.»—Белова, «А.»—Амбарова, «Агеевич» — Шалаевский; письма под буквами «е», «з», «к», «м», писаны Августом Точиским; в них «Баку» означает Петербург, Антон—Щербо, студент Медицинской Академии, «20 р.», о которых говорит Точиский, она должна была выслать сестре Лазарева для поездки Марии Точиской в Шавли; письмо под буквою «м» служит ответом на ее письмо, в котором она упрекала Павла Точиского, предполагая, что он может бросить свою настоящую деятельность: письма под буквами «ж» и «у» писаны ее знакомым Николаем Меркурьевичем Поповым; говоря, что он «желает ее увидеть с теми же стремлениями», он подразумевал деятельность ее как сельской учительницы; к «товариществу» Попов не принадлежал; письмо под буквою «i» получено ею от Леонида Брейтфуса; «последняя катастрофа» — высылка его из Петербурга; «Сем.» и «Кл.» — Семеныч и Климыч, состоявшие членами товарищества; письмо под буквою «и» писано Марией Точиской и было прислано из Житомира перед отъездом ее в С.-Петербург; «Ф. Н.» — Флегонт Волков, бывший студент Военно-Медицинской Академии; письмо под буквою «л» получено ею из Житомира от Дмитрия Лазарева; письма под буквами «Н» «Н» писаны Марией Точиской; «доктор Иван Иваныч» —шпион; под «Андрюшкой» подразумевался Андрей Брейтфус, «Санька»—Александра Петропавловская, занимающаяся на Бестужевских курсах, «Ю. М.»—Юлия Белова, «Анютка» — Амбарова. Из числа имеющихся в записной ее книжке адресов: на ст. Майоренгоф жил Леонид Брейтфус, на ст. Крюково — Иван Шалаевский, которого некоторые называли «кладом»; в Париж по адресу Boulevard Arago № 52-а посылались письма к Андрею Брейтфусу; на ст. Осташково жила Александра Петропавловская; в краснолуцко-юськовецкой церковной школе учителем был Иван Точиский; на Красносельской № 11 жила Мария Точиская; в Измайловском полку по 6 роте живет сестра ее, обвиняемой, Вера Данилова.

Наконец, по обыску, произведенному 3-го ноября 1888 г. в г. Киеве у Григория (Гирша) Гершунина, ничего преступного или относящегося к настоящему дознанию обнаружено не было. Спрошенный в качестве свидетеля Гершунин показал, что, проживая в г. Шавли, он в первых числах сентября 1888 г. получил от своего знакомого по г. Старой Руссе

Михаила Савельева Вишнева из С.-Петербурга письмо, в котором Вишнев писал ему, что в Шавли приедет один человек, которому нужно поступить так, как поступил брат его, Вишнева, т. е. уехать в Америку, и что этот человек явится к нему, Гершунину. Фамилии этого лица Вишнев ему не сообщал. Так как из Шавли ежедневно уезжают евреи в Америку, то он, Гершунин, ответил Вишневу, что это можно устроить. Затем в последних числах сентября к нему явилась незнакомая ему до того времени Мария Точиская, из разговоров с которой он понял, что упомянутое письмо касалось какого-то Лазарева и что Точиская прибыла в Шавли для свидания с последним. Через несколько дней он узнал, что Точиская арестована; упомянутый же господин к нему вовсе не являлся. По предъявлении Гершунину копии письма, подписанного «Мишка», он объяснил, что, судя по содержанию, оно было писано Вишневым и касается той же самой просьбы, о которой Вишнев писал ему раньше.

Вишнев допрошен не был за неразысканием его.

Так как вышеизложенными обстоятельствами было выяснено, что обнаруженное сообщество основано и существовало в С.-Петербурге, то возникшее первоначально в волынском губернском жандармском управлении дознание было передано для дальнейшего производства в с.-петербургское губернское жандармское управление и к этому дознанию, на основании изложенных данных, были привлечены также в качестве обвиняемых сыновья прусского подданного Людвиг, Генрих и Эдуард Брейтфусы, Павел Точиский, Любовь Аркадакская, Иван Шалаевский и Нил Васильев.

По произведенным у этих лиц обыскам были обнаружены:

а) у Любови Аркадакской рукописный систематический каталог книг для чтения, причем между незапрещенными оказались записанными и следующие запрещенные сочинения: Шефле «Капитализм и социализм», Миртова (П. Л. Лаврова) «Исторические письма» и статьи под псевдонимом «Кольцов» (Л. Тихомирова) из журнала «Дело»;

б) у Генриха Брейтфуса 1) альбом фотографий, представляющих события из французской революции за 1779, 1814, 1830, 1848, 1852, 1870 г.г.;

2) письмо за подписью «Л. А.» от 28 октября. В этом письме, начинающемся обращением «Голубчик Андрюша, — автор пишет: — как скоро и прекрасно ты решил, так же скоро и скверно я все перерешаю. Во-первых, вот уже целая неделя, как я мечусь, как угорелая, ежедневно по одному, а иногда даже по два раза являясь на приглашение высокопоставленных лиц, а иногда бывает, что за мной приезжают. Видишь, какая я нынче стала важная. Ты даже и представить себе не можешь, что здесь со мною делается. Было всего вволю и любезностей и дерзостей. Вот хотя бы сегодня я ревела, как сумасшедшая, вернувшись после приглашения. Но теперь, кажется, оставят меня в покое. О выезде из Москвы нечего и думать. Все мои бумаги у них, а у меня только маленькая записка. Мне кажется, что твои родные не совсем здоровы. Я даже уверена, по некоторым соображениям. Я бы тебе порассказала многое, да авось увидимся, тогда и расскажу. В том, что ты уедешь из Твери, я глубоко убеждена, не нынче-завтра это будет, а м. б., впрочем, повторится то же, что со мной. Вот если бы ты прислал мне твой верный адрес, я бы тебе сказала спасибо. Пиши чаще, чтобы знать, что ты здоров; да хорошо будет, если будешь запечатывать сургучем»;

в) у Ивана Шалаевского: 1) тетрадь, заключающая в себе, по объяснению самого Шалаевского, выписку из печатного сочинения Миртова «Исторические письма» и 2) фотографические карточки Марии Точиской, Анны Амбаровой, Юлии Беловой, Анны Горных, Григория Хлопина и Генриха Брейтфуса.

Передопрошенные в качестве обвиняемых Людвиг (Леонид), Генрих (Андрей) Брейтфусы, дочь священника Любовь Аркадакская, Август-Рене-Болеслав-Людвиг (по принятии православия — Павел) Точиский и Иван Шалаевский первоначально не признали себя виновными в принадлежности к упомянутому тайному сообществу, отрицая все изложенные выше, изобличающие их обстоятельства. При этом они объяснили:

1) Людвиг Брейтфус — что письма, подписанного буквою «Л» и начинающегося словами: «постараюсь ответить тебе возможно точно на все твои вопросы», он не писал и видит в первый раз;

2) Генрих Брейтфус — что о намерении Дмитрия Лазарева ехать за границу для избежания воинской повинности он знал и передал одному лицу, которое назвать не желает, для вручения Лазареву, писанное им письмо за подписью «Милая», с маршрутом от Эйдкунена до Парижа;

3) обвиняемый Павел Точиский — что, прибыв в Нижний-Новгород из Саратова 17 октября 1888 г., он остановился у столяра Михаила Китаева, у которого квартировал в 1887 г., когда приезжал туда по делу своего брата, обучавшегося в Аракчеевском корпусе; 23 октября он нанял квартиру у Смирнова, но так как последний не впустил на ночлег двух знакомых его, Точиского, с которыми он пришел на эту квартиру, то 27 октября он перешел на другую квартиру. В бытность свою в Нижнем-Новгороде в 1887 г. он был знаком лишь с Трифоновой, к которой имел рекомендацию от сестры, и с Ушаковым, жившим у Китаева. Из Нижнего-Новгорода он тогда уехал в Петербург, где и поселился, но 29 февраля 1888 г. был выслан в Житомир, откуда выехал 15 июля, и с целью приискания работы ездил в Саратов, Тамбов, Коломну, Москву и, наконец, отправился в Нижний-Новгород, где 28 октября был арестован. От указания фамилий лиц, с которыми он явился на ночлег в квартиру Смирнова, а также остальных квартир своих, в которых он жил в последний приезд свой в Нижний-Новгород, обвиняемый Точиский отказался.

Обвиняемый Эдуард Брейтфус, также первоначально отрицавший принадлежность свою к упомянутому преступному сообществу и заявивший, что привлечение его к настоящему дознанию он приписывает недоразумению, впоследствии признал себя виновным в участии в означенном сообществе и разновременно, по предъявлении выясненных дознанием данных, объяснил, что в конце февраля 1888 г. брат его Людвиг пригласил его

ехать в деревню Кабловку, говоря, что там познакомит его с товарищами. Он согласился. Брат привез его в какую-то, никем не занятую дачу, где уже были Павел и Мария Точиские, Дмитрий Лазарев и какой-то рабочий, которого называли «Семенычем». Тут он впервые узнал, по прочтении Павлом Точиским устава, что упомянутыми лицами образован тайный кружок, названный «Товариществом с.-петербургских мастеровых», с целью поднятия умственного и материального положения рабочих; что это сообщество устроило библиотеку для раздачи рабочим книг и ссудо-вспомогательную кассу для выдачи ссуд рабочим; что средства этого сообщества составлялись из взносов членов, которые разделялись на действительных, плативших по 50 коп. в месяц, и членов-соревнователей, вносивших по 25 коп. Как он узнал при этом, устав был читан для ознакомления его и Семеныча, как новых членов, с целями кружка, причем он был принят членом-соревнователем. В конце апреля или в начале мая, также по приглашению брата Людвига, он был на втором собрании, происходившем в какой-то частной квартире в С.-Петербурге, у неизвестного ему лица. На собрании этом были брат его Людвиг, Мария Точиская, Елизавета Данилова и рабочий, называвшийся «Фимкой». Брат его Людвиг предложил некоторые изменения в уставе, заключавшиеся в допущении к участию в ссудо-вспомогательной кассе посторонних лиц, в принятии в члены «товарищества» лиц интеллигентного класса и в уничтожении членов-соревнователей. Изменения эти были приняты собранием. Наконец, участие его, обвиняемого, в «товариществе» заключалось еще в том, что он делал взносы по 25 коп. в месяц, через брата Людвига с февраля до июня 1888 г., так как летом все разъехались, а осенью он не имел денег, и в том, что он заведывал библиотекою кружка, за отъездом его брата Людвига в Майоренгоф, с июня по сентябрь 1888 г.; хотя по званию библиотекаря он был обязан хранить и приобретать новые книги и выдавать их членам кружка, но никому книг не выдавал и не приобретал новых, за неимением в библиотечном фонде денег. Библиотека «товарищества» заключала в себе до 80 экземпляров книг, исключительно разрешенных цензурою, и хранилась в квартире их, Брейтфусов, вместе с книгами, составляющими их личную собственность; находились ли в этой библиотеке и нелегальные издания, он не знает. Для переплетения книг библиотеки «товариществом» был приобретен переплетный станок, который с мая 1888 г. находился в квартире их, Брейтфусов, на хранении. Но, кроме этого станка, несколько лет тому назад был приобретен его братьями Генрихом и Людвигом переплетный станок, на котором переплетались книги, составляющие частную собственность его и его братьев. Кроме членов «товарищества», которых он знает по прозвищам «Фомки» и «Семеныча», членом «товарищества» состоял и рабочий по прозванию «Клим»; о том, что в кружке существовала «касса помощи ссыльным и заключенным», он слышал, но кто заведывал ею, не знает. О собраниях «товарищества» на квартире его и его братьев по Офицерской улице он не слышал, и ему известно лишь об одном собрании, происходившем на их даче в Новой Деревне, в конце августа или в начале

сентября 1888 г., на котором участвовали он, обвиняемый, его братья Людвиг и Генрих, Мария Точиская, Клим и Семеныч. По предъявлении обвиняемому Эдуарду Брейтфусу той части письма его брата Людвига, в которой последний сообщает о получении письма от «Львова» с извещением, что два свидания с Сем. при всей необходимости не состоялись, Эдуард Брейтфус объяснил, что брат Людвиг, уезжая в Майоренгоф, поручил ему повидаться с рабочим «Семкой» в Петровском парке и спросить его, не нуждается ли он в каких-нибудь книгах; вследствие этого он ходил два раза в Петровский парк, но «Семки» не видал, о чем и сообщил брату.

По выемкам, произведенным 18 ноября 1888 г. и 1 февраля 1889 г., в виду изложенного показания обвиняемого Эдуарда Брейтфуса, в квартире Эдуарда, Генриха и Людвига Брейтфусов, проживавших совместно, были отобраны: а) 540 книг, между которыми оказались учебники на русском, французском, немецком, английском и древних языках и книги по беллетристике, разрешенные цензурою. Из книг этой последней категории на 64 книгах оказались надписи и штемпеля: «Эдуарда» или «Людвига» Брейтфусов; на остальных же книгах и журналах на русском языке, также разрешенных цензурою и большею частью переплетенных, оказались следы вычищенных надписей и номеров, или писанные оглавления содержания книг, и 75 отдельных статей, вырезанных из разных периодических изданий, и б) один переплетный станок, состоящий из тисков и прибора для сшивания книг.

По сличении собственноручных почерков обвиняемых:

1) Веры Лазаревой — с почерком, которым писаны письма, отобранные у обвиняемого Дмитрия Лазарева и начинающиеся словами: а) «наконец-то место найдено»... б) «какого чорта ты не едешь»... и в) «получила твое письмо»...;

2) Елизаветы Даниловой — с рукописями, отобранными у нее при обыске и значащимися под №№ 1 — 7, 9 — 11, и с почерком письма, начинающегося словами: «здорово Митька» и подписанного буквами «Е.» «Д.»;

3) Генриха Брейтфуса — с почерком письма за подписью «Милая»;

4) Людвига и Эдуарда Брейтфусов — с почерком надписей и оглавлений на некоторых книгах, взятых при выемке в квартире Брейтфусов;

5) Любови Аркадакской — с почерком а) письма, отобранного при обыске у Даниловой и означенного буквою «Г.», б) письма за подписью «Л. А.», помеченного 28 октября и отобранного у обвиняемого Генриха Брейтфуса, и в) рукописного каталога для систематического чтения, отобранного у Аркадакской;

6) Павла Точиского — с почерком писем, означенных буквами «е», «з», «к», «м», отобранных у обвиняемой Даниловой;

7) Марии Точиской — с почерком писем, означенных буквами «д», «и», «н», «н» и отобранных по обыску у Даниловой;

8) Ивана Шалаевского — с почерком рукописи, отобранной у него по обыску и начинающейся словами: «обществу угрожает»;

9) Людвига Брейтфуса — с почерком лица, писавшего письма: а) за подписью «Л», начинающееся словами: «постараюсь ответить», и б) отобранное по обыску у Даниловой и начинающееся словами: «не мало обрадовался» и подписанное «Ленька» — эксперт признал полное сходство почерков Веры Лазаревой с рукописями, означенными в 1 п. Елизаветы Даниловой — с рукописями, означенными во 2 п., Генриха Брейтфуса — с письмом за подписью «Милая», Любови Аркадакской — с рукописями, означенными в 6 п., Марии Точиской — с почерком писем, значащихся в 7 п., Ивана Шалаевского — с рукописью, означенною в 8 п., Людвига Брейтфуса — с письмами, означенными в 9 п., и с почерком подписей и оглавлений на книгах, значащихся под №№ 41, 45, 50 и 62, и Эдуарда Брейтфуса — на книгах под №№ 22, 27, 42, 43, 46—49, 51, 52, 66.

По сличении же почерка подлинной телеграммы, отправленной из Петербурга в Шавли к Марии Точиской и начинающейся словами: «Веры нет и вас Мария спрашивали» с почерком мещанки Анны Ивановой, эксперт не признал тождества этих почерков.

Передопрошенные по предъявлении этих, обнаруженных дознанием новых данных, обвиняемые объяснили:

Елизавета Данилова — что устав товарищества был составлен зимою 1886 г. и написан Павлом Точиским; он заключал в себе изложение цели учреждения товарищества, состоявшей в поднятии умственного и материального положения рабочих, и указание, что средствами для достижения означенной цели должны служить учреждение библиотеки, касс ссудо-вспомогательной и для помощи политическим ссыльным и заключенным. В уставе не было указано, какого рода книги должны были находиться в библиотеке, а было лишь сказано, что выбор книг зависит от усмотрения членов товарищества, а потому в ней могли находиться и действительно находились и нелегальные книги, которые раздавались членами товарищества рабочим; кто раздавал эти сочинения, она не помнит, а кому выдавались книги, не знает. Библиотекарем товарищества состоял Людвиг Брейтфус; когда же он уезжал в Майоренгоф, то его заступал Эдуард Брейтфус. Как библиотекарь, Людвиг Брейтфус приобретал книги из библиотеки товарищества, на средства последнего; нелегальные же издания были пожертвованы, как о том заявил на одном из собраний Людвиг Брейтфус, но где хранились — ей неизвестно. Так как для библиотеки приобретались большею частью книги непереплетенные, то на средства товарищества был куплен станок, который сначала помещался в квартире Павла Точиского, по Дункину переулку в д. № 3, а в августе 1887 г. был передан ей и находился у нее до выезда ее в Житомир в мае 1888 г., когда был перенесен к Брейтфусу; переплетением книг занимались Точиский, Шалаевский, братья Брейтфусы и она. Отобранный в квартире Брейтфуса 1 февраля 1889 г. переплетный станок не тот, который был доставлен ей из квартиры Павла Точиского, так как последний имел ручки, привинченные к гайкам; ссудо-вспомогательной кассой заведывал Павел Точиский до высылки его, а затем Людвиг Брейтфус; кассой этой, согласно уставу, могли пользоваться

[т]олько члены товарищества. Касса помощи, по смыслу устава, была [у]чреждена для помощи рабочим, хотя не состоящим членами товарищества, [н]о подвергшимся преследованию властей за политические преступления, [п]ричем размер пособия не мог превышать 5 р. для одного лица в месяц. [Б]ыло ли выдано кому-нибудь из этой кассы пособие, она не знает. Кассою [э]тою заведывал Генрих Брейтфус, а затем рабочий, по прозванию «Климыч». [С]редства товарищества были, однако, недостаточны, а потому она обращалась за пожертвованиями к своим знакомым, которых назвать не желает, объясняя им, что собирает или на благотворительные цели или на устройство рабочей библиотеки, причем жертвователи не спрашивали, где эта библиотека помещается; собранные деньги она передавала или библиотекарю Людвигу Брейтфусу, если деньги должны были итти на покупку книг, или кассиру кассы помощи политическим ссыльным, т.-е. Генриху Брейтфусу или Павлу Точискому, как старосте товарищества. Людвигу же Брейтфусу она передала однажды свой членский взнос, так как он тогда был старостой. Наконец, согласно уставу, для обсуждения вопросов, касающихся товарищества, относительно покупки книг, выдачи ссуд, представления отчетов о положении сумм, собирались ежемесячно собрания. Впоследствии, весною 1888 г., по предложению Людвига Брейтфуса, на собрании устав был изменен в том отношении, что было допущено неограниченное число членов интеллигенции, выделена «ссудо-вспомогательная касса» и уничтожены члены соревнователи, во избежание лишней огласки. Собрание это происходило в квартире одного ее знакомого, не принадлежавшего к товариществу, которого поэтому она назвать не желает. Кроме того, собрания бывали в квартире Брейтфусов, по Офицерской улице, не более трех раз, [у] Павла Точиского, в квартирах его по Дункину пер. и по Шлиссельбургскому тракту, один раз у Марии Точиской и один раз у нее, обвиняемой, причем на собраниях этих участвовали Павел и Мария Точиские, Людвиг, Генрих и Эдуард Брейтфусы, Любовь Аркадакская, Иван Шалаевский и рабочие, которых называли «Климом», «Семенычем» и «Фимкой». Кроме этих рабочих, состоявших членами товарищества, Людвиг Брейтфус говорил ей, что познакомился с рабочим «Тимофеевым» или «Тимофеичем», которому будут давать книги из библиотеки товарищества, но вступил ли этот рабочий в товарищество, она не знает. По предъявлении обвиняемой Даниловой отобранных у нее по обыску каталога и писем она объяснила, что списки разных сочинений она списывала в продолжение последних двух лет из разных каталогов, которые получала от своих знакомых; список, в котором оказались и нелегальные издания, она писала на память. Назвать знакомых, от которых получала каталоги, а также указать лицо, которое оттектографировало часть каталога, она отказывается. Письмо, означенное буквою «Г», писано к ней Любовью Аркадакской; выражение «наше совместное участие в тов...» означает совместное участие ее и Аркадакской в товариществе СПБ. мастеровых; письмо, помеченное буквою «з», писал к ней Павел Точиский; выражение «Ваня испекся» относится к Шалаевскому и означает, что Шалаевский вышел из товарищества, в Риге прожи-

9) Людвига Брейтфуса — с почерком лица, писавшего письма: а) за подписью «Л», начинающееся словами: «постараюсь ответить», и б) отобранное по обыску у Даниловой и начинающееся словами: «не мало обрадовался» и подписанное «Ленька» — эксперт признал полное сходство почерков Веры Лазаревой с рукописями, означенными в 1 п. Елизаветы Даниловой — с рукописями, означенными во 2 п., Генриха Брейтфуса — с письмом за подписью «Милая», Любови Аркадакской — с рукописями, означенными в 6 п., Марии Точиской — с почерком писем, значащихся в 7 п., Ивана Шалаевского — с рукописью, означенною в 8 п., Людвига Брейтфуса — с письмами, означенными в 9 п., и с почерком подписей и оглавлений на книгах, значащихся под №№ 41, 45, 50 и 62, и Эдуарда Брейтфуса — на книгах под №№ 22, 27, 42, 43, 46—49, 51, 52, 66.

По сличении же почерка подлинной телеграммы, отправленной из Петербурга в Шавли к Марии Точиской и начинающейся словами: «Веры нет и вас Мария спрашивали» с почерком мещанки Анны Ивановой, эксперт не признал тождества этих почерков.

Передопрошенные по предъявлении этих, обнаруженных дознанием новых данных, обвиняемые объяснили:

Елизавета Данилова — что устав товарищества был составлен зимою 1886 г. и написан Павлом Точиским; он заключал в себе изложение цели учреждения товарищества, состоявшей в поднятии умственного и материального положения рабочих, и указание, что средствами для достижения означенной цели должны служить учреждение библиотеки, касс ссудо-вспомогательной и для помощи политическим ссыльным и заключенным. В уставе не было указано, какого рода книги должны были находиться в библиотеке, а было лишь сказано, что выбор книг зависит от усмотрения членов товарищества, а потому в ней могли находиться и действительно находились и нелегальные книги, которые раздавались членами товарищества рабочим; кто раздавал эти сочинения, она не помнит, а кому выдавались книги, не знает. Библиотекарем товарищества состоял Людвиг Брейтфус; когда же он уезжал в Майоренгоф, то его заступал Эдуард Брейтфус. Как библиотекарь, Людвиг Брейтфус приобретал книги из библиотеки товарищества, на средства последнего; нелегальные же издания были пожертвованы, как о том заявил на одном из собраний Людвиг Брейтфус, но где хранились — ей неизвестно. Так как для библиотеки приобретались большею частью книги непереплетенные, то на средства товарищества был куплен станок, который сначала помещался в квартире Павла Точиского, по Дункину переулку в д. № 3, а в августе 1887 г. был передан ей и находился у нее до выезда ее в Житомир в мае 1888 г., когда был перенесен к Брейтфусу; переплетением книг занимались Точиский, Шалаевский, братья Брейтфусы и она. Отобранный в квартире Брейтфуса 1 февраля 1889 г. переплетный станок не тот, который был доставлен ей из квартиры Павла Точиского, так как последний имел ручки, привинченные к гайкам: ссудо-вспомогательной кассой заведывал Павел Точиский до высылки его, а затем Людвиг Брейтфус; кассой этой, согласно уставу, могли пользоваться

только члены товарищества. Касса помощи, по смыслу устава, была учреждена для помощи рабочим, хотя не состоящим членами товарищества, но подвергшимся преследованию властей за политические преступления, причем размер пособия не мог превышать 5 р. для одного лица в месяц. Было ли выдано кому-нибудь из этой кассы пособие, она не знает. Кассою этою заведывал Генрих Брейтфус, а затем рабочий, по прозванию «Климыч». Средства товарищества были, однако, недостаточны, а потому она обращалась за пожертвованиями к своим знакомым, которых назвать не желает, объясняя им, что собирает или на благотворительные цели или на устройство рабочей библиотеки, причем жертвователи не спрашивали, где эта библиотека помещается; собранные деньги она передавала или библиотекарю Людвигу Брейтфусу, если деньги должны были итти на покупку книг, или кассиру кассы помощи политическим ссыльным, т.-е. Генриху Брейтфусу или Павлу Точискому, как старосте товарищества. Людвигу же Брейтфусу она передала однажды свой членский взнос, так как он тогда был старостой. Наконец, согласно уставу, для обсуждения вопросов, касающихся товарищества, относительно покупки книг, выдачи ссуд, представления отчетов о положении сумм, собирались ежемесячно собрания. Впоследствии, весною 1888 г., по предложению Людвига Брейтфуса, на собрании устав был изменен в том отношении, что было допущено неограниченное число членов интеллигенции, выделена «ссудо-вспомогательная касса» и уничтожены члены соревнователи, во избежание лишней огласки. Собрание это происходило в квартире одного ее знакомого, не принадлежавшего к товариществу, которого поэтому она назвать не желает. Кроме того, собрания бывали в квартире Брейтфусов, по Офицерской улице, не более трех раз, у Павла Точиского, в квартирах его по Дункину пер. и по Шлиссельбургскому тракту, один раз у Марии Точиской и один раз у нее, обвиняемой, причем на собраниях этих участвовали Павел и Мария Точиские, Людвиг, Генрих и Эдуард Брейтфусы, Любовь Аркадакская, Иван Шалаевский и рабочие, которых называли «Климом», «Семенычем» и «Фимкой». Кроме этих рабочих, состоявших членами товарищества, Людвиг Брейтфус говорил ей, что познакомился с рабочим «Тимофеевым» или «Тимофеичем», которому будут давать книги из библиотеки товарищества, но вступил ли этот рабочий в товарищество, она не знает. По предъявлении обвиняемой Даниловой отобранных у нее по обыску каталога и писем она объяснила, что списки разных сочинений она списывала в продолжение последних двух лет из разных каталогов, которые получала от своих знакомых; список, в котором оказались и нелегальные издания, она писала на память. Назвать знакомых, от которых получала каталоги, а также указать лицо, которое отгектографировало часть каталога, она отказывается. Письмо, означенное буквою «Г», писано к ней Любовью Аркадакской; выражение «наше совместное участие в тов...» означает совместное участие ее и Аркадакской в товариществе СПБ. мастеровых; письмо, помеченное буквою «з», писал к ней Павел Точиский; выражение «Ваня испекся» относится к Шалаевскому и означает, что Шалаевский вышел из товарищества, в Риге прожи-

вал тогда Людвиг Брейтфус; «ребятишки — Лазарев, Мария и Иван Точиские, жившие тогда в Житомире. Август Точиский писал ей, что сообщил своему знакомому Антону Щербо, находившемуся тогда в Могилевской губ., ее адрес для переписки с ним, так как не знал, долго ли останется в Житомире; этим и объясняется фраза письма «если получишь от Антона, пошли в Саратов до востребования». Александры Петропавловской она не знает, и адрес ее записан в памятной книжке для передачи его Павлу Точискому, со слов сестры последнего Марии, которая просила ее об этом, когда она, Данилова, в мае 1888 г. ехала в Житомир. «20 рублей», о присылке которых просил ее Павел Точиский в письме, означенном буквою «к», она действительно послала, но не на имя сестры Лазарева, а на имя Марии Точиской, в сентябре 1888 г., деньги эти составляли ее личную собственность; письмо, означенное буквою «м», писано к ней Павлом Точиским и составляет ответ на ее письмо, в котором она выражала предположение, что ему надоела деятельность товарищества. В этом же письме Точиский просит ее взять у Генриха Брейтфуса, которого называет «Милая», какие-то принадлежавшие Точискому вещи. Вещи эти, как объяснял ей Павел Точиский, он забыл на своей квартире при выезде из С.-Петербурга, но она, обвиняемая, никаких вещей не получала, так как Генрих Брейтфус приехал в Москву в первых числах октября 1888 г., т.-е. когда Павел Точиский был также в Москве и сам виделся с Брейтфусом, встретившись с ним в квартире Аркадакской. Не желая компрометировать последнюю, он сейчас же, как потом рассказывал ей, вышел с Брейтфусом из ее квартиры и, зайдя на курсы, вызывал ее, обвиняемую, после чего они втроем гуляли по улицам. Генрих Брейтфус ехал тогда в Тверь и пробыл в Москве только одни сутки. Он рассказывал, что перед отъездом его в сентябре 1888 г. где-то происходило собрание товарищества, на котором он был, и сообщил о поездке своей в Париж и об обыске и аресте Веры Лазаревой и Точиской; наконец, он сказал, что Точиская никаких вещей ему не передавала. В бытность Генриха Брейтфуса в Париже, она, обвиняемая, с ним не переписывалась, но переписывался Людвиг Брейтфус, от которого она, вероятно, и получила его адрес. Где останавливались Брейтфус и Точиский в бытность их в Москве, она не знает. Отобранные у нее при обыске лотерейные билеты остались от лотереи, которая была разыграна в ее квартире в пользу библиотеки товарищества.

Обвиняемая Мария Точиская показала, что устав товарищества был написан ее братом Павлом и хранился сначала у него, потом у нее и, наконец, был передан Людвигу Брейтфусу. Хотя товарищество и было основано осенью 1886 г., но деятельность его началась лишь осенью 1887 г., так как первоначально были заняты обсуждением устава и образованием библиотеки она, обвиняемая, ее брат Павел, Елизавета Данилова, Генрих и Людвиг Брейтфусы и Дмитрий Лазарев: впоследствии весною 1887 г. в товарищество вступил рабочий Нил, неизвестный ей по фамилии. Все эти лица вносили по 50 коп. в месяц в кассу; членские взносы она передавала старосте, на обязанности которого лежал сбор денег с членов товарищества

и назначение времени собраний. Старостою же состояли разновременно ее брат Павел, Людвиг Брейтфус, а осенью 1887 года она, обвиняемая. Вся собранная сумма делилась на две равные части: одна составляла фонд ссудо-вспомогательной кассы, другая кассы для помощи политическим ссыльным и заключенным. Ссудо-вспомогательною кассою заведывали сначала ее брат Павел, потом Людвиг Брейтфус; кассою же для помощи ссыльным — Генрих Брейтфус до выезда за границу, затем она, в летние же месяцы рабочий «Клим»; из этой кассы были выданы пособия: ее брату Павлу в количестве 10 р., которые она отослала в марте 1888 г. в Житомир, и Дмитрию Лазареву от 10 до 20 р., высланные ею в Саратов, в мае 1888 г. При приеме ею осенью 1888 г. кассы, в последней было 21 р.; из них 15 р. она отправила в сентябре 1888 г. Дмитрию Лазареву и 6 р. истратила на поездку в Шавли по делу того же Лазарева. Кроме денег, получавшихся от членских взносов, она собирала среди своих знакомых, которых назвать не желает, от 3 р. до 10 р. в месяц и деньги эти передавала для покупки книг старосте, а впоследствии часть из них откладывала в кассу помощи ссыльным. Библиотека находилась в квартире Брейтфусов, так как книгами заведывал Людвиг Брейтфус; нелегальные же издания были переданы с общего согласия Генриху Брейтфусу, причем некоторое время, с начала 1887 г., хранила их она. Переплетный станок был приобретен товариществом в конце 1886 г. и переплетением книг занимались ее брат Павел, Данилова, Генрих и Людвиг Брейтфусы и она; осенью 1887 г. станок был перенесен из квартиры ее брата к Даниловой, от которой, при отъезде в Житомир, был перенесен к Людвигу Брейтфусу. Первое собрание, на котором участвовали рабочие, известные ей по прозвищам «Фимки» и «Семеныча», а также Дмитрий Лазарев, она, ее брат Павел, Людвиг и Эдуард Брейтфусы, происходило в д. Каблове, за Парголовым; на этом собрании знакомили новых членов с уставом, а также выбрали старостой Людвига Брейтфуса, в виду предполагавшегося отъезда ее брата Павла за границу. Второе собрание, на котором участвовали те же лица и Данилова, происходило на Пасхе 1888 г., и здесь обсуждались предложенные Людвигом Брейтфусом изменения устава. Кроме того, собрания бывали на квартирах ее брата Павла в течение 1886 г. и в начале 1887 г.; при чем два раза присутствовал и Иван Шалаевский, у нее по 17 линии, в д. № 14/6 и у Брейтфусов на квартире их, в Новой Деревне, в августе или в начале сентября 1888 г., где обсуждался измененный устав и присутствовали Генрих, Людвиг и Эдуард Брейтфусы, она и рабочие «Клим» и «Семеныч». Независимо участия рабочих на собраниях, Людвиг Брейтфус имел свидания с рабочими на улицах. Наконец, по поводу нелегальной библиотеки товарищества обвиняемая Точиская впоследствии объяснила, что часть из числа немногих нелегальных изданий товарищества была приобретена ею для личного пользования; издания эти она хранила у себя с декабря 1887 г. по апрель 1888 г., затем во время ее отсутствия они хранились у Людвига Брейтфуса, а когда она возвратилась в С.-Петербург в августе 1888 г., то взяла их обратно. Где находятся эти издания в настоящее время и от

кого они были ею приобретены, она сказать не желает. По предъявлении обвиняемой Точиской писем, отобранных у обвиняемой Даниловой и значащихся в числе вещественных доказательств под № 8, она показала, что из числа этих писем писаны ею к Даниловой значащиеся под буквами «д», «н», «н¹», «н²»; упоминаемые в письме под буквами «д» «Ю» — Юлия Белова, «А» — Амбарова, у которых были произведены обыски. «Агеич» — Шалаевский; в письме под буквою «и» «Момо» — Дмитрий Лазарев, «Ф. Н.» — бывший студент Военно-Медицинской Академии Флегонт Волков, с которым она познакомилась чрез Амбарову; в письме, означенном «н¹», она предупреждает Данилову, чтобы последняя «не написала Дмитрию Лазареву чего-нибудь такого», потому что узнала, что лицо, которое взялось устроить побег Лазарева за границу, подозрительная личность, каковых лиц в их кружках называли «Иванами Ивановичами»; под выражением: «завтра я увижу всех, и мы будем толковать» подразумевалось предстоящее собрание товарищества. Спрашивая Данилову о том, нет ли писем на имя ее, обвиняемой, она при этом имела в виду письма Амбаровой из Нижнего, так как дала ей адрес Даниловой, оставляя Житомир. В письме, означенном буквою «н²», она излагает взгляд Генриха Брейтфуса, которого называет «Андрюшкой», на занятия с рабочими. Выделением ссудо-вспомогательной кассы из товарищества предполагалось увеличить число участников кассы, с целью увеличения средств кассы и облегчения знакомства с членами этой кассы и привлечения их в товарищество; «Толстый» и «Толстик» — рабочий Клим, «Ан.» — студент Военно-Медицинской Академии Антон Щербо, живший с Волковым. В сентябре 1888 г. у ее знакомых, не имевших никакого отношения к товариществу, находились, в числе гостей, двое молодых людей, неизвестных ей по фамилиям, которых считали дельными, и так как она получила о них противоположное мнение, то об этом она писала Даниловой. Перед поездкою в Шавли в сентябре 1888 г., она обращалась к Елизавете Даниловой, проживавшей тогда в Москве, с просьбою прислать ей 20 руб., не объясняя, для чего ей были нужны деньги, но, не дождавшись денег, уехала в Шавли; слушательницу высших женских курсов Александру Петропавловскую она знает, но не помнит, передавала ли кому-нибудь ее адрес в с. Осташкове, хотя в виду знакомства Петропавловской с братом ее она могла поручить Даниловой передать ему этот адрес. Перед отъездом в Шавли она просила Генриха Брейтфуса, уезжавшего из С.-Петербурга, передать ее брату Павлу вещи последнего, состоявшие из чертежей и инструментов его, как слесаря, но взял ли он эти вещи, ей неизвестно. Бывшую слушательницу Калинкинских курсов Трифонову она знала только как курсистку, и когда брат ее Павел в 1887 г. ехал в Нижний, то советовала ему остановиться у Трифоновой. Находилась ли в числе слушательниц на физико-математическом отделении женских курсов, в течение 1886—1887 г.г., Степанова, она не знает; хотя на допросе в волынском губернском жандармском управлении по представлении ей телеграммы, посланной в Шавли на имя Гамолицкой, с предупреждением об аресте Лазаревой, она высказала предположение, что телеграмму эту могла прислать ей Анна Иванова, но

в действительности последняя вовсе не знала о ее поездке в Шавли, и кем была писана подлинная телеграмма, ей неизвестно; на Бестужевских курсах она сообщила только одной курсистке, которую назвать не желает, о том, что едет в Шавли, без указания, однако, своего адреса, но некоторые курсистки знали, что в 1888 г. в Шавлях она была у Гамолицкой.

Обвиняемый Людвиг Брейтфус, признавая себя виновным в принадлежности к упомянутому сообществу, объяснил, что сообщество это было основано Павлом Точиским, в конце 1886 г. и носило первоначально название общества содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России. В члены этого сообщества он вступил в начале 1887 г. по предложению Павла Точиского, который, объясняя ему цель сообщества, прочел ему наброски программы его. Не видя в этой программе ничего предосудительного, он вступил в это сообщество и стал бывать на собраниях, происходивших в квартире Павла Точиского. На одном из этих собраний Точиский прочел составленный им устав, согласно которому цель сообщества заключалась: 1) в поднятии умственного развития рабочих на заводах и фабриках, для чего и предполагалось устроить библиотеку только из книг легальных, которые могли бы поднять умственное развитие рабочих; каким путем думали Точиский и Лазарев практиковать между рабочими распространение книг, ему неизвестно, но он полагает, что инициативу в этом они брали на себя, так как вращались на заводах и фабриках; 2) в поднятии материального положения рабочих устройством кассы, откуда рабочий мог бы получать ссуду без процентов, для чего члены должны были первоначально вносить 50 к. в месяц, и так как членов было мало, то касса всегда была пуста и пополнялась главным образом сборами, которые производились Павлом Точиским, Марией Точиской и Елизаветой Даниловой. Кроме квартиры Точиского, собрания происходили один раз в квартире Марии Точиской и один раз у него, обвиняемого, в его отсутствие. В феврале 1888 г. происходило собрание в дер. Кабловке, на котором Павел Точиский решил познакомить членов товарищества с изменениями, сделанными им в уставе. На собрании были Точиский, Лазарев и вновь поступившие члены — брат его, обвиняемого, Эдуард и рабочий «Фимка». Изменения заключались: 1) в устранении интеллигентных лиц и в допущении их лишь в качестве членов-соревнователей, 2) в учреждении кассы помощи ссыльным и заключенным, причем средства должен был изыскать кассир, каковым была выбрана тогда Мария Точиская; наконец 3) в передаче всех денежных средств для ссуды рабочих. На этом же собрании он был выбран старостою вместо Павла Точиского, предполагавшего ехать за границу, причем взял к себе на хранение и устав, составленный Точиским, который затем уничтожил до производства обыска в его квартире в феврале 1888 г. На собрании не пришли ни к какому решению, но предположение Точиского вызвало протест со стороны всех присутствовавших, а также рабочего, называвшегося «Климом». Находили, что необходимо отделять на библиотеку от членских взносов 25 коп., что необходимо обособить ссудо-вспомогательную кассу,

т.-е. предоставить участие в кассе всякому желающему рабочему и неучастнику кружка, что необходимо уничтожить членов-соревнователей, так как в таком случае в общество могли попасть люди с противоправительственным направлением, наконец, признавали нужным допустить интеллигенцию в качестве действительных членов общества. Все эти соображения он изложил на собрании, происходившем в начале мая 1888 г., в квартире не принадлежавшего к сообществу лица, знакомого Даниловой или Точиской и ему неизвестного. На этом собрании, на котором присутствовали Мария Точиская, Елизавета Данилова, «Клим» и он, обвиняемый, с предложением его согласились. Когда затем Мария Точиская отправилась в Житомир, где проживал брат ея Павел, высланный тогда из С.-Петербурга, то он дал ей письмо к последнему, с изложением всех предложенных им изменений. После означенного выше собрания более собраний не было. Впоследствии обвиняемый Людвиг Брейтфус признал, что одно собрание было в их квартире по Офицерской улице, но утверждал, что в Новой Деревне, в сентябре 1888 г. никаких собраний у них не происходило. Кроме свиданий на собраниях, он, обвиняемый, по званию старосты, имел свидания с рабочим «Климом» с целью передачи ему книг из библиотеки. Но пребывание его в товариществе к лету 1888 г. начало уже тяготить его. В это время, в июне 1888 г., он получил из Житомира письмо, писанное от имени находившихся тогда в Житомире Марии Точиской, Даниловой, Лазарева и Павла Точиского, за подписью последнего, которые извещали его, что они протестуют против сделанных в уставе изменений. Тогда он ответил письмом, начинающимся словами: «постараюсь ответить», в котором будто бы сообщал только заведомо ложные сведения, так как знал, что Павел Точиский главный руководитель общества, и усматривал из его письма намерение его возвратиться в Петербург для того, как сам писал ему в письме, чтобы «устроить дело». Поэтому, желая его напугать, он ложно сообщал ему, будто бы его, обвиняемого, и его брата Эдуарда, которого он назвал в письме «Львовым», отвели к «гостевым» т.-е. в полицию, что отец его жаловался консульству и что полиция за ним следила, затем с тою же целью помешать приезду в Петербург Точиского, он также ложно сообщал, что брат Эдуард виделся с «Семкой», которого в действительности он не знает, что товарищество находится в хорошем состоянии, что переплетное дело идет отлично, что один переплетный набор он передал на Балтийский завод и что библиотека разделена на две части. Упоминаемый в этом письме «Сем» есть знакомый Точиского или Лазарева, которого он, обвиняемый, вовсе не знает, знал же он лишь одного «Клима». Даниловой или Точиской он также говорил неправду, когда рассказывал им, что знает рабочего «Тимофея» или «Тимошку»; в действительности вся деятельность, приписываемая им в письме трем лицам «Семке», «Тимофею» и «Климу», относилась только к последнему. О существовании «в другой кассе» около 20 руб., как он о том пишет в письме, ему было известно со слов Марии Точиской, которая безотчетно распоряжалась этою кассою. В бытность его старостой он получал членские взносы на собрании в мае 1888 г. от Даниловой и Точиской, около 1 р. от каждой, причем эти деньги были израсходованы на покупку книг. Под книгами «часто спрашиваемыми» он подразумевал книги, которые часто спрашиваются рабочими, т.-е. сочинения Тургенева, Толстого и др., а менее спрашиваемые — переводные романы и книги научного содержания. Упоминаемые в письме «Солнышко» — Данилова, «Апроська» — Точиская, «Момо» — Лазарев. Под выражением «ящик писем» он подразумевал письмо свое к Точискому об изменении устава. «Нил», которого фамилию он не знает, принадлежал также к товариществу; принадлежал ли к нему Иван Шалаевский, он не знает и на собраниях его не встречал. Предъявленное ему письмо, начинающееся словами: «не мало обрадовался» за подписью «Ленька», было писано им к Елизавете Даниловой в г. Москву и служило ответом на ее письмо о положении товарищества. Упоминаемые в письме «Милая» — брат его Генрих, «Сем.» и «Кл.» — «Семка» и «Клим»; «офицер» — Офицерская улица, где жил он, обвиняемый. На получаемые от членов товарищества взносы и на собираемые Марией и Павлом Точискими и Даниловой деньги он приобретал книги для библиотеки товарищества, но первоначально библиотека хранилась в квартире Павла Точиского, и библиотекарем был Лазарев. Когда с конца 1886 г. или начала 1887 г. он сделался библиотекарем, в библиотеке товарищества, перенесенной к нему на квартиру, было приблизительно до 30 книг, разрешенных цензурою; затем она стала пополняться частью пожертвованиями, частью же путем покупки, на средства, получавшиеся от членских взносов, так что к отъезду его в Майоренгоф, летом 1888 г., в библиотеке было приблизительно от 150 до 200 том. сочинений, не запрещенных цензурою, согласно требованию о том устава, в котором было сказано, что должно приобретать сочинения только цензурные лучших русских и иностранных авторов. Все книги, принадлежавшие библиотеке товарищества, были снабжены соответствующим каталогу номером, который он ставил на оборотной стороне переплета; находившиеся же на пожертвованных книгах подписи он вырывал или вычищал. После высылки Павла Точиского и Дмитрия Лазарева он уничтожил каталог, так как многие книги были утеряны или розданы рабочим Точиским, Лазаревым, а также им, обвиняемым, рабочему «Климу», и не возвращены; после же первого обыска, произведенного в квартире его, Брейтфуса, в феврале 1888 г., он, во избежание нового обыска, при котором книги библиотеки товарищества могли бы быть конфискованы, вычистил номера на книгах. Но, кроме этой библиотеки, в квартире его, обвиняемого, находились учебники на русском и иностранных языках, книги научного содержания и по беллетристике, составлявшие собственность его или его братьев; на многих из книг этой категории находятся штемпеля или подписи «Эдуард» или «Людвиг Брейтфус». По предъявлении обвиняемому Людвигу Брейтфусу книг, взятых в его квартире 18 ноября 1888 г., он заявил, что все книги, на которых номера оказались вычищенными или подписи вырезанными, а также книги, на которых имеются рукописные оглавления содержания их, принадлежали библиотеке товари-

щества, все же остальные книги принадлежат ему, обвиняемому, или членам его семьи. Наконец, по поводу переплетного станка, утверждая первоначально, что в товариществе имелся только один станок, причем ему не было известно, был ли таковой приобретен на средства товарищества или иным путем, обвиняемый Людвиг Брейтфус впоследствии признал, что в товариществе находились два набора переплетного станка; из них один был доставлен к нему от Павла Точиского вскоре после перенесения к нему библиотеки и отобран затем полицией 1 февраля 1889 г.; другой станок был перенесен к нему от Даниловой в мае 1888 года; этот последний станок, в котором он, обвиняемый, привинтил к гайкам ручки, был им отдан в том же мае рабочему «Климу», желавшему учиться переплетать. О том, что в товариществе имелись книги противоправительственного содержания он, Людвиг Брейтфус не знал; ссудо-вспомогательной же кассой никогда не заведывал.

Передопрошенные по поводу изложенного показания Людвига Брейтфуса обвиняемые объяснили:

Эдуард Брейтфус, по предъявлении ему книг, взятых при выемке 18 ноября 1888 года в общей квартире его и его братьев, показал относительно принадлежности части этих книг преступному сообществу, называвшемуся «товариществом с.-петербургских мастеровых», согласно с показанием обвиняемого Людвига Брейтфуса; по поводу же переплетного станка объяснил, что оба хранившиеся у них на квартире набора не составляли их собственности, а принадлежали товариществу, и что отобранный 1 февраля 1889 года в их квартире переплетный станок есть тот самый, о котором он говорил ранее, причем, так как тиски лежали в комнате, то он считал, что прибор этот принадлежал товариществу, сшивной же прибор находился в сарае, и потому он полагал, что этот последний принадлежал его братьям. Впоследствии и этот прибор был принесен в комнату, где и найден полицией 1 февраля 1889 г. Другого набора переплетного станка он не видел в их квартире, что могло произойти оттого, что большую часть дня он не находился дома и притом до мая 1888 года помещался в отдельной от братьев комнате.

Обвиняемый Дмитрий Лазарев показал, что в С.-Петербург он прибыл в августе 1886 г. с целью поступить в техническое артиллерийское училище, но экзамена не выдержал, а потому поступил в ремесленное училище, где пробыл с 1 сентября 1886 года по май 1887 г. В училище он познакомился с Павлом Точиским и поселился с ним по Дункину пер., в д. № 3. Точиский сообщил ему, что им образован в С.-Петербурге кружок, названный «товариществом взаимопомощи», что цель этого кружка заключается в помощи членам в умственном и материальном отношениях и что членами его состоят уже он сам, его сестра Ария, Людвиг и Генрих Брейтфус и Елизавета Данилова, причем предложил и ему вступить в этот кружок. В октябре 1886 г. он поступил туда и стал бывать на собраниях кружка, где присутствовали все упомянутые лица. Собрания происходили у Павла Точиского и у Брейтфусов в комнате Людвига и Ген-

а Брейтфусов, в отсутствие остальных членов семейства. На первом рании, на котором он был, в квартире Брейтфусов, было решено ести библиотеку на средства, получаемые от членских взносов; после о Людвиг Брейтфус стал покупать книги. Первое время библиотека нилась в квартире Павла Точиского, и короткое время он, обвиняемый, тоял библиотекарем; с конца 1886 года библиотека была перенесена рейтфусам, и с тех пор библиотекарем сделался Людвиг Брейтфус. Книги библиотеке были только легальные; всех книг ко времени его отъезда С.-Петербурга было более 200 томов. Кроме того, одним из членов жка, которого он назвать не желает, было приобретено несколько нелеьных книг, но они хранились отдельно от библиотеки. Еще до устройа библиотеки, на средства кружка был приобретен переплетный станок, орый первое время хранился в квартире Павла Точиского, где и перетались книги библиотеки товарищества Точиского Елизаветой Даниой и одним из Брейтфусов, Людвигом или Генрихом — он не помнит. как раньше он слышал от сестры Веры, что у ее знакомого студента нологического института Гурия Петровского есть переплетный станок, орый ему не нужен, то он, заявляя сестре о существовании библиотеки легальных книг и о том, что было бы желательно приобрести перетный станок, просил сестру, которая ничего не знала о кружке, достать т станок. По указанному сестрою адресу он и Генрих Брейтфус отправись к Петровскому, который и передал им станок, не входя с ними азговоры. Станок этот они отнесли в квартиру Брейтфусов, где он стался. С тех пор переплетали в двух местах: в Дункином пер., преущественно Точиский, и в Офицерской улице, преимущественно Людвиг ейтфус. 6 сентября 1887 г. он переехал из Дункина пер. в Псковю улицу, где жил до ареста своего, имевшего место в феврале 1888 г.; чала он жил один, а затем с Точиским. Когда последний съехал с кварры по Дункину пер., то находившийся в квартире его станок был переен к Даниловой, впоследствии станок этот был также перенесен в квару Брейтфусов. Был ли действительно передан Людвигом Брейтфусом бор переплетного станка Петровского на Балтийский завод и кому именно, не знает; при нем ни одного рабочего из этого завода в товариществе было. Так как члены кружка находили, что они должны стремиться поднятию умственного и материального положения рабочих, то Точий изменил в этом смысле устав, и самый кружок получил название оварищества с.-петербургских мастеровых». Устав этот был впервые дложен и принят в феврале 1888 года, на собрании в Кабловке. Члены варищества, для сокрытия своих действительных имен, на случай задержния их переписки носили прозвища: Эдуард Брейтфус — «Львов», он, виняемый, — «Момо», Людвиг Брейтфус — «Милая», Мария Точиская — проська» и «дочка», Елизавета Данилова — «Солнышко», Павел Точий — «Сентябрыч». Кроме того, в товариществе состояли рабочие по прошиям: «Клим», «Семеныч» и «Фимка», настоящих фамилий которых указать не желает. На всех собраниях, в которых он участвовал,

обыкновенно представлялся отчет за истекший месяц: о состоянии библиотеки — библиотекарем, ссудо-вспомогательной кассы — старостой и кассы помощи ссыльным — кассиром Генрихом Брейтфусом. Собрания происходили ежемесячно, на собрании же в Кабловке было решено собираться раз в три месяца. Собрание в Кабловке было последним, на котором он участвовал. В феврале 1888 года он выехал в Саратов, а затем в Житомир, где и был арестован. В бытность в Житомире он действительно получил в сентябре 1888 г. из С.-Петербурга от сестры Веры 15 р., но это были ее собственные деньги. Мария же Точиская прислала ему в Саратов, в конце мая того же года, кажется 18 р. с копейками, составлявшие недополученное им жалование за службу на заводе франко-русского общества.

По показанию обвиняемой Марии Точиской, она выслала Дмитрию Лазареву дважды деньги из С.-Петербурга: в первый раз в мае 1888 г. в Саратов около 15 р., составлявшие недополученное Лазаревым жалование из франко-русского общества, причем добавила своих 3 р., и во второй — в Житомир 15 р., составлявшие принадлежность «кассы помощи ссыльным и заключенным».

Спрошенная по изложенному показанию Дмитрия Лазарева сестра его обвиняемая Вера Лазарева показала, что с братом Дмитрием разговора о переплетном станке не имела и у брата никакой библиотеки не было: что Гурия Петровского она не знает и что при отъезде ее из С.-Петербурга в мае 1887 года у нее остался долг около 20 р. за одним ее знакомым, которого она назвать не желает, и эти деньги были высланы в Саратов, на имя брата Дмитрия, для передачи ей.

Обвиняемый Генрих Брейтфус, признавая себя виновным в принадлежности к упомянутому сообществу, объяснил, что примкнул к нему при самом его основании, но в числе учредителей его не был; что сообщество это было образовано Павлом Точиским и цель его заключалась в поднятии умственного и нравственного уровня рабочих; что для достижения этой цели была образована в начале октября 1886 г. библиотека, состоявшая из дозволенных цензурою книг, частию пожертвованных, частию приобретенных на средства товарищества, которые и раздавались рабочим, имевшим право передавать их своим знакомым; книги переплетались на приобретенном, также на средства товарищества, станке, который хранился в квартире Точиского. В начале 1887 года он предложил товариществу образовать вторую библиотеку из нелегальных изданий, для распространения таковых среди рабочих. Хотя некоторые члены, а именно Павел Точиский, Любовь Аркадакская и его брат Людвиг высказались против этого, тем не менее одним из членов товарищества, которого он назвать не желает, было приобретено несколько запрещенных изданий, а именно: Шефле «Сущность социализма» и «Календарь народной воли». Так как последний был дан только временно, то он, обвиняемый, списал из него две статьи, названия которых забыл, и как брошюру Шефле, так и переписанные статьи хранил в квартире своих родителей в ватерклозете, за обоями. Библиотеку эту он предлагал впоследствии расширить, но не нашел источника для получения нелегальных изданий; имевшиеся же издания он давал для чтения Аркадакской, Точиским, Даниловой, Лазареву и рабочему Нилу Васильеву; перед отъездом за границу он передал их для хранения одному из членов товарищества, которого также указать не желает. Кроме библиотеки нелегальных изданий, по его предложению была образована из пожертвований касса помощи политическим ссыльным и заключенным товарищам, которою до высылки своей заведывал он, обвиняемый. Из этой кассы были выдаваемы пособия только одному лицу, первые два или три месяца по 5 руб., а затем месяц или два, по 10 руб. Лицо это он назвать отказывается. Наконец, товарищество устраивало собрания, происходившие в частных квартирах лиц, не принадлежавших к кружку, а также у членов товарищества, а именно: один раз у Нила Васильева и один или два раза в квартире его, обвиняемого, по Офицерской улице. В бытность его в товариществе, членами последнего состояли: Павел и Мария Точиские, Дмитрий Лазарев, Любовь Аркадакская, Елизавета Данилова, Иван Шалаевский, брат его, обвиняемого, Людвиг и Нил Васильев. Из числа этих лиц выбыли из товарищества: Шалаевский в начале 1887 г. и Любовь Аркадакская в конце 1887 г. Принадлежали ли к товариществу рабочие по прозваниям «Клим», «Семеныч», «Фимка», «Тимофеев» или «Тимофеич» и был ли подвергнут впоследствии изменениям устав товарищества, ему неизвестно, с выездом его за границу прекратилось участие его в этом сообществе; выехал же он в марте 1888 г. и возвратился 1 сентября, а в первых числах октября того же года уехал в Тверь, где и был арестован. Указать других лиц, у которых происходили собрания этого сообщества, а также квартиры Нила Васильева обвиняемый Генрих Брейтфус отказался. Впоследствии он признал, что в квартире его по Офицерской улице происходили собрания в течении 1887 и 1888 г.г. пять или шесть раз, а также в квартирах Марии и Павла Точиских, причем на собраниях обсуждались вопросы о приобретении легальных книг и о кассе помощи политическим ссыльным и заключенным; но заявил, что ему не было известно о том, что в квартире его в Новой Деревне, в сентябре 1888 г. было собрание. В конце 1886 г. или в начале 1887 г. он, обвиняемый, действительно был вместе с Дмитрием Лазаревым, по предложению последнего, на Пушкинской улице, где Лазарев получил переплетный станок. Лицо, выдавшее этот станок, он видел только тогда в первый раз и больше нигде не встречал, а потому не может признать это лицо в фотографической карточке Гурия Петровского. Упомянутый станок был доставлен на квартиру Лазарева в Дункин пер. д. № 3. Зимою того же года на квартиру их, Брейтфусов, был принесен какой-то переплетный станок, но откуда и кем он был доставлен — не помнит и не может утверждать, был ли это тот же станок, который он с Лазаревым взял из квартиры по Пушкинской улице. В бытность в Париже он проживал по адресу Boulevard Arago 53bis и 52, причем назывался Андреевским, так как не желал назвать свою немецкую фамилию и думал этим путем избежать вскрытия своих писем. Выехал он из С.-Петербурга в октябре 1888 г. в Тверь и останавливался в Москве от поезда до

поезда; при этом, зайдя к Любови Аркадакской, он совершенно неожиданно встретился там с Павлом Точиским. Последний предложил ему повидаться с Даниловой, к которой они отправились на курсы, и затем втроем гуляли по улицам. На этом свидании он рассказывал про свою поездку в Париж, говорил об аресте Лазаревой и Точиской, но о том, что происходило собрание товарищества в сентябре 1888 г. и что не доставил вещей Точискому, он не говорил и вещей последнего у него, обвиняемого, не было; где же жил Точиский в Москве, он не знает. Отобранный у него при обыске альбом, озаглавленный «Souvenir», он приобрел в Париже; письмо же за подписью «Л. А.», начинающееся словами «Голубчик Андрюша», он получил за несколько часов до ареста по почте от Любови Аркадакской; под выражением: «высокопоставленные лица» она подразумевала вызов ее к допросу в жандармское управление, а фразою, что его родные «нездоровы», давала понять, что кто-то из его братьев арестован.

Обвиняемый Павел (Август) Точиский сперва заявил, что тайного сообщества под названием «Товарищество с.-петербургских мастеровых» не существовало, а было образовано в С.-Петербурге тайное сообщество, называвшееся «обществом содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России», к которому он и принадлежал до июня 1888 г. Оно было основано в конце 1887 г. и цель его заключалась в содействии улучшению быта рабочих, которого надеялись достигнуть устройством ссудо-вспомогательной кассы, куда бы каждый участник мог снести лишнюю копейку и откуда, в случае болезни и вообще стеснительного материального положения, мог бы беспроцентно взять заимообразно; для содействия развитию в интеллектуальном отношении обществом была учреждена библиотека из произведений, ближе подходящих к пониманию простого народа, притом только разрешенных цензурою; общество состояло из действительных членов, вносивших ежемесячно от 1 р. 50 к., и членов-соревнователей, плативших по 25 коп. в месяц. Часть собранной суммы шла на пополнение библиотеки, а часть в ссудо-вспомогательную кассу; общество это имело устав, который был им, обвиняемым, составлен, и члены его посещали собрания, происходившие в их квартирах четыре раза в год; на этих собраниях представлялись отчеты о движении денежных сумм и о том, какие книги чаще находились в обращении; наконец, в обществе был так называемый «староста», на обязанности которого лежало принятие взносов, представление отчетов о расходовании сумм и хранение устава. Кроме Дмитрия Лазарева, он никого из членов этого сообщества назвать не желает; кто состоял библиотекарем, кассиром, где хранились библиотека и касса, в чем состояли изменения, сделанные впоследствии в уставе, кто сообщил ему об этом в Житомир, кто был с ним на собрании, происходившем в Кабловке, он, Точиский, объяснить отказался, заявив, что о существовании «кассы помощи политическим ссыльным» он не знает, и ему известно лишь, что в случае высылки кого-либо из членов собирались пожертвования, но кому посылались эти пособия, объяснить также не пожелал. Изменяя затем свое показание, обвиняемый Точиский признал свою принадлежность к товариществу С.П.Б. мастеровых, утверждая, будто бы забыл, что это сообщество впоследствии было переименовано, и объяснил, что хотя ему и принадлежала инициатива организации этого сообщества, но он утверждает, что оно было основано осенью 1887 г.; Людвиг и Генрих Брейтфусы действительно вступили в это сообщество по его приглашению; кого же еще он привлек в это сообщество, кто из рабочих состоял членом товарищества, он указать не пожелал; в его квартире иногда бывали собрания товарищества, но кто участвовал в них, он объяснить отказался; Иван Шалаевский жил с ним на одной квартире, но в бытность его, обвиняемого, в С.-Петербурге, к товариществу не принадлежал, как равно и Нил Васильев, с которым он был знаком по ремесленному училищу; рабочих, по прозвищам «Клим», «Семеныч», «Фимка», «Тимофеев» он не знает за все время существования товарищества; до высылки его, обвиняемого, из С.-Петербурга он состоял старостой, заведуя ссудо-вспомогательной кассой и собирая пожертвования среди знакомых, которых назвать не считает удобным. В С.-Петербург он прибыл в ноябре 1884 г.; сначала он жил здесь с матерью, а затем поселился один, поселясь с ноября или декабря 1885 г. в Дункином пер., в д. № 3. Прожив здесь более года, он в январе 1887 г. выехал в Нижний-Новгород и в апреле возвратился в ту же квартиру, в которой оставался до июня 1887 г.; потом он уехал в посад Колпино и там жил до осени; возвратясь же в Петербург, поселился по Шлиссельбургскому тракту, вблизи чугунного завода; затем переехал на Псковскую улицу, где 21 февраля 1888 г. был арестован и выслан из С.-Петербурга. В Дункином пер. он жил с Иваном Шалаевским с лета 1886 года до весны 1887 г., а потом жил в той же квартире с Лазаревым до выезда в Колпино. В это время, когда он жил с Шалаевским, раза два заходили к нему, обвиняемому, слушательницы женских курсов Анна Амбарова и Юлия Белова, и таким образом Шалаевский мог у него встретиться с ними. С Анной Амбаровой он знаком потому, что она жила с его сестрой; где же он познакомился с Беловой, не помнит. По прибытии в С.-Петербург он определился учеником в оружейную мастерскую Гаво, где пробыл до февраля 1885 г.; в июне того же года он поступил в ремесленное училище императорского русского технического общества, где состоял учеником до февраля 1887 г., а осенью того же года был принят на писчебумажную фабрику братьев Варгуниных; пробыв там около 2 месяцев, он с декабря 1887 г. стал работать в типографии Авсеенко, где и оставался до высылки из С.-Петербурга.

По предъявлении обвиняемому Точискому писем, отобранных по обыску у Даниловой и начинающихся словами: а) «Лизочка, приди в воскресенье», б) «достань, пожалуйста, тотчас же 20 р.» и в) «давно что-то из П». и письма от 13 июля, он показал, что письма эти писаны им к Елизавете Даниловой, но по содержанию их объяснений дать не пожелал, по предъявлении же ему переплетного станка, отобранного 1 февраля 1889 г. в квартире Брейтфусов, он заявил, что станок этот тот самый, который находился в его квартире, но относительно цели его приобретения

и обстоятельств, сопровождавших пользование им, от объяснений также отказался.

Только по предъявлении обвиняемой Любови Аркадакской отобранного у нее каталога, а равно собственноручно писанного ею к Даниловой письма, в котором она говорит об участии своем и Даниловой в товариществе и о переплетении книг, Аркадакская признала, что по приезде своем в С.-Петербург в 1886 г., познакомившись с Марией Точиской, состоявшей членом «товарищества взаимной помощи», она также вступила в это общество, цель которого заключалась в помощи друг другу в материальном и интеллектуальном отношениях и которое имело небольшую библиотеку, состоявшую из легальных книг, раздававшихся Точиским рабочим завода, где он служил, и переплетный станок, на котором переплетались книги библиотеки товарищества в квартире Павла Точиского, а затем у Даниловой; что это сообщество не имело правильных собраний, исключительно для обсуждения дел своих, а вопросы о нуждах товарищества разрешались на квартире кого-либо из членов, при участии 3 — 4 лиц; что 9 декабря 1887 г. она уехала за границу и больше в С.-Петербург не возвращалась; в бытность же ее в С.-Петербурге членами этого общества состояли: Данилова, Мария и Павел Точиские, Дмитрий Лазарев и Генрих Брейтфус; наконец, что отобранный у нее при обыске каталог она списала в 1885 или 1886 г. с печатного каталога, изданного, как она слышала, сначала с разрешения цензуры, а затем только запрещенного, причем прочла лишь те сочинения, которые отмечены в ее каталоге крестиком и которые она получала или из библиотеки на курсах или чрез посредство знакомых Точиских и Генриха Брейтфуса. Отрицая затем получение ею нелегальных изданий от Генриха Брейтфуса и утверждая, что она не помнит, от кого получила каталог, Аркадакская, по предъявлении ей письма, отобранного по обыску у обвиняемого Генриха Брейтфуса, объяснила, что письмо это было написано ею по поводу вызова ее в жандармское управление и в московское охранное отделение (по настоящему делу); под выражением в этом письме «как скоро и прекрасно ты все решил» она подразумевала предложение Брейтфуса переехать в Тверь для уроков, чего она не могла сделать, так как ей был воспрещен выезд из Москвы; о «нездоровьи родных Брейтфуса» она писала потому, что узнала от лица, которое назвать не желает, что мать Брейтфуса была больна; говоря, что имеет рассказать о многом, она под этим подразумевала подробности обыска у нее, просила же запечатывать письма потому, что не хотела, чтобы их читали власти.

Обвиняемый Иван Шалаевский показал, что до конца апреля 1887 г. он жил в С.-Петербурге, причем последнее время с июня 1886 г. проживал с Павлом Точиским, но о существовании «Товарищества с.-петербургских мастеровых» ему известно не было, а знал он лишь «кружок взаимной помощи», имевший целью поднятие умственного уровня своих членов и взаимную помощь путем устройства библиотеки и изучения ремесл. К этому кружку, в который вступил и он, принадлежали Павел и Мария Точиские, Любовь Аркадакская, Людвиг и Генрих Брейтфусы, Елизавета Данилова и Дмитрий Лазарев. Лица эти, как равно и он, вносили по 50 к. в месяц; собираясь же в квартире Точиского по два, по три человека, они рассуждали об изучении ремесл и о покупке книг; впоследствии кружком был приобретен переплетный станок, на котором переплетали книги кружка как он, так и все упомянутые лица. В апреле 1887 г. он уехал в Пермь, а затем в Верхотурье, где служил в местном земстве; в марте же 1888 г. прибыл в Москву, будучи приглашен в агенты к занимающемуся по поручению министерства финансов и государственных имуществ исследованием хлебной торговли Анатолию Клопову и с тех пор состоял его сотрудником. По предъявлении обвиняемому Шалаевскому отобранных у него по обыску фотографических карточек и рукописи, представляющей выписку из «Исторических писем» Миртова (П. Л. Лаврова), он объяснил, что рукопись списал вследствие того, что статья ему понравилась, откуда же он достал подлинник — не помнит, и что с Антоном Щербо познакомился в Пермской губернии, будучи вместе с ним в гимназии, с Амбаровой и Юлией Беловой познакомился чрез Павла Точиского, с Хлопиным встретился в 1887 году, случайно в Перми, и Горных встречал в квартире Беловой, осенью 1886 г.

Привлеченный к настоящему дознанию в качестве обвиняемого Нил Васильев допрошен не был за неразысканием его.

При дальнейшем дознании по проверке данных, полученных при производстве обысков и при допросе обвиняемых, было выяснено следующее:

Допрошенные в качестве свидетелей показали:

С.-петербургская мещанка, слушательница женских курсов Анна Иванова — что Мария Точиская, которую она встречала на курсах, поселилась в ее квартире весною 1888 г. и прожила один месяц, в течение которого ее никто не посещал; затем она вторично жила у нее, по Красносельской улице в д. № 11, вместе с Верой Лазаревой, причем они поселились на этой квартире раньше ее, свидетельницы, так что, когда она 26 сентября 1888 г. переехала туда, то застала только Веру Лазареву, которая сообщила ей, что Точиская готовится к экзаменам с курсистками, у которых и ночует. Во время обыска, производившегося в их квартире 1 октября 1888 г., она, узнав, что полиция ищет Точискую, вновь спросила о ней Лазареву, которая заявила, что слышала, будто бы, Точиская собиралась ехать на станцию Сиверскую, чтобы отдохнуть после занятий. О том, что Точиская в это время была в г. Шавлях, она, свидетельница, вовсе не знала и телеграммы, предупреждавшей Точискую об аресте Лазаревой, Точиской не посылала; но так как после обыска она рассказывала об этом на курсах курсисткам и сообщила, что Вера Лазарева арестована и что полиция спрашивала Точискую, то предполагает, что упомянутая телеграмма была послана кем-нибудь из слушательниц женских курсов или же из знакомых этих последних; кто находился на курсах в то время, как она рассказывала об обыске, она не помнит; в числе же слушательниц физико-математического отделения, на котором состояли она и Точиская, курсистки по фамилии Степановой не было.

Сын отставного полковника, учитель юськовецкого церковно-приходского училища Иван Точиский — что до февраля 1888 г. он жил при отце в г. Житомире, а по возвращении из Юськовец, по случаю наступления каникулярного времени, поселился отдельно с братом Павлом, так как отец был недоволен им за принятие православия. 16 или 17 июня в Житомир приехала знакомая его брата Елизавета Данилова, затем Дмитрий Лазарев, поселившийся вместе с Павлом Точиским, и, наконец, сестра его, свидетеля, Мария. Никто из этих лиц о принадлежности своей к какому-либо тайному сообществу ему не говорил, никаких книг противоправительственного содержания у них он не видел, но, судя по характеру их отношений и по таинственности, с которою они вели себя, он догадывался, что между ними было что-то общее, что они однако же тщательно скрывали от него.

Дворянка Евгения Гринвальд — что, прибыв в конце марта 1888 г. в С.-Петербург, она поселилась с Елизаветой Даниловой по 13 линии Васильевского острова, где они жили до выезда Даниловой в Житомир, в мае 1888 г. В это время Данилова переплетала разные книги, разрешенные цензурою, объясняя, что занимается этим с целью упражнения физических сил; книг противоправительственного содержания она у Даниловой не видала; посещали же Данилову Людвиг Брейтфус и Мария Точиская.

Окончивший курс естественных наук в С.-Петербургском университете крестьянин Самарской губернии Николай Попов — что с Елизаветой Даниловой он познакомился в 1886 или 1887 г., но при каких обстоятельствах, не помнит; бывая у нее до отъезда ее в Житомир, он встречал там только Марию Точискую; отобранные у Даниловой по обыску два письма, означенные буквами «ж» и «у», писаны им; приписка в письме под буквою «ж»: «желательно видеть вас с теми стремлениями, какими вы теперь одушевлены», относилась, как ему помнится, к выраженному ею намерению итти в учительницы; в письме же, значащемся под буквою «у», говоря, что главная цель его определена, он подразумевал желание свое поступить в Московский университет на медицинский факультет; о принадлежности Точиской и Даниловой к противоправительственному кружку он ничего не знает и запрещенных книг у них не видал.

Дочь священника, Александра Петропавловская — что Даниловой она вовсе не знает и не может объяснить, каким образом в бумагах последней оказался адрес отца ее, свидетельницы, в с. Никольско-Тучевском; Марию Точискую она знала только по курсам и, посещала ее изредка, никогда не видела у нее запрещенных изданий.

Студент Военно-Медицинской Академии, Антон Равич Щербо — что он знал Ивана Шалаевского, Елизавету Данилову и Марию Точискую; с первым он был знаком по пермской гимназии и в бытность его в С.-Петербурге изредка с ним виделся, с отъездом же из С.-Петербурга переписки не вел; Мария Точиская познакомилась с женою его, свидетеля, на курсах и иногда бывала у них; при каких же обстоятельствах он познакомился

с Елизаветой Даниловой, не помнит, но последняя у него не бывала; ни с нею ни с Павлом Точиским, которого он также где-то встречал, он переписки не вел; в 1888 г., как и всегда, он провел лето в имении, в Могилевской губернии.

Жена с.-петербургского мещанина Анна Кондратьева — что Павел Точиский жил у нее на квартире с Рождества 1885 г., сначала вместе с Иваном Шалаевским, а по отъезде последнего в начале 1887 г., с Дмитрием Лазаревым; их посещали Мария Точиская, Любовь Аркадакская, Елизавета Данилова, Генрих и Эдуард Брейтфусы, которые, не раздеваясь, сейчас же уходили куда-то, вместе с Павлом Точиским и Дмитрием Лазаревым; последние ходили в блузах и имели вид рабочих; однажды Павел Точиский приказал ей принести к нему в комнату кухонный стол, после чего она увидела на этом столе переплетный станок, а затем при уборке их комнаты находила на полу бумажные обрезки; в станке же видела какие-то книги; станок этот, принесенный в квартиру, как ей кажется, Павлом Точиским, по истечении трех месяцев был вынесен из квартиры Генрихом или Эдуардом Брейтфусами. Иван Шалаевский большую часть времени проводил дома и, повидимому, не пользовался расположением прочей компании.

Дворянин Анатолий Клопов — что нуждаясь в агенте по собиранию статистических сведений о хлебной торговле, он, по указанию пермского уроженца Василия Белова, состоящего главноуправляющим имениями С.-Донато, принял к себе в марте 1888 г. Ивана Шалаевского; принадлежал ли последний к какому-либо тайному сообществу, ему известно не было, и он не слышал, чтобы Шалаевский предлагал кому-нибудь вступить в такое сообщество, а также не видел у него запрещенных книг.

Мещанка Троицкого посада Московской губ. Устинья Орлова и крестьянин Московской губ. Иван Тарасов — что Иван Шалаевский жил в г. Москве у первой из них, с начала марта 1888 г. до пасхи того же года, а у последнего, вместе с дворянином Анатолием Клоповым, летом того же года, причем никто его не посещал, и в образе его жизни и поведении они ничего предосудительного не замечали.

Пермский уроженец кандидат прав Василий Белов — что Иван Шалаевский, явясь к нему, просил содействия его к получению им какого-нибудь места в Пермской губернии, вследствие чего, по его просьбе, ему предоставлено было место в верхотурском земстве; затем по вторичной просьбе Шалаевского он рекомендовал его Анатолию Клопову; но тем не менее Шалаевского он знал мало, и политические его убеждения ему неизвестны.

Студент С.-Петербургского Технологического института Гурий Петровский — что переплетного станка у него никогда не было, а потому он не мог передавать его Генриху Брейтфусу и Дмитрию Лазареву, которых совершенно не знал, и что Веру Лазареву он встречал у кого-то из своих знакомых, но на квартире ее никогда не бывал.

Спрошенная в виду сего в качестве свидетельницы для проверки показания обвиняемого Дмитрия Лазарева, крестьянка Елизавета Захарова, у которой Гурий Петровский проживал в 1886 — 1887 г.г., показала, что видела

у последнего в комнате переплетный станок и не помнит лишь того обстоятельства, был ли вынесен этот станок до оставления Петровским ее квартиры или одновременно с этим. К этому Захарова присовокупила, что двери своей квартиры отворял своим гостям по большей части сам Петровский.

Так как при задержании 28 октября 1888 г. в Нижнем-Новгороде обвиняемого Павла Точиского было установлено, что он проживал некоторое время у состоящего под надзором полиции, вследствие привлечения к дознанию о государственном преступлении, столяра Михаила Китаева и находился в сношениях с Анной Амбаровой — личностью, известной по своей политической неблагонадежности, то у этих лиц были также произведены обыски, по которым однако ничего преступного не обнаружено.

Спрошенные в качестве свидетелей они показали:

Михаил Китаев — что с декабря 1886 года у него нанимали квартиру бывший студент С.-Петербургского университета Ушаков и занимавшаяся в нижегородской земской больнице фельдшерица Трифонова, у которых в феврале или марте 1887 года гостил некоторое время Павел Точиский, и что таким образом он познакомился с последним; в то время Точиский прожил у него около трех недель, сначала приискивая себе работу, а потом работая у какого-то слесаря. 18 или 19 октября 1888 г. Точиский вновь явился к нему и, заявляя, что он прибыл из Саратова или из Москвы, просил разрешения остановиться у него до приискания квартиры, на что он согласился; Точиский переночевал у него три ночи, днем же приискивал себе работу; в это время его никто не посещал, и никаких вещей он при себе не имел, за исключением котомки, каковое обстоятельство нисколько его не удивляло, так как он считал Точиского рабочим.

Домашняя учительница Анна Амбарова — что Павла Точиского она знает с детства по Екатеринбургу, где воспитывалась в гимназии с его сестрой; в последний приезд в Нижний-Новгород он посетил ее один раз, пробыл около 2-х часов, причем разговор касался его родных; знакомых Точиского в Нижнем-Новгороде она не знает, и о цели приезда он ей не говорил.

Проживающий в Нижнем-Новгороде макарьевский мещанин Михаил Смирнов показал, что Павел Точиский нанял у него комнату 23 октября 1888 г. В ночь на 25 октября он услышал шум у дверей и, отворив их, увидел Павла Точиского с двумя какими-то незнакомыми ему, свидетелю, личностями, которые хотели войти к нему вместе с Точиским. Он не пустил их и дозволил войти только одному Точискому, а на другой день отказал последнему от квартиры.

По сличении рукописного каталога, отобранного по обыску у обвиняемой Аркадакской, с печатным каталогом, изданным в г. Челябинске, Оренбургской губ. в 1883 г. под названием «Систематический указатель лучших книг и журнальных статей», имеющимся при делах с.-петербургского губернского жандармского управления, оказалось, что отобранный у Аркадакской каталог составляет точную копию означенного печатного

каталога, с тою лишь разницею, что в первом отделы его переписаны в ином порядке и не имеется находящегося в печатном каталоге предисловия от издателей и оглавления отделов и приложений под пунктами I, II и III; по осмотру же означенного рукописного каталога, установлено, что в числе сочинений, отмеченных Аркадакскою крестиком, как ею прочитанных, есть и «П. Л. Миртов» «Исторические письма».

По сообщению начальника оренбургского губернского жандармского управления, упомянутый каталог, изданный в г. Челябинске, с января 1884 г. изъят из обращения.

По сличении рукописи, взятой у Шалаевского и начинающейся словами «обществу угрожает опасность», с печатным изданием, под заглавием «Исторические письма» Миртова, С.-Петербург, 1870 г., имеющимся в делах с.-петербургского губернского жандармского управления, оказалось, что рукопись эта списана слово в слово с означенного печатного издания, а именно с главы: «Пятое письмо. Действие личностей», причем переписано 5 стр. печатного текста этой главы.

В алфавитном указателе изданиям на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию в России, значится: «Систематический указатель лучших книг и журнальных статей, изданный в Челябинске в 1883 г.».

Из дознания, производившегося в с.-петербургском губернском жандармском управлении о бывшем редакторе издававшегося в С.-Петербурге журнала «Дело», отставном лейтенанте Константине Станюковиче видно, что под псевдонимом «Н. Кольцов» в этом журнале помещал статьи бывший эмигрант Лев Тихомиров.

В домовой книге дома № 35 по Нижегородской улице, с 1 января 1888 г. по 1 января 1889 г. личности по фамилии Степанова записанной не оказалось; по уведомлению с.-петербургского охранного отделения на высших женских курсах, личности по фамилии Степановой, также не было.

Из имеющихся в деле сведений усматривается, что Дмитрий Лазарев работал в сборной мастерской завода Франко-русского общества в качестве слесаря, с 1 сентября 1887 г. по 24 февраля 1888 г.; окончательный расчет в количестве 14 р. 85 к. получила по доверенности Лазарева, 10 мая 1888 г., дочь отставного полковника Мария Точиская.

По сообщению инспектора ремесленного училища императорского русского технического общества Павел Точиский и Дмитрий Лазарев за время нахождения в училище, первого с 8 июня 1885 г. по январь 1887 г., а последнего с августа 1886 г. по 25 августа 1887 г., ни в чем предосудительном в политическом отношении замечены не были.

По сведениям, сообщенным начальниками губернских жандармских управлений: саратовского — Август (Павел) Точиский, проживая в Саратове, вел жизнь замкнутую, и наблюдением за ним ничего предосудительного замечено не было; тверского — а) Генрих Брейтфус за весьма короткое время проживания в Твери в сношениях с политически-неблагонадежными лицами

не замечался и хотя жил в квартире состоящего под негласным надзором отставного канцелярского служителя Владимира Барыбина, но отношения последнего к Брейтфусу точно не установлены; б) в селе Никольско-Тучевском проживает священник этого села Иоанн Петропавловский, имеющий дочь Александру Петропавловскую, состоящую слушательницей высших женских курсов, которая прожила у отца с 22 декабря 1888 г. по 9 января 1889 г. и ни в чем предосудительном замечена не была; нижегородского — Агния Трифонова и Алексей Ушаков были высланы из С.-Петербурга за участие в демонстрации на Волковом кладбище в ноябре 1886 г.; пермского — Иван Шалаевский за время бытности его в Перми и Верхотурье ничем не обнаружил своей неблагонадежности, кроме знакомства с поднадзорными Александром Кузовниковым и Василием Мутных.

Кроме того, из дела видно, что:

1) Виктор Симонов, привлекавшийся к дознанию о государственном преступлении, по высочайшему повелению, последовавшему 9 декабря 1889 г., был подвергнут заключению в тюрьме на 10 месяцев и

2) Елизавета Данилова и Мария Точиская, состоя на высших женских курсах в С.-Петербурге, вращались в кружке неблаговидных лиц.

3) Флегонт Волков привлекался к дознанию в 1884 г. по делу Германа Лопатина и др., и по высочайшему повелению, состоявшемуся 10 мая 1886 г., был подчинен гласному надзору своего начальства, вслед затем 8 апреля и 27 декабря 1887 г. у Волкова были произведены обыски, вследствие имевшихся сведений о сношениях его с личностями политически неблагонадежными; 27 декабря 1888 г. он был выслан в место пребывания его родителей в г. Владимир, под надзор полиции;

4) Анне Амбаровой и слушательнице высших женских курсов Юлии Беловой за участие в беспорядках 17 ноября 1886 г. на Волковом кладбище было воспрещено жительство в С.-Петербурге, и они выбыли в Казань;

5) слушательница высших женских курсов Анна Горных, в виду знакомства ее с лицами неблагонадежными в политическом отношении, в декабре 1887 г. была подвергнута обыску, по которому однако ничего преступного найдено не было;

6) Вера Владимирова Лазарева, по распоряжению департамента полиции, состояла под негласным надзором полиции;

7) дел, компрометирующих в политическом отношении окончившего курс в С.-Петербургском университете Николая Попова и слушательницу высших женских курсов Александру Петропавловскую, по отделению не производилось;

8) в 1886 г. были получены указания на Дмитрия Лазарева, Августа (Павла) и Марию Точиских, Елизавету Данилову, Генриха, Людвига и Эдуарда Брейтфусов, Любовь Аркадакскую и Ивана Шалаевского, как на личностей, политически неблагонадежных, и на близкие отношения к некоторым из них сестры Лазарева Веры Лазаревой. По агентурным указаниям упомянутые лица имели сношения с рабочими, собирали с них деньги с целью

устройства кассы для помощи рабочим при забастовках и на другие случаи, каковы высылка или арест кого-либо из них, и, наконец, для покупки книг с целью развития рабочих, причем собираемые деньги хранились в разное время у Павла и Марии Точиских; в числе книг, приобретенных упомянутыми лицами, были и нелегальные. В виду этих сведений, по распоряжению департамента полиции, в конце февраля 1888 г. были произведены обыски у всех названных лиц, за исключением Шалаевского, Аркадакской, за выбытием их из С.-Петербурга, и Веры Лазаревой, по которым ничего преступного обнаружено не было, и Павел Точиский и Дмитрий Лазарев, которые по агентурным сведениям являлись главными руководителями, были высланы на родину;

9) Генриху Брейтфусу было предложено оставить столицу в виду его политической неблагонадежности;

10) сведений о Михаиле Савельеве Вишневе, Нине Васильевой, а равно и о личностях, носивших прозвище «Клима», «Фомича», «Семеныча», «Тимофеича» или «Тимофеева» в отделении по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге не имеется;

11) Бывший студент С.-Петербургского университета Григорий Хлопин дважды привлекался при с.-петербургском губернском жандармском управлении к дознаниям: а) по обвинению в преступлении, предусмотренном 252 и 318 ст. Улож. о Наказ., причем был подчинен гласному надзору полиции в течение двух лет и б) вторично по обвинению в преступлении, предусмотренном 250 ст. Ул. о Нак., за принадлежность к революционной группе, именовавшейся социал-демократами и, по высочайшему повелению, последовавшему 8 июня 1888 г., был подвергнут тюремному заключению на шесть месяцев, с подчинением затем негласному надзору полиции на один год.

12) Студент С.-Петербургского Технологического института Гурий Петровский привлекался при с.-петербугском губернском Жандармском управлении к дознанию о фельдшере Воеводине и др., и по высочайшему повелению, последовавшему 3 мая 1889 г., подчинен надзору учебного начальства на два года с заменою такового, в случае выбытия его из Технологического института ранее сего срока, гласным надзором полиции; в июле же месяце 1889 г. Гурий Петровский был вновь привлечен к дознанию при с.-петербургском губернском жандармском управлении по обвинению в преступлении, предусмотренном 250 ст. Улож. о Наказ., и, содержась по этому делу под стражей, 25 августа лишил себя жизни.

13) 18 апреля 1889 г. начальник с.-петербургского дома предварительного заключения препроводил заключение местного тюремного врача о том, что обвиняемая Елизавета Данилова обнаруживает признаки ненормального психического состояния. В виду сего при с.-петербургском губернском жандармском управлении возбуждено о Даниловой особое расследование в порядке 353 ст. Уст. Угол. Суд.

14) Из имеющейся в деле метрической выписи усматривается, что Август Точиский 10 июня 1888 г. присоединен к православной церкви с наречением имени Павел.

Из дела видно, что по настоящему дознанию:

1. Обвиняемая Елизавета Данилова содержалась под стражею с 18 октября 1888 г., в виду ее болезненного состояния 4 мая 1889 г. переведена в больницу для душевно-больных Св. Николая Чудотворца.

Содержались под стражею:

2. Дмитрий Лазарев — с 23 сентября 1888 г., а 4-го апреля 1889 г. освобожден под залог в 300 рублей.

3. Павел Точиский — с 28 октября 1888 г. и освобожден по представлении залога в сумме 300 руб. — 13 марта 1889 года.

4. Мария Точиская — с 1 октября 1888 года, а 13 марта 1889 года освобождена под залог в сумме 300 рублей.

5. Людвиг Брейтфус — 29 октября 1888 г. и освобожден по представлении залога в сумме 300 рублей — 1 февраля 1889 года.

6. Генрих Брейтфус — с 31 октября 1888 г., а 11 февраля 1889 г. освобожден под залог в сумме 300 рублей.

7. Вера Лазарева — с 1 октября 1888 г. и освобождена под особый надзор полиции 12 ноября 1888 г.

Находились на свободе, под особым надзором полиции в течение всего производства дознания:

8. Любовь Аркадакская.

9. Иван Шалаевский, и

10. Эдуард Брейтфус.

По соображении изложенных обстоятельств дела, прокурор с.-петербургской судебной палаты находит, что как результатами обысков, так и показаниями большинства обвиняемых по сему делу установлено, что в С.-Петербурге в течение 1886 — 1888 г.г. существовало, имевшее свой устав тайное сообщество, именовавшее себя сперва «обществом содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России», а затем «Товарищество с.-петербургских мастеровых»; для достижения своих целей, члены этого сообщества организовали: а) библиотеку, в которой, кроме сочинений, разрешенных цензурою, находились и издания социально-революционного содержания, и сочинения эти распространяли среди рабочих, и б) кроме ссудо-вспомогательной кассы — и так называемую «кассу помощи политическим ссыльным и заключенным», причем устраивали собрания, на которых участвовали и рабочие. Такая организация и деятельность упомянутого сообщества свидетельствуют, что это сообщество имело своею целью развитие и поддержание в среде рабочих противоправительственных идей в интересах революционной партии, подтверждением чему служит устройство при библиотеке этого сообщества отдела книг преступного содержания и существование кассы для помощи политическим ссыльным и заключенным. В виду изложенных обстоятельств, устройство этого сообщества и принадлежность к нему заключают в себе признаки преступления, предусмотренного 2 ч. 250 ст. Улож. Обстоятельствами дознания установлено, что к этому сообществу принадлежали обвиняемые: Павел и Мария Точиские, Людвиг, Генрих и Эдуард Брейтфусы, Дмитрий Лазарев, Любовь Аркадакская, Елизавета Данилова, Иван Шалаевский. Нил Васильев, а также рабочие, называвшиеся прозвищами: «Клима», «Семеныча», «Фомича» или «Фомки», личности коих остались дознанием невыясненными.

При этом из числа названных обвиняемых:

1. Павел Точиский не только организовал это сообщество, но и вовлек в него других лиц.

2. Людвиг Брейтфус, состоявший библиотекарем, а также некоторое время кассиром ссудо-вспомогательной кассы и старостой, был одним из наиболее деятельных членов этого сообщества, так как он вербовал в него новых членов, предложил изменить устав этого сообщества, и наконец, в интересах последнего, не ограничиваясь сходками, на которых участвовали рабочие, устраивал свидания с ними на улицах, отказавшись затем при дознании указать этих рабочих. Объяснения Людвига Брейтфуса о том, что он не знал о существовании нелегальных изданий в сообществе и что, тяготясь пребыванием в нем, сообщал в отобранных при дознании письмах своих лишь ложные сведения, опровергаются как содержанием этой переписки, так и показанием обвиняемых Марии Точиской, Елизаветы Даниловой и брата его Эдуарда, которые удостоверили: первая, что она лично передала Людвигу Брейтфусу нелегальные издания на хранение, вторая, что на одном из собраний Людвиг Брейтфус заявил о поступлении социально-революционных изданий в библиотеку «товарищества», и последний, Эдуард Брейтфус, что вступил в сообщество по приглашению Людвига Брейтфуса и по его же предложению ходил дважды на свидания с рабочим, называвшимся «Семкой»:

3. Генрих Брейтфус и Мария Точиская приобретали для означенного сообщества и хранили у себя издания социально-революционного содержания, а также состояли кассирами так называемой «кассы помощи политическим ссыльным и заключенным». При этом Генрих Брейтфус переписал статью из социально-революционной брошюры под названием «Календарь народной воли», Мария же Точиская из сумм означенной кассы снабжала деньгами высланных по распоряжению правительства из С.-Петербурга Дмитрия Лазарева и Павла Точиского:

4. Дмитрий Лазарев, отказавшийся указать звания рабочих, известных в сообществе под прозвищами «Клима», «Фомича» и «Семеныча», состоял некоторое время библиотекарем и старостой этого сообщества.

Что же касается до обвинения Веры Лазаревой, то дознанием не установлено принадлежности ее к обнаруженному преступному сообществу; но совместное проживательство ее с Марией Точиской в то время, когда сообщество это еще не было обнаружено, и оказанное ею содействие в передаче этому сообществу принадлежавшего Гурию Петровскому переплетного станка, каковое обстоятельство при дознании она отрицает, дают основания заключить, что Лазаревой было известно о существовании этого сообщества.

Вместе с тем, близкие ее отношения к Виктору Симонову, Ивану Гильгенбергу, а также знакомство ее с Гурием Петровским, привлекавшимися к дознаниям по обвинению в государственных преступлениях, свидетельствуют о политической ее неблагонадежности.

На основании изложенного и руководствуясь 1035[11] ст. Уст. Угол. Суд., прокурор с.-Петербургской судебной палаты полагал бы: разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы:

А. 1) сына отставного полковника Павла Людвигова *Точиского*, 24 лет, 2) сына титулярного советника Дмитрия Владимирова *Лазарева*, 21 года, 3) дочь отставного полковника Марию Людвигову *Точискую*, 22 лет, 4) дочь священника Любовь Васильеву *Аркадакскую*, 21 года, 5) дочь титулярного советника Веру Владимирову *Лазареву*, 24 лет, прусских подданных 6) Людвига-Готлиба Людвигова *Брейтфуса*, 23 лет, 7) Генриха Эдуарда Людвигова *Брейтфуса*, 22 лет, 8) Эдуарда-Карла Людвигова *Брейтфуса*, 20 лет, и 9) рядового запаса армии Ивана Аггеева *Шалаевского*, 27 лет, по соображении со степенью их вины, частью несовершеннолетним, частью еще вообще не вполне зрелым возрастом, а также с временем, проведенным ими в предварительном заключении, подвергнуть их одиночному заключению: Павла *Точиского* и Людвига *Брейтфуса* на один год каждого, Дмитрия *Лазарева* на девять месяцев, Генриха *Брейтфуса* на шесть месяцев, Марию *Точискую* и Эдуарда *Брейтфуса* на четыре месяца каждого, *Аркадакскую* на два месяца и Веру *Лазареву* и *Шалаевского* на один месяц каждого. По отбытии обвиняемыми определенного им наказания: 1) подчинить из них Павла и Марию *Точиских* и Дмитрия *Лазарева* гласному, а *Аркадакскую*, Веру *Лазареву* и *Шалаевского* — негласному надзору полиции по ближайшему усмотрению министра внутренних дел и 2) Людвига, Генриха и Эдуарда *Брейтфусов* выслать из пределов России; и

Б. Настоящее дознание в отношении: 10) дочери коллежского советника Елизаветы Александровой *Даниловой* разрешить по окончании производящегося исследования ее умственных способностей, а в отношении 11) рабочего Нила Васильева — приостановить впредь до его явки или задержания.

По расследовании обстоятельств сего дела г. министр юстиции находит, что в конце 1886 г. в С.-Петербурге организован был тайный кружок, присвоивший себе наименование «Товарищества с.-петербургских мастеровых» и поставлявший своею задачею поднятие умственного развития рабочих и улучшение материального их положения. Члены этого кружка не чужды были отчасти и противоправительственных стремлений, что доказывается нахождением в библиотеке кружка подпольных изданий, существованием особой кассы «для помощи политическим ссыльным и заключенным», а также содержанием писем, отобранных у некоторых обвиняемых. Деятельность членов указанного кружка выразилась однако лишь в том, что они выработали устав, производили незначительные денежные взносы и собирали пожертвования, а также устроили библиотеку и две кассы: «ссудо-вспомогательную» и «кассу помощи политическим ссыльным и заключенным»,

но засим дознанием не добыто никаких данных, свидетельствующих, чтобы члены сего «товарищества» приступили к пропаганде революционных идей в среде рабочих и вообще приняли бы какое-либо участие в революционном движении. Таким образом, упомянутый кружок, имевший весьма незначительное число членов, был обнаружен ранее, чем успел проявить свою преступную деятельность.

Из числа привлеченных к настоящему дознанию обвиняемых наиболее видное положение в означенном кружке занимали Павел Точиский, Людвиг Брейтфус и Дмитрий Лазарев, которые разновременно исполняли обязанности «старосты», «библиотекаря» и «кассира» «ссудо-вспомогательной кассы», кроме того, Павел Точиский являлся организатором кружка и составителем устава сего последнего; Людвиг Брейтфус, после высылки Точиского из С.-Петербурга, внес в устав различные изменения, в видах привлечения к кружку возможно большего числа членов, а Дмитрий Лазарев, намеревавшийся скрыться за границу, с целью уклониться от исполнения воинской повинности, заявил на допросе о сочувствии своем стремлениям социально-революционного сообщества.

Засим Генрих и Эдуард Брейтфусы, состоя членами помянутого тайного кружка, оказывали содействие целям оного, Генрих — заведуя кассою для помощи политическим ссыльным и заключенным и храня нелегальные издания, а Эдуард — деля денежные взносы и заведуя временно библиотекою.

На-ряду с сим дознанием не добыто данных к обвинению Веры Лазаревой в принадлежности к «Товариществу СПБ. мастеровых», хотя, проживая совместно с Мариею Точискою и способствуя брату Дмитрию Лазареву в приобретении переплетного станка, она, обвиняемая, не могла не иметь некоторых сведений о преступной деятельности названных лиц.

Вследствие сего, соглашаясь с заключением прокурора с.-петербургской судебной палаты относительно Марии *Точиской*, Елизаветы *Даниловой*, Любови *Аркадакской*, Ивана *Шалаевского* и Нила *Васильева*, с тем, чтобы *Точиская*, по отбытии предположенного ей тюремного заключения, была подчинена гласному надзору полиции на два года, сенатор Манасеин, принимая во внимание, что преступная деятельность *Лазарева, Точиского*, Людвига Генриха и Эдуарда *Брейтфусов* не приняла широких размеров и не повлекла за собой особо вредных последствий для общественного порядка и спокойствия, полагал бы: 1) подвергнуть одиночному тюремному заключению: Павла *Точиского*, Людвига *Брейтфуса* и Дмитрия *Лазарева* на шесть месяцев каждого; Генриха *Брейтфуса* на четыре и Эдуарда *Брейтфуса* на два месяца; по отбытии же сего наказания учредить над *Лазаревым* и *Точиским* гласный надзор полиции на два года и выслать братьев Людвига, Генриха и Эдуарда *Брейтфусов*, как неблагонадежных иностранцев, за границу; и 2) настоящее дознание в отношении Веры *Лазаревой* прекратить, с учреждением за нею негласного надзора полиции, на срок по усмотрению министерства внутренних дел.

Отношением от 24 декабря 1889 года за № 2942 министр юстиции, уведомив дополнительно, что по состоявшемся ныне освидетельствовании

Даниловой в порядке 355 ст. Уст. Угол. Суд., она признана психически больной, высказал предположение о приоставлении разрешением о ней дела впредь до ее выздоровления и об отдаче ее на попечение и поруки ее тетке, дочери штабс-капитана Евгении Грюнвальд, на что и последовало со стороны министерства внутренних дел согласие 12 января 1890 года.

Департамент полиции присоединяется к предложению министерства юстиции.

Вице-директор *Сабуров*.

Делопроизводитель *С. Зволянский*.

23 января 1890 года.

ДОКУМЕНТЫ О 1 СЪЕЗДЕ Р. С.-Д. Р. П.

I.

«УСТАВ КОЛЛЁКВИУМА»

Об обстоятельствах и обстановке возникновения предлагаемого вниманию читателей документа рассказано автором его, Б. Л. Эйдельманом, в статье «По поводу статьи Акимова» («Пролетарская Революция», № 1, стр. 77 — 80). Там же сделана и оценка значения этого документа в развитии тогдашних социал-демократических организаций. Отсылая поэтому интересующихся за справками к указанной статье, мы можем здесь ограничиться лишь несколькими на этот счет пояснительными замечаниями.

После неудачи созывавшейся киевлянами на 17 — 18 марта 1897 г. объединительной конференции, которая за неприбытием в Киев нескольких ожидавшихся на нее делегатов превратилась в простое совещание [1]) представителей киевских двух групп («Рабочего Дела» и польских социал-демократов) с представителем Петербургского Союза Борьбы (Борисом Гольдманом), — перед ведшей уже работу в общерусском масштабе группой «Рабочей Газеты» встал вопрос о необходимости усилить работу по подготовке съезда, который должен был объединить хотя бы главнейшие из разбросанных тогда уже по всем концам России рабочих соц.-дем. организаций и групп в единую социал-демократическую рабочую партию.

Для этого, в первую очередь, необходимо было конкретно поставить на обсуждение работников этих организаций те общие задачи, которые уже можно и должно было, для экономии сил и планомерности их приложения, вынести за скобки местной работы и передать объединяющему их деятельность центральному комитету, который должен был быть создан на съезде. Это и было тогда, по предложению Н. А. Вигдорчика, выполнено Б. Л. Эйдельманом, написавшим этот, ставший известным под названием Устав коллоквиума, документ. Разосланный вместе с приглашением на съезд по организациям различных промышленных центров, он явился одновременно и зародышем конституции партии и порядком дня первого ее съезда.

---

[1]) Совещание это, впрочем, вынесло и осуществленное несколькими организациями постановление о переименовании всех тогдашних социал-демократических организаций в «Союзы Борьбы за освобождение рабочего класса».

Жандармам документ этот, как видно из прилагаемого письма Зубатова к Зволянскому, стал известен лишь в двадцатых числах мая 1898 г. К сожалению, нам не удалось покамест выяснить, принадлежала ли упоминаемая в этом письме М. А. Александрова к сонму Зубатовских провокаторов или же была только жертвою кого-нибудь из них.

Редакция.

№ 1512 1.
О. о. 23/5. Глубокоуважаемый 28/5 98.

Сергей Эрастович [1])!

Препровождаю полученный мной экземпляр Устава Коллеквиума [2]), покорнейше прося возвратить мне его в понедельник (так как во вторник мне надо его возвратить). Он получен от приехавшей в Москву из Екатеринослава Марии Александровны Александровой, выехавшей на-днях к вам, хлопотать за мужа. Она взяла его у Лалаянца, который близко стоял к Екатериносл. ликвидированному кружку. (Сама Александрова не имела связей с арестованными.)

Экземпляр этот предполагался к уничтожению, но за благополучным исходом обыска остался в том виде, как вы его изволите видеть. Лалаянц ей рассказывал, что в момент обыска он с ужасом ожидал условленного прихода одного господина, известного ему под псевдонимом «Павла Николаевича», но оказалось, что приходивший во-время спохватился и спросил у городовых: «здесь ли живет такой-то (вымышленный) субъект» и, получив отрицательный ответ, благополучно убрался во-свояси.

«Устав» этот имеет быть переиздан для соц.-дем. кружков.

(Дальше следует изложение подробностей о слежке филеров за бундовцами в Варшаве и Минске.)

Искренне преданный
С. З(убатов).

К вх. 1512.
98.

Копія.

УСТАВ КОЛЛЕКВІУМА [3]).

1) Главная задача наст. К. является объедин. доныне разрозн. с.-д. группъ Россіи в един. организ.

2) Въ виду этого участіе въ К. огранич. тѣм С.-Д. группам. или союзам., ктр. принципіально признают своевременность такого объедин.

3) С.-Д. группы или союзы, участв. въ К-ѣ, присыл. по возможн. 2 делег. — одного от интел., друг. от раб., причемъ желательно, чтоб делегатом от рабоч. был раб. же. Если буде прислан один делегат, то он должен представлять собою и интел. и рабочих.

4) Полномочія делегатов должны б. возможно шире, чтобъ не мѣшать им присоединяться к общим рѣшен. и тѣм не тормозить занятій К-а. Во всяком случаѣ каждая группа или союз должн. снабдить своих делегат. опредѣленным рѣшен. по главнѣйш. пунктам.

А) Какую форму объединенія предлагает груп, в видѣ Центр. Ком. с постоян. полномочіями, в видѣ періодических съѣздов представителей или в каком-либо другом видѣ.

В) Какое названіе предлаг. группа для имѣющей образоваться организаціей — русск. с.-д. парт., русск. раб. парт., русск. раб. союз и проч.

С) Какія функц. группа считает нужным передать тому органу, в котором будет вѣдать дѣла организаціи, будет ли то Ц. К. или что-либо другое.

а) Литер. предпріят. общ. характер завѣдыв. «рабоч. газет.», изд. Бро и к

в) между груп. снош. созыв К-ов распр и средст., присоедин. нов. груп и пр.

с) сношенія с груп. других направл.

д) снош. съ русск. с-д. союз загран. (перевозка нелег. лист и пр.)

е) организац. общ. предпріятій (праздн. 1 мая, распростр. общаго лист. по всей Росс по пов. как-ниб. фалш и пр.

II.

В исполненіе постановленій конспек. Какія права и обязанности долженъ имѣть органъ, вѣдающій дѣла организаціи в предѣлахъ своихъ функцій:

а) какими финансовыми средствами будетъ располагать,

б) в какихъ вопросахъ может он дѣйствовать самостоятельно, и каким только по предварительному опросу группъ.

в) какъ будетъ избираться этотъ орган;

г) имѣетъ ли онъ право самостоятельно привлекать свой составъ лицъ, которых он найдет полезным.

Е) Согласна ли груп в интерес скорѣйшаго образов. организац. предоставить наст. К. слѣд. права:

а) избрать из своей среды перв. орган. долженствую. вѣд. дѣлами.

б) объявить в «Раб. газ., орган. и специальн. листк. объ образов. единой с-д. организаціи (партіи, союза и пр.).

с) утвердить проектъ программы, составлен. Плехан., если таковой будет представлен. на коллекв.

д) по каким из перечисл. вопрос. группа согласна подчиниться рѣшенію простого большинства и по каким она безусл. остается при своем мнѣніи.

ц) согласна ли группа, чтоб члены настоящ. К. остались в ближайш. буд. агентам. посредник. между мѣстн. группам. и Ц. Комитетом.

---

[1]) Д. ист.-рев. арх., О. о., № 2, ч. А. 1898, «Внутр. агентура».

[2]) Не верится, чтобы Colloquium был в Киеве. Вернее, дело было в Минске, куда съехались Тучапский, Эйдельман, Петрусевич, Муто, Школьник и др.

[3]) Там же.

II.

Показания Вановских и др.

Несколько замечаний по поводу показаний А. и В. Вановских и др.

Публикуемые нами ниже показания братьев Виктора и Александра Вановских и еще нескольких членов Московского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса интересны в двух отношениях. Во-первых, они являются некоторым вкладом в небогатую до сих пор литературу об учредительном съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии [1]. Во-вторых, они дают нам некоторое представление о возникновении и кратковременной жизни самой слабой из организаций, принявших участие в этом съезде — Московского Союза Борьбы. Представление получается, разумеется, в преуменьшенном виде, так как здесь перед нами показания на жандармском допросе обвиняемых, естественно старающихся умалить и свою роль в организации, и самое значение последней. Однако, преуменьшение это не так уж значительно, потому что Московский Союз Борьбы и вправду был слишком молодою и слишком слабосильною организацией. Пишущему эти строки довелось в те времена, так сказать, сналету ознакомиться с положением дел Московского Союза после столь же быстрого ознакомления с делами Киевского Союза Борьбы [2]). Контраст был громаднейший. При относительно незначительном рабочем населении в Киеве местный Союз Борьбы ко времени съезда представлял после Бунда наиболее сильную в России социал-демократическую организацию. Это был прекрасно подобравшийся круг революционеров из интеллигенции и из рабочих со стажем в 3 — 4 — 5 и более лет нелегальной работы, сумевший, объединив несколько первоначально раздельных и разнородных местных организаций, не только подчинить своему влиянию все местное рабочее движение, но и оказавшийся в состоянии развернуть свою работу для обслуживания и обще-русского движения. Не то в Москве. В городе с многочисленнейшим рабочим населением Московскому Союзу удалось еле-еле завязать сношения с несколькими рабочими, при помощи которых только-только начинали складываться оформленные кружки для занятий интеллигентов с рабочими. Союзу не удалось даже вобрать в себя все работавшие в то время в Москве организации [3]).

[1]) Относящиеся сюда отрывки из них отчасти были уже напечатаны в статье В. И. Невского.—«К вопросу о первом съезде Р. С.-Д. Р. П.» в № 1-м «Пролетарской Революции», стр. 84.

[2]) Под именем Константина Солодухи я приехал тогда в Москву из Иванова-Вознесенска, чтобы отпечатать прокламации к иваново-вознесенским рабочим (так как там у меня не было под рукой никакой техники) да заодно и перенять у москвичей их связи, так как москвичи чувствовали себя перед провалом еще в первый мой приезд в Москву. Но с прокламацией дело обернулось не так просто, техники у москвичей на поверку тоже не оказалось, пришлось прибегнуть к гектографу, история затянулась на несколько дней, и я «засыпался» вместе со всею компанией.

[3]) Самостоятельно работала в то время в Москве группа Георгия Кугушева. В нее входили: Евгения Александровна Немчинова, если не ошибаюсь, сестры Пеньевские и др. Со всеми названными товарищами я встречался еще в Вене, и на них можно было рассчитывать при создании организации-преемницы доживавшего свои последние дни Московского Союза Борьбы.

И не мудрено. В Москве в те времена сильнее, чем где-либо, был оборудован аппарат правительственной обороны против внутреннего врага. Здесь Зубатов подготовил уже целые кадры различного калибра провокаторов, создал свой питомник политически грамотных жандармских офицеров, вдохнув в них при этом некоторое подобие идейной убежденности, ориентирующейся на социальную монархию в духе бисмарковских и наполеоновских полицейско-социальных затей. Наконец, он взрастил и воспитал здесь, кроме этого, целую рать филеров высшей марки, с которою мог работать уже и на вывоз, отряжая шпионов своей выучки в различные центры революционного движения, как, напр., в Киев или в Минск, где они только жаловались на то, что им портят дело совсем первобытные местные шпионы, своими бросающимися в глаза приемами слежки только спугивающие «наблюдаемых».

Вскормленниками Зубатовской школы были и все ведшие в разных городах дознания по делам провала 10 — 11-го марта жандармские офицеры. Таков был и ведший дознание по делу Московского Союза бархатно-приветливый художник и жандармский ротмистр Ратко, у которого если и показывался иногда (очень редко) во время допросов жандармский коготь, то это был только коготь спортсмена, норовящего затравить красного зверя. Таков же был и не менее изящный красавец-ротмистр Беклемишев, ведший Киевское дело. Только он обладал меньшею по сравнению с Ратко выдержкой, и в нем сквозь лоск его вкрадчивых манер чувствовались уже не только спортсменские, а настоящие звериные жандармские когти. По крайней мере, такое получилось у меня впечатление на моем допросе, когда он сердился и позволил себе в моем присутствии обменяться какими-то антисемитскими намеками с обыкновенно не вмешивавшимся в ход дознания представителем прокурорского надзора Коротким.

В «конфиденциальном» письме к С. Э. Зволянскому от 27-го января 1899 г. начальник моск. жанд. упр. генерал Шрамм сообщает, что по соглашению с прокурором Моск. суд. палаты он решил, что дознание о Московском Союзе Борьбы можно в начале февраля «заключить и направить в установленном порядке» «с привлечением лишь лиц, выяснившихся по названному дознанию как участников минского съезда, и к дознанию о «Российской социал-демократической партии и «Всеобщем еврейском рабочем Союзе в России и Польше» с передачей дальнейшего производства этого дознания ротмистру Ратко, как основательно ознакомленному с целями Минского съезда и последствиями оного» [1]).

«Основательное ознакомление» это Ратко получил рядом с изучением того, что к тому времени было опубликовано в нелегальной русской и заграничной печати, из своих допросов братьев Вановских и других членов Московского Союза.

[1]) Д. № 128, т. 2, 1898 г., 4-е д-во (стр. 69).

Центральною фигурой Московского Союза был Виктор Алексеевич Вановский. Мое с ним знакомство было слишком кратковременное, чтобы я мог сообщить что-нибудь, кроме общего впечатления, которое сохранилось у меня в памяти о нем, как о единственно солидном работнике в Союзе, достаточно подготовленном для руководства организацией, притом обладавшем не плохо заостренным пером и умевшем ставить и отвечать на вопросы. В справке департамента полиции «по отношению министерства юстиции от 13-го марта за № 808 об освобождении из-под стражи Виктора Вановского» о нем говорится [1]):

«Виктор Алексеевич Вановский, из дворян Тульской губернии, в 1890 г. уволенный из Ново-Александрийского института за участие в беспорядках, бывший унтер-офицер 1 пехотного Невского полка, в 1892 г. привлечен был в Москве к дознанию по делу о тайном кружке, именовавшемся «Временным организационным исполнительным комитетом» (дело Бруснева, Егупова и др.)... Дознанием было установлено, что Вановский входил в состав помянутого кружка, находился в сношениях с другими обвиняемыми по этому делу и снабжал денежными средствами обвиняемого Егупова, занимавшего наиболее видное положение в «комитете».

На основании высочайшего повеления, последовавшего 7 декабря 1894 г., Вановский подлежал по лишении унтер-офицерского звания и исключении из военного ведомства одиночному тюремному заключению на 2 года, с водворением затем на 5 лет под надзор полиции в одну из местностей степного генерал-губернаторства».

Однако, по данным той же справки, еще до этого повеления он был освобожден на поруки в виду обнаружившихся у него явлений нервного расстройства, угрожавших перейти, под влиянием условий тюремной обстановки, в умопомешательство и, вероятно, вследствие этого «выраженного им раскаяния в своей вине», и затем следовавшее ему по цареву повелению наказание было по соглашению с министерством юстиции исполнением приостановлено, так как определением московского Окружного Суда Вановский был признан страдающим сумасшествием. Его передали на попечение родственников. Летом 1896 г. орловским губернатором было даже представлено свидетельство брянского уездного земского врача, о том, что болезнь Виктора Вановского (однопредметное гипнотическое помешательство на основе галлюцинации слуха) неизлечима, ведет к слабоумию и прогрессивному параличу и что данные о его семье указывают на наследственную дегенерацию.

По счастию, диагноз этот оказался неправильным, а Виктор Вановский умело воспользовался им для покрытия своей симуляции, когда он оправился от своего расстройства.

Что касается остальных членов Московского Союза, то у меня остались слишком смутные о них воспоминания, чтобы я мог высказывать о них в настоящее время какие-нибудь суждения. Во всяком случае,

[1]) Д. 128, ч. 2-я 1898 г. 4-е д-во, стр. 140—145.

кое-кто из этого молодняка подавал в то время некоторые надежды и кое-кто из них может быть даже и оправдал впоследствии эти надежды.

Но в работе организации все они были еще очень молоды, и Виктор Вановский имел некоторое право заявить на допросе, что, в сущности, «организация Московского Союза это я». Заявление это он сделал после того, как, помнится, нам удалось в Таганке сговориться путем перестукивания, непосредственно ли или через ближе ко мне сидевшего Александра Вановского. Виктор при этом сделал мне, помнится, предложение поделить с ним ответственность за организацию, причем наибольшую долю он возьмет на себя. Вообще, многое из того, что в настоящее время представляется «откровенными показаниями», объясняется наличностью условий, позволявших заключенным по одному делу сноситься между собою путем ли перекрикиваний, переписки или перестукиванья. Правда, это (и в особенности последний путь) имело и свои неудобства, так как позволяло жандармам подставить свое ухо в одну из соседних камер и узнать кое-что из переговоров иных неосторожных собеседников. Злостно откровенные показания из привлеченных по делу Московского Союза давал, насколько нам тогда уже было известно, только Щербаков; может быть, чересчур много рассказывал на допросах без особой нужды Малинин. Так, по крайней мере, мне передавали об этом в то время. Остальные если и показывали что друг про друга, то обыкновенно по предварительному сговору.

Обращаясь к показаниям Александра Вановского, нужно сказать, что они были сделаны по сговору с Виктором, но без сговора с Кремером и Мутником, хотя такой сговор и был возможен, так как их привезли вместе с другими бундовцами сейчас же после июльского провала в Таганку, а показания свои Александр Вановский давал 9-го ноября 1898 г. Не знаю, лежит ли на Викторе ответственность за рассказ о том, что было на съезде, и о том, что съезд был в Минске, или он только посоветовал Александру признать себя делегатом, а остальное решил рассказывать уже сам Александр. Мне об этом стало известно уже после того, как эти показания были даны. Бундовцы очень ругались, когда узнали в тюрьме о показаниях Александра Вановского, потому что и в самом деле, признав, что съезд происходил в Минске, он тем самым дал возможность жандармам уже на основании агентурных данных установить хоть предположительно имена главных участников съезда, как показывает переписка департамента полиции с начальником киевского губ. жандармского управления Новицким и московского—Шраммом. Несмотря на это, показания эти не ставят под сомнение революционную честность Александра Вановского, доказанную его последующею деятельностью. Участников съезда он не назвал и предъявленных ему их карточек не признал. На одном из моих допросов Ратко, сообщив мне о том, что уже нет дела о Московском, Киевском, Екатеринославском и др. Союзах Борьбы за освобождение рабочего класса, а есть одно дело о Российской социал-демократической рабочей партии, между прочим, рассказал мне, что будто бы Александр Вановский показывал, что участники съезда были в париках и загримированные и что поэтому он не может

узнать. Расспросить об этом Александра Вановского я тогда не мог, так как меня перевели в другую комнату. В показаниях Александра Вановского этого не записано, и не думаю, чтобы он всерьез рассчитывал, как говорят немцы, навязать жандармам такого медведя. Вернее, Ратко пробовал, какую реакцию произведет на меня такая неправдоподобная история.

Картина съезда на основании показаний Александра Вановского получается в достаточной мере смутная, как и следовало ожидать от рассказа человека, притворяющегося, что говорит все начистоту, а в действительности желающего рассказать по возможности меньше. Ценность этих показаний в настоящее время в том, что они могут дать некоторые зацепки для памяти остающихся в живых участников съезда и, так сказать, спровоцировать их на возможные исправления и дополнения. Правда, рассказ его о том, что говорилось на съезде, отличается большою скупостью. Зато он с большою подробностью останавливается на том, что ему казалось неважным: как его встретили на вокзале и как проводили в гостиницу [1]) и как он бродил по городу, и т. п.

В. Перазич.

1.

Показания А. А. и В. А. Вановских, Х. М. Водогинского, А. А. Любимова, и К. С. Ситника.

ПРОТОКОЛ № [2]).

1898 года октября 28 дня, в городе Минске, я, Отдельного Корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035[7] Уст. Угол. Суд. изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих объяснений, от 27 сего октября, показал:

Зовут меня Александр Алексеевич *Вановский.*

Книги, какие я передал Биску, предназначались для одного лица, фамилии которого я не знаю, так как брат сообщил мне лишь условное слово (пароль), кажется название какой-то вещи или книги. Но я знаю наверно, что Анна Николаевна Варыпаева к этому факту не имеет никакого отношения, т.-е. не ей должен был Биск передать книги. Содержание записки я не понимаю, ибо я писал ее под диктовку брата, как он сам это подтверждает. Ситнин пишет, что он ездил, по моему поручению, в Минск за нелегальной литературой. Я могу в дополнение его показания сказать лишь немного, ибо сам знаю об этом очень мало. Я дал Ситнину адрес, куда он должен был явиться по прибытии в Минск. Адреса этого я уже не помню; помню только, что подобная улица есть где-то в Москве (т.-е. носит одно и то же название). Я также теперь не помню, передавал ли я ему деньги для поездки, кажется, что передавал, но утверждать не решаюсь. Указания, необходимые Ситнину для поездки в Минск, я получил от брата, но теперь я уже ничего не помню. Знаю еще, что Ситнин благополучно исполнил поручение и привез литературу; остаток от нее впоследствии был найден у Биска. Теперь я перехожу к своей деятельности и постараюсь определить свою роль и отношение к организации. Я не могу считать себя членом союза, так как я действовал в силу личных отношений, а не по долгу, т.-е. я не был связан с организацией никакими постоянными обязательствами. Я не считаю также себя социал-демократом, ибо не занимался развитием сознания рабочих. Я исполнял лишь различные поручения брата, часто не зная о их конечной цели и об их значении для общего дела, но иногда мне ставились общие задачи, в сфере которых я не мог проявить самодеятельность. Это поиски квартир, доставка денег и выбор подходящих людей для мелких поручений, как, напр., это было с Биском. Я имел дело исключительно с интеллигентами, но не как уполномоченный от союза, а как частное лицо. Показания брата относительно меня совершенно справедливы, и я их подтверждаю. Название «Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса» было лишь рекламой, так как, сколько мне известно, никакого союза в действительности не было. На предложенный мне вопрос: был ли я делегатом от союза — я отвечаю отрицательно. Я не был на съезде в Минске и знаю о нем лишь в общих чертах. Я знаю, что произошло объединение местных групп в одну «партию». Но кто был депутатом от Москвы — мне это неизвестно. На собрании 10-го марта у Павликовской — говорилось об объединении, но в общих чертах, так что подробных сведений я не имею. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов
ротмистр (подп.) *Ратко.*

2.

ПРОТОКОЛ № [1]).

1898 года ноября «9» дня, в городе Москве, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035[7] Уст. Угол. Суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 28 октября с./г., показал:

---

[1]) Александр Миронович Зельдов (т. «Сергей») рассказывал мне, что взявший на себя техническую организацию съезда Центральный Комитет Бунда, состоявший в то время из Кремера, Мутника и Косовского, часть организационной работы (по устройству квартиры для съезда, по встрече и устройству в гостиницах или на квартирах делегатов и т. п.) возложил на покойного Павла Дм. Бермана, одного из виднейших работников Минской организации, который, по словам того же Зельдова, между прочим, по приглашению Ц. К. Бунда присутствовал в качестве гостя и на заседаниях съезда. — Обстоятельство, относительно которого мы снова должны апеллировать к памяти Эйдельмана, Вигдорчика и особенно Кремера и Мутника.

[2]) Д. № 128, т. II, 1898 г., 4-е д-во.

[1]) Там же.

Зовут меня Александр Алексеевич *Вановский*.

Я ездил делегатом от Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса на съезд, бывший в Минске, в конце февраля. Брат снабдил меня необходимыми инструкциями и дал бумагу с ответами на те вопросы, какие должны были разбираться на съезде. Он говорил мне, что я неопытен, что я должен больше молчать и слушать, что будут говорить другие — иначе, по его словам, я могу скомпрометировать организацию. В Минск я приехал 28 февраля, утром или вечером, — хорошо не помню — кажется, вечером. На вокзале меня встретило одно лицо (все это было условлено еще раньше, через газеты, мой костюм, пароль и прочее), которое проводило меня в гостиницу — почти в центре города. Название гостиницы я не помню наверно, кажется, «Виктория». Мне было сказано, что на другой день в 6 часов вечера за мной зайдет человек, с которым я должен буду итти туда, куда он меня поведет. Я все утро бродил по городу без всякой цели, был в городском сквере и проч... В назначенный час за мной действительно пришел один человек, — сообщил мне пароль, и мы пошли с ним на место собрания. Уже стемнело, когда мы вышли, фонарей еще не зажигали, и я скоро сбился с дороги, т.-е. не мог ориентироваться. Через час или немного раньше мы пришли к какому-то маленькому деревянному дому и мой спутник постучал в дверь — ему тотчас же отворили... Небольшая комнатка, на стуле сидел один человек — другой стоял у окошка, я сообщил одному из них, откуда я приехал, и передал эту бумагу, какую получил от брата. Через четверть часа еще вошел один человек, и завязался общий разговор. Меня спрашивали, как идут дела в Москве, я отвечал, что организация создалась очень недавно, что она существует всего три недели и еще не успела проявить себя чем-либо серьезным. Говорили о разных общих вопросах, о тактике, об отношении местных групп к центральному комитету, об отношении будущей социал-демократ. партии к другим организациям, как-то: «Партии народных прав», «Социал-революционной партии». Я больше слушал, так как все эти вопросы для меня были совершенно новы. Разошлись около 11 часов вечера. Я прямо отправился в свой номер и тотчас же лег спать. На следующий день, в то же время (т.-е. в 6 ч.) за мной опять зашел человек, и мы отправились на ту же квартиру. Всего было человек семь — те лица, какие я видел вчера, и еще новых два лица. Я держал себя точно так же, как и вчера, т.-е. слушал и молчал. Одно лицо прочло вслух все вопросы, подлежащие обсуждению, и, затем, все остановились на первом вопросе. Долго говорили о названиях местных групп, наконец, все решили, заменили прежние названия одним общим для всех организаций. Каждая группа должна была называться после съезда местным «социал-демокр. комитетом». Многие стояли за сохранение слова «союз», так как рабочие привыкли к этому слову, и оно вполне отвечает основной задаче социал-демократов — это организовать весь рабочий класс в один общий союз. Но все-таки, в конце концов, большинство пришло к тому заключению, что необходимо заменить «союз» словом «комитет», так как последнее слово обнимает собой не только интеллигентную организацию, но и рабочую. Я присоединил свой голос к большинству, вообще и в последующих вопросах я поступал точно так же. Все вопросы, какие разбирались на съезде, решено было поместить в «манифесте партии» — в форме постановления съезда. В конце собрания мне сообщили, что я могу завтра ехать домой и передать пославшему меня, что съезд состоялся. На другой день, часам к трем, ко мне зашел один из членов ново-образовавшейся партии и сказал, что принес для московских товарищей маленький гостинец — гостинец состоял из сотни слишком брошюр, завернутых в газету. Я согласился принять книги и обещал выслать деньги по приезде в Москву. Когда он ушел, я занялся просмотром книг, — здесь было несколько десятков «Работника» №№ 5 — 6, сказка «Стачка лжи», «Петербургский рабочий листок» № 2, «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «10 лет Морозовской стачки» и другие... В Москву я приехал числа второго или третьего марта — точно не помню. На вокзале меня никто не встречал, и я прямо отправился домой — на Земляной вал (эти книги были найдены впоследствии у Биска — я передал их ему в день ареста). Незадолго до ареста, кажется, я говорил Малинину, что ему скоро придется быть на Брестском вокзале — встречать транспорт с нелегальными книгами, который должен прибыть в половине марта. Я не помню хорошо, говорил ли я ему это, но если говорил, то это относилось к «манифесту», прибытия коего ожидали в самом непродолжительном времени. В предъявляемой мне карточке я узнал то лицо, какое я видел в Минске на Новой Мясницкой ул., д. Клотца, я заходил туда, чтобы встретить там лицо, какое должно было отвести меня на квартиру, где было собрание. Первое лицо не было на собраниях, и вообще я ни разу после не встречал его. Мне было сказано, что в доме Клотца живет Вульф Хан. (Была предъявлена карточка Вольфа Гершенова *Хана*.) Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подп.) *Ратко*.

3.

ПРОТОКОЛ № [1]).

1898 года ноября 6 дня, в городе Минске, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035⁷ Уст. Угол. Суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от сего числа показал:

Зовут меня Виктор Алексеевич *Вановский*.

[1]) Д. № 128, т. II, 1898 г., 4-е д-во.

В декабре месяце 97 г. я получил из того же источника, каковой у меня имелся в провинции, указание, что есть в Москве одна личность, которая может быть полезной для союза; фамилии этой личности мне не было дано, а дан был лишь адрес для написания этому господину письменного приглашения (с обозначением времени и места, т.-е. я должен был обозначить время и место свидания сам) и условленный пароль. Я дал адрес Елизавете Казимировне Павликовской и в декабре (кажется, перед Рождеством) виделся с этим господином у Елизаветы Казимировны. Разговор наш был самого общего характера — говорили, например, о материализме, о новых статьях, журналах и т. д. Ни он ни я не делали шага по направлению к действительной цели нашего свидания; в конце свидания я заключил, что имею дело с человеком хотя и очень образованным, искусным диалектиком, но мало пригодным для практического дела (я заметил, что он слишком много читает и слишком охотно говорит на отвлеченные темы: признак кабинетного человека). В конце беседы я задал ему несколько вопросов касательно новой нелегальной литературы, желая узнать, насколько он знаком с нею; он отвечал мало и в общих фразах. Свидание наше кончилось, и я решил, что этот господин не может быть полезен союзу. Затем я узнал, что у него был вскоре обыск, и вследствие этого мое намерение не продолжать свое знакомство — увеличилось. Вот и все отношение ко мне этого лица, которое я узнаю в предъявленной мне карточке и которое вы называете Александром Александровичем Иогансоном. Прибавляю, что Александр Николаевич Покровский мне не известен; отношения к союзу это лицо не имело никакого, равно как и к устройству моего свидания. Мои деловые отношения происходили исключительно через Минск, хотя я и не знаю, кто и откуда присылал мне через этот город шифрованные газеты, а также рекомендовал Константина Константиновича Солодухо и, наконец, предложил знакомство с Александром Александровичем Иогансоном. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов
ротмистр (подп.) *Ратко.*

4.

ПРОТОКОЛ № [1]).

1898 года ноября 6 дня, в городе Москве, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035⁷ Уст. Угол. Суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 24 сентября с. г., показал:

Зовут меня Виктор Алексеевич *Вановский*.

[1]) Там же.

В ноябре 97 г. у меня явилась мысль организовать кружок для того, чтобы при содействии его сблизиться с рабочими. Определенной программы и плана действий у меня тогда не было, так как не имелось еще никаких средств для приведения в исполнение моих планов. За неимением подходящих людей для дела я принужден был выбирать из числа лиц, известных мне по кружку для самообразования, который устроился еще в начале года между студентами-техниками. Не было ни средств ни людей, не было также нелегальной литературы, которая придает, обыкновенно, значение кружку и вызывает доверие к его силам. Сближаясь с рабочими, я вынес убеждение, что в среде их очень популярно имя «рабочего союза», слухи о котором распространялись широко. У меня явилась мысль свой кружок превратить в этот союз, хотя, несомненно, кружок был очень незначителен по своему составу и своим средствам и явно не соответствовал своему новому названию; но у меня был расчет, что кружок этот в виде «союза» скорей привлечет к себе силы и средства, и поэтому я объявил своим товарищам об основании союза, чему они, кажется, не придали большого значения, считая, конечно, союз этот фикцией. В декабре, таким образом, было положено основание «Московскому Союзу борьбы». В числе изданий союза в управлении имеется программа союза. Этот листок написан мною, но считаю не лишним несколько оговориться по поводу его действительного значения. Написан этот листок в декабре; его литературные недостатки, бессвязность, а главное совершенное несоответствие его положений и всего тона с духом социал-демократических програм и с реальными целями союза [1]), объясняются, с одной стороны, моим болезненным состоянием, в котором я писал этот листок (я был раньше болен в течение трех лет душевным расстройством, и у меня осталось, как последствие болезни, периодическое возвращение ее в виде умственной неясности и тому подобное), с другой стороны, я еще в бытность мою студентом читал произведения народнической революционной литературы и усвоил присущий ей тон; ознакомившись с современной социал-демократической литературой, я, разумеется, забраковал свою программу, которой, впрочем, и раньше не придавал

[1]) Такую же отрицательную характеристику этой программы давали тогда и другие члены Московского Союза. В показании своем на допросе 2-го мая 1898 г. Кс. Вас. Ситнин об этой программе говорит:

«Когда я приехал (из Иваново-Вознесенска, куда ездил на Рождество), здесь была уже выпущена программа. Она удивила меня своим задорным тоном. Оказалось, что так как программа была выпущена исключительно для интеллигенции и одной из главных ее целей было добыть денег, то этим тоном надеялись привлечь также радикалов. Но это возбудило неудовольствие марксистов, и выпуск программы был вскоре прекращен».

В настоящее время нас поражает в этой программе не задорный тон ее, а умеренность поставленной ею цели: она предлагала подготовить рабочий класс к политической *революции* с целью замены самодержавия царского *констатуционным* правительством.

Прим. ред.

значения; не уничтожил я ее только ради того, чтобы не вредить своему авторитету среди товарищей, признав эту программу негодной, впрочем, она была сдана, что называется, в архив и не распространялась. Возвращусь к истории «Московского Союза»; благодаря, единственно, случаю, я завел связи с одним лицом из провинции; это лицо, доверяя мне, вступило со мною в шифрованную переписку; положение этого лица, его связи я знать не мог еще, но, разумеется, подозревал, что имею дело с группой, а не с личностью только; мне была обещана литература с уплатою за нее денег, и поездка Ситнина, по моему поручению, доставила союзу эту литературу. Относительно других предложенных вами вопросов имею сказать следующее: ни Пилецкого ни Ефимова я совершенно не знаю: что касается содержания расшифрованной корреспонденции из Минска, где упоминается доктор Ефимов, то признаюсь, что ее содержание мне неясно, могу себе объяснить это обстоятельство только тем, что раньше была зашифрованная корреспонденция, которая не попала в мои руки и где, может быть, и содержится объяснение второй корреспонденции. Относительно Константина Константиновича Солодуха имею сказать только то, что приехал он в Москву, имея ко мне рекомендацию; не имея больше никого из числа членов союза для посылки в Иваново-Вознесенск, я принужден был обратиться к Конст. Констант. Солодухе с предложением ехать туда, это предложение он и принял. Раньше я с ним нигде не встречался и вообще знаю о нем только то, что мною сейчас показано. В феврале 1898 г. я получил через шифрованную корреспонденцию от своего знакомого из провинции предложение быть на съезде делегатов от рабочих союзов; предложение было сделано в такой форме: я должен был держать в полном секрете, не сообщая даже своим товарищам все сведения, сообщенные мне в шифрованной записке относительно условий съезда и программных вопросов, имеющих быть разрешенными на съезде. Вопросы эти были таковы: 1) как назвать будущую партию «социал-демократической» или «рабочей». 2) Каковая должна быть организация и партия; степень автономности отдельных союзов. 3) Как должен быть выбран «центральный комитет партии», т.-е. из числа ли лиц, принадлежащих съезду, или же могут быть выбраны и другие лица. 4) Вопросы о литературе; предполагалось литературу сделать бесплатной, не взимая вообще за нее денег с кого бы то ни было. Средствами для покупки литературы должны были служить взносы отдельных союзов в кассу партии. Затем еще ряд второстепенных вопросов, которые я уже не помню точно; впрочем, все эти вопросы в их положительном решении заключаются в Манифесте партии, именно там, где говорится об организации партии и т. д. Я решил, что ехать сам не могу, считая себя под надзором, послать было некого; пришлось сделать так: послать на съезд делегата, с подробными инструкциями, с просьбой больше молчать, дабы не обнаружить свою неподготовленность к обсуждению важных вопросов партийной программы. Делегат ездил и привез мне решение съезда; формальное присоединение союза к партии, следовательно, состоялось; но фактически присоединиться я еще колебался, не зная хорошо, с кем имею дело; я решил выждать, во-первых, получения обещанного «Манифеста» партии, во-вторых, проявления вообще действий партии. Делегата, посланного мною на съезд, я хотя и отказываюсь назвать, но предлагаю ему сделать это самому, в виду интересов других товарищей. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов
ротмистр (подп.) *Ратко*.

5.

ПРОТОКОЛ № [1]).

1898 года ноября 12 дня в г. Москве, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании 1035⁷ ст. Уст. Угол. Суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 16 сентября сего года, показал:

Зовут меня Хаим Менделевич *Водовинский*.

От Сергея Александровича Щербакова, незадолго до моего ареста, я слышал, что где-то состоялся съезд представителей отдельных социал-демократических организаций, которые соединились в одну «Российскую социал-демократическую партию». По словам Щербакова, «Московский Союз» также присоединился, приняв название «Московской группы» партии. Кто ездил делегатом от «Московского Союза», мне неизвестно, а равно и то, где происходил самый съезд. Точно так же я ничего не слышал о подробностях этого съезда и о том, на каких условиях произошло присоединение. Вообще должен сказать, что я весьма мало был посвящен в дела организации, так как моя роль была чисто служебная: мною лишь пользовались в необходимых случаях для переноски литературы и деловых записок, о чем я уже показал раньше. Нелегальные поручения мне давали исключительно Александр *Вановский* и Ксенофонт *Ситнин*. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подп.) *Ратко*.

6.

В департамент полиции.

ПРОТОКОЛ № [2]).

1898 года ноября «13» дня, в городе Москве, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035⁷ Уст. Угол. Суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда

[1]) Д. № 128, т. 2, 1898 г., 4-е д-во.
[2]) Там же.

А. И. Короткого, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 23 сентября, показал:

Зовут меня Алексей Иванов *Любимов*.

На собрании у Елизаветы Павликовской, бывшем 10-го марта, я был; к съезду собрание это не имело никакого отношения; говорилось лишь о тактике дела кружка и о различных мелких частных вопросах, которые припомнить я не могу. О съезде, как о совершившемся факте, я узнал до этого собрания в начале марта. Как член «Союза», я имел активное участие и самостоятельную работу исключительно среди рабочих, с которыми и знакомил интеллигентов. К другим вопросам и задачам кружка я не имел никакого отношения, и если знал о них, то лишь потому, что пользовался большою доверенностью и при мне не стеснялись говорить; так, напр., я знал о получении транспорта нелегальных книг Ситниным, и найденная у меня при обыске «Сущность конституции» Лассаля взята мною из этого транспорта. Насколько я могу припомнить, транспорт этот был первым и единственным, полученным кружком. С Виктором Вановским я был знаком. Два найденные у меня клочка бумаги со списками нелегальных книг написаны мною, но что означают цифровые данные, поставленные в них, я отказываюсь объяснить. Как попал ко мне список легальных книг на третьем клочке бумаги, я не могу припомнить; по всей вероятности, он валялся у нас в доме, а в день ареста в моей комнате и взят вместе с прочими бумагами. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подп.) *Ратко*.

7.

ПРОТОКОЛ № [1]).

1898 года ноября «16», в городе Москве, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035[7] Уст. Угол. Суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 31 октября, показал:

Зовут меня Ксенофонт Васильев *Ситнин*.

В Минск делегатом от Московского Союза ездил Александр Алексеевич *Вановский*. Я вспомнил также, что на двери дома, где я был в Минске, была вывеска, где было написано: акушерка и затем фамилия хозяйки дома. Фамилия лица, к которому я получил адрес в Минске, был *Хак*. Приблизительно числа 26 февраля Вановский уехал к родным в Измайлово, и в Минск проехал прямо. Оттуда вернулся он приблизительно числа 6-го марта. Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов, ротмистр (подп.) *Ратко*.

[1]) Там же.

III. *Копия.*

Программа „Московского союза борьбы за освобождение раб. класса“ [1]).

Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» считает себя лишь отрядом русского рабочего движения, которое в свою очередь является отрядом всемирного движения пролетариев против общего их врага – капиталистического строя.

Московский союз рабочих считает себя социалистической рабочей группой и в качестве таковой видит окончательную цель, как европейского, так и русского рабочего движения в передаче рабочим орудий труда (фабрик, заводов) и земли, в основании всемирного социалистического государства, считая капиталистический строй, — с его эксплоатацией рабочего и безумной роскошью привилегированных сословий, с бесправным положением в ней трудящегося и господством тунеядцев, с проституцией, нищенством и преступлениями, — считая этот бесчеловечный, проклятый строй главным врагом трудящегося человечества и главною причиною его бедствий, Московский Союз «Борьбы за освобождение рабочего класса» объявляет себя непримиримым врагом капиталистического строя. В борьбе московских рабочих с капиталистами мы будем всегда впереди, отстаивая интересы рабочих и руководя их движениями. Разделяя цели и надежды всемирного рабочего движения, Московский Рабочий Союз, вместе с своими европейскими товарищами, признает, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Опыт истории всех стран и народов ясно говорит, что всякое право завоевывалось борьбой, что силе угнетателей и эксплоататоров с успехом можно противопоставить только силу же. Наши товарищи, европейские рабочие, пятидесятилетнею кровавою борьбою завоевали себе неизмеримо больше прав, чем имеем мы, русские рабочие. В Европе рабочая партия это — союз, признанный законом; через своих депутатов (в парламентах и рейхстагах) рабочие имеют уже там сильное влияние на законодательство и правительство. В европейских странах существует повсеместное конституционное правление (в некоторых государствах, напр., в Германии, со всеобщею подачею голосов). Опыт же русского рабочего движения показал, что русские рабочие в своих попытках соединиться для улучшения своего положения всегда встречали преграду со стороны верного защитника капиталистов царского правительства. Царский деспотизм всегдашний враг рабочих: в своих судах, в законах, издаваемых им, он явно становится на сторону эксплоататоров-капиталистов; трудящемуся же народу, вместо справедливости, царское правительство посылает свинцовые пули; вместо защиты, оно посылает рабочего в тюрьму, как бунтовщика. Если так, то долой царский деспотизм! и да здравствует народное правление!

Принимая во внимание все сказанное выше, Московский Союз «Борьбы за Освоб. Раб. К.» ставит себе задачей объединение московских рабочих в союз для борьбы с капиталистическою эксплоатацией и угнетением;

[1]) Д. № 2, ч. 1$\frac{}{а}$. 377/97. Дело д-та пол. 1898 г. Внутренняя агентура. Агентурные сведения из Москвы.

в виду же того, что ни широкое объединение рабочих ни серьезная победа труда над капиталом не будет возможна, пока существует гнилое здание царского деспотизма, подпертое солдатскими штыками, Московский С. Б. за Осв. Р. К. ставит себе вторую задачу: подготовить рабочий класс к политической революции, — к восстанию против неограниченного царского правительства, с целью замены его конституционным (правительством народа). Московский Рабочий Союз знает, что в среде московских рабочих просыпается уже сознание их бесправности и угнетенности, просыпается желание бороться с их врагами — капиталистами.

Мы будем в этой борьбе всегда впереди. — В этой борьбе сплотятся московские рабочие, и когда наш союз вырастет в грозную силу, *мы нанесем нашему непримиримому врагу — царскому деспотизму — окончательный удар, в самом сердце его—в первопрестольной его столице!*

1 января 1898 года.

IV.

Переписка департамента полиции о 1 Съезде Р. С.-Д. Р. П.

НАЧАЛЬНИК
МОСКОВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ.

12 ноября 1898 года,
№ 11899.
Г. Москва.

Секретно [1]).

1.

Имею честь просить департамент полиции препроводить мне, по возможности в непродолжительном времени, фотографические карточки, по одному экземпляру каждой, арестованных: Абрама *Мутника,* Арона *Креммера,* Петра *Румянцева,* Евгении *Гурвич,* Казимира *Петрусевича* и Павла *Тучапского,* а также карточки лиц, на коих падает подозрение, что одно из них могло присутствовать в качестве петербургского представителя на Минском съезде социал-демократов, происходившем 1-го марта сего года.

Карточки поименованных лиц необходимы для предъявления арестованному Александру *Вановскому,* признавшемуся, что он был делегатом на съезде от Московской группы.

Генерал-лейтенант (подп.) *Шрамм.*

2.

Д. П.
24 декабря 98 г.
по 4 д.
№ 4726.

Постановлениями от 5 октября с. г. начальник московского губернского жандармского управления просил департамент полиции сообщить к дознанию сведения о бывшем в марте месяце с. г. в г. Минске съезде представителей нескольких социал-демократических организаций, объединившихся впоследствии в одну «российскую социал-демократическую партию», делегатах этого съезда и данных, касающихся связей Киевского Союза борьбы с Московским.

[1]) *Д. № 128, т. 2, 1898, 4 дел.*

В ответ на это, согласно отзыва особого отдела от 13 октября за № 1735 Г. Л. Шрамму было отвечено, что: «сведения д-та о Минском Съезде ограничиваются лишь агентурными указаниями, что съезд этот действительно происходил в Минске в марте месяце 1898 г., но кто участвовал на съезде в качестве делегатов, сведений не имеется. Связь Киевского Союза борьбы за освобождение рабочего класса с другими была, по всей вероятности, осуществляема при посредстве Бориса Эйдельмана, который в марте с. г. временно находился в Минске и там поддерживал сношения с обвиняемыми Мутником и Кремером, принимавшими, повидимому, также участие в комиссиях съезда. Связь же Киева с Москвою по революционным делам вообще и рабочему вопросу в особенности поддерживалась, вероятно, при посредстве Александра Иогансона и его группы».

Ныне Г. М. Новицкий с своей стороны обратился в департамент с ходатайством о сообщении ему имеющихся в департаменте сведений о Минском съезде социал-демократов и об участии в этом съезде Эйдельмана, Павла Тучапского и Казимира Петрусевича.

По поводу указанного запроса IV делопроизводство представило Г-ну вице-директору проект ответа нач-ку киевского ГЖУ о том, что делегаты Минского съезда д-ту не известны и что сведения д-та ограничиваются лишь агентурными данными, что съезд действительно происходил в марте с. г.

На означенном проекте его прев-ство изволил наложить резолюцию «Так ответить нельзя. Очевидно, участвовали Эйдельман, Кремер и К-о. Редактировать по соглашению с особым отделом и московским охранным Отделением (хотя бы в смысле предположений)».

Об изложенном IV делопроизводство и. ч. уведомить особый отдел, покорнейше прося не отказать в доставлении, согласно резолюции г. вицедиректора, вышеупомянутых сведений, для сообщения таковых Начальнику московского и киевского губернских жандармских управлений.

3.

СПРАВКА [1]).

Ротмистр Ратко производит дознание, возбужденное 30 марта сего года о «Московском союзе борьбы за освобождение рабочего класса» (первоначально это дознание производил ротмистр. Савицкий). К делу привлечено 43 человека (Александр Вановский и др.); последним привлечен Пилецкий 27 октября (литера доставлена 18 ноября).

Следственными действиями по этому дознанию установлено, что «Московский Союз» присоединился к другим рабочим организациям в марте сего года на Минском съезде, на который прибыли делегаты от Москов-

[1]) Там же.

ского, Петербургского и Киевского Союзов и от «Общееврейского рабочего союза России и Польши». На съезде, где в качестве делегата от Москвы был обвиняемый Александр Вановский (что он и признал), все организации соединились в одну «Российскую социал-демократическую партию» с Центральным Комитетом во главе и с присвоением группам названий местных Комитетов.

4.

НАЧАЛЬНИК
ОТДЕЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕНИЮ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ПОРЯДКА В МОСКВЕ.

№ 890.
29 января 1899 г.
Москва.

Копия [1]).
Совершенно секретно.

Милостивый Государь
Леонид Александрович [2]).

Вследствие письма от 29 декабря минувшего года за № 2277, имею честь уведомить ваше высокоблагородие, что по имеющимся, вполне конфиденциальным сведениям съезд представителей нескольких местных революционных организаций, на котором было провозглашено объединение последних под общим названием «Российской социал-демократической рабочей партии», происходил в г. Минске, с 28 февраля по 4-е марта 1898 г. Участниками означенного съезда были привлеченные уже к дознаниям по обвинению в государственных преступлениях: Борух *Эйдельман* — представитель группы, издававшей «Рабочую Газету»; Абрам *Мытникович* и Арон *Кремер* — от «Общееврейского рабочего союза в России и Польше»; Казимир *Петрусевич* — от Екатеринославского кружка; Павел *Тучапский* — от Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса; Александр *Вановский* — от Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса; один делегат минских социал-демократов и одно лицо, оставшееся неарестованным. Два общих собрания участников съезда (7—8 человек) имели место, вечерами 1-го и 2-го марта, в одном из домов на Захарьевской улице, вероятно, в квартире задержанного в июльскую ликвидацию Петра *Румянцева*. Предметами обсуждения съезда были заранее составленные по особой программе вопросы: о компетенции Центрального Комитета вновь образовавшейся партии, о степени автономности местных групп, их единообразном наименовании, об отношениях к партиям «социалистов-революционеров», «народных прав», «польской социалистической» и т. д. Главнейшие постановления съезда вскоре же были опубликованы во второй части известного «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии». По имеющимся некоторым данным есть основание предположить, что инициатива и организация съезда принадлежали общему руководителю южно-русских рабочих организаций — Боруху Эйдельману, а главными сотрудниками его в этом деле были Мытников, Кремер и Румянцев.

[1]) Л. А. Ратаев.
[2]) Там же.

К сему имею честь присовокупить, что о всем вышеизложенном устно осведомлен и Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, имеющий производить при московском губернском жандармском управлении дознание о тайных типографиях, обнаруженных минувшим летом в г.г. Бобруйске и Минске.

Покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном почтении и глубокой преданности.

Подписал: *С. Зубатов.*